

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева
Союз краеведов России

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век»

МЕНЯ ОКРУЖАЮТ СТОЛЕТИЯ

ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса
исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия – XX век» 2017 года

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
М51

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда Кёрбера (ФРГ), Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёмля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации

Издание осуществлено при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ)

Редакционная коллегия Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

Редактор-составитель Ирина Щербакова

Редактор Николай Гладких
Подготовка текста Любовь Гришина, Оксана Михайлова
Дизайн обложки Георгий Кизевальтер

В оформлении обложки использованы фотография «Студенты операторского отделения ВГИКа» (Москва, 1920-е / Архив НИПЦ «Мемориал») и фотография Михаила Прехнера «Мальчишки на ступенях памятника Пушкину» (Москва, 1930-е / Союз фотохудожников России)

М51 Меня окружают столетья
Российская история XX века глазами школьников
М.: Мемориал; 2017. — 316 с.: ил.

ISBN 978-5-9500727-0-3

В сборник вошли работы российских школьников — лауреатов Всероссийского исторического конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 2016/2017 года, посвященные ключевым событиям XX века, истории семей и мест, сложным человеческим судьбам. В работах использованы уникальные источники: письма, воспоминания, дневники, материалы следственных дел и другие документы из семейных, школьных и государственных архивов.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-9500727-0-3

© Международный Мемориал, 2017

Оглавление

Ирина Щербакова. Предисловие 7

Сто лет назад

*Елена Кройтор. Воспоминания о Революции:
Страницы провинциальной истории города Алатыря* 11

*Ангелина Торопцева. Три судьбы: «Женская история»
поселка Анна* 30

*Виктория Сильванович. Бежицкий концентрационный лагерь
для военнопленных (1920–1921 гг.)* 46

Семейное расследование

*Ксения Чинокалова. История моей семьи. А. К. Тайпале:
Личная жизнь и предпринимательская деятельность
в Санкт-Петербурге XIX–XX веков* 61

*Богдана Кантомирова. «Жить тихо, жертвенно и честно...
И никому за ним не тесно»: История одного стола* 75

*Юлия Холодковская. Судьба прадеда:
Семейное расследование* 88

Вероника Завадская. Зачем искать, что спрятано веками 106

Нельзя забыть

*Екатерина Путилина. «Нам об этом забывать нельзя»:
Репрессии в судьбах жителей села Поливянского* 135

*Владимир Сынков. Не стоит село без праведника:
Страницы жизни М. Н. Басова* 148

*Екатерина Гречко, Яна Зимовская, Екатерина Майорова.
«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»* 159

*Анастасия Хмара. Жители Китая в СССР
в статусе «жертв политических репрессий»* 184

Страницы сельской жизни

*Александра Агишева. Житие двух братьев-близнецов:
Альбом жителя горного города Дедюхино
Петра Петровича Богомолова* 195

Полина Игнатьева. Купец, благотворитель, попечитель 214

<i>Анжелика Маторина. Система поощрений и наказаний в советских колхозах</i>	226
Эхо войны	
<i>Эльвира Кинжаева, Анастасия Ерина. «Я счастье собираю по крупицам»: По страницам жизни послевоенного поколения</i>	241
<i>Оксана Елисова. Все мы родом из детства: Сага о татарах</i>	266
<i>Ирина Корнеева. Солдатским полем призванные</i>	283
О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»	313
Жюри конкурса «Человек в истории. Россия — XX век»	315

Предисловие

Этот сборник в прямом смысле юбилейный: в двадцатый раз мы знакомим читателей с работами российских школьников, победителей ежегодного, 18-го по счету, конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», который общество «Мемориал» проводит с 1999 года. С тех пор сменились уже почти два поколения его участников. И хотя пока этого, кажется, еще не произошло, но очень скоро среди будущих участников нашего конкурса могут оказаться дети самых первых победителей.

За эти 18 лет в российском обществе произошли огромные изменения. Фактически ушли поколения свидетелей самых драматических событий минувшего века: революции, террора, войны. Когда наш конкурс начинался, школьники еще имели возможность соприкоснуться с памятью живых исторических свидетелей. Теперь о первой половине XX века им могут рассказать лишь документы, собранные путем долгих поисков, или случайно оказавшиеся в их руках архивные находки. Среди них есть поистине уникальные. Прежде всего, потому, что в нашем конкурсе — и так было с самого начала — на свет божий вытаскиваются истории совсем незначительных людей. На большие исторические события наши авторы смотрят через призму судеб тех, кто жил в российской глубинке, далеко от столичных городов. И этот сборник открывается работой, которая рассказывает о событиях 1917 года на фоне провинциальной жизни чувашского города Алатыря. А о кровавых событиях гражданской войны можно узнать из работы, в основу которой лег альбом с картинками жителя горного города Дедюхино Петра Петровича Богомолова.

В этом сборнике читатель найдет малоизвестные до сих пор сюжеты — например, описание одного из десятков лагерей для военнопленных, существовавших в конце гражданской войны. Такова история Бежицкого концентрационного лагеря, где в 1920–1921 годах содержались поляки, попавшие в плен в ходе польского похода Красной Армии.

«Семейное расследование» — так называется одна из работ этого сборника, но на самом деле каждый год на конкурс приходят сотни работ, которые можно было бы назвать именно так. Ведь для того, чтобы восстановить такую длинную историю, как история финской семьи Тайпале, создавшей в XIX–XX веках успешную фир-

му в Санкт-Петербурге и устанавливавшей вентиляционные системы даже в Зимнем дворце, надо было проделать огромную работу по поискам документов в семейных и государственных архивах.

Наш конкурс называется «Человек в истории» и в течение всех 18 лет его существования — это и есть его главная тема. Юные авторы рассказывают не только свои семейные истории. Они восстанавливают биографии земляков, по разным причинам забытых, но принадлежавших к лучшим людям минувшего века — самоотверженного земского учителя, богатого купца-благотворителя и многих-многих других. Здесь и поразительная история неспящей борьбы за веру, героиня которой вызывает ассоциации со знаменитой картиной Сурикова. Ее веру не может поколебать ничто, даже уговоры мужа и детей, и за эту веру она готова погибнуть в сталинском лагере.

Работы, приходящие на наш конкурс, — не только расследования, но и исследования. Естественный и спокойный голос их авторов выгодно отличается от истерической битвы за прошлое их взрослых современников, защищающих сегодня старые советские мифы. Можно сколько угодно кричать о героическом подвиге и называть себя патриотами, но гораздо важнее — и для самих школьников, которых порой делают заложниками в этой борьбе за мифы, — слушать безыскусные рассказы о жизни во время и после войны в далекой татарской деревне или расследовать запутанную историю создания памятника на поле рядом с Волгоградом, где шли кровавые бои. В этом, несмотря на юный возраст участников конкурса, их взрослый вклад в осознание смысла исторических событий, от которых их отделяют многие десятилетия.

Ирина Щербакова
председатель Оргкомитета конкурса,
руководитель молодежных просветительских программ
Международного Мемориала, Москва

СТО ЛЕТ НАЗАД

Воспоминания о Революции: Страницы провинциальной истории города Алатыря

Елена Кройтор

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Алатырь, Республика Татарстан

научный руководитель Елена Владимировна

Раздьяконова

Я взглянул окрест меня —
душа моя страданиями
человеческими узвлена стала...

А. Н. Радищев

1917 год. О чем мы вспоминаем, когда слышим эту дату? Что ему предшествовало и что последовало за ним? Первая мировая война, Февральская революция, отречение Николая II, Октябрьский переворот, Гражданская война — моему поколению эти события кажутся такими же далекими и погребенными под пластами времени, как и эпохи Петра I или Екатерины II. Слишком давно это было.

Так было и для меня, пока в мои руки не попали тексты воспоминаний жителей моего родного города Алатыря, очевидцев того времени. С этого момента история 1917 года стала оживать.

В основе этой работы лежат материалы из фондов Алатырского краеведческого музея: краеведческие издания научной библиотеки музея; личный фонд алатырских краеведов братьев В. Н. и С. Н. Грошевых — участников событий 1917 года; личный фонд и воспоминания учителя, музыканта И. Н. Краснова — участника Первой мировой войны и очевидца Февральских событий; личный фонд семьи Кашигиных; фонд Алатырского реального училища.

Кроме этого, Анна Вячеславовна Кашигина, живущая в Москве дочь В. Н. Кашигина — участника Первой мировой войны, предоставила мне возможность использовать воспоминания своего отца.

Для иллюстраций использованы фотографии из коллекции краеведа Николая Петровича Головченко (г. Алатырь) и из личного архива Михаила Феликсовича Нагевича (г. Москва).

Главной целью исследования было ввести в научный оборот ранее не опубликованные документальные источники, в той или

иной мере относящиеся к истории 1917 года. Добавить в «калейдоскоп» революционных событий общероссийской истории частицы отдельных локальных историй из жизни провинциального города Алатыря.

Алатырь — административный центр Алатырского муниципального района Чувашской Республики. Основан в 1552 году. До 1920 года — уездный центр Симбирской губернии. Сегодня его население 35 591 чел. (данные 2016 года).

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

«Встреча Нового 1917 года произошла в нашем Грузинском полку на позиции. В ночь с 31 декабря на 1 января наша рота по обыкновению не спала, неся позиционную сторожевую вахту. Часы приближались к 12-ти, на столе появилась бутылка зубровки, хереса, колбаса, сыр. Ровно 12. Сели за стол, налили по единой, начались взаимные поздравления с Новым годом, новым счастьем (разумеется, высшим счастьем — конец войны)». Так начинается одна из глав воспоминаний участника Первой мировой войны, учителя из Алатыря Ивана Николаевича Краснова (1888–1960).

Иван Николаевич родился в селе Висяга Алатырского уезда. Окончил Порецкую учительскую семинарию, в 1908–1914 гг. заведовал школами Буинского уезда Симбирской губернии, а с началом Первой мировой войны был призван на фронт.

Там и встречали Новый, 1917 год. Ждали с новыми надеждами. Война шла уже несколько лет, народ был истощен, число убитых и раненых превысило 9 млн человек. Воевать ушла почти половина трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 50 лет. В тылу не хватало рабочей силы, а трудовой день увеличился до 14–16 часов. Железная дорога не справлялась с поставкой продовольствия, возникли перебои с топливом, в магазинах появились невиданные до этого бесконечные очереди, цены на продукты выросли.

Патриотическое чувство ушло, остались лишь раздражение, ненависть к войне и тем, кто ее затеял. Это подтверждают и свидетельства очевидца событий Ивана Краснова, в дневниковых записях которого мы читаем: *«Не надо продолжать войну. Сколько жертв, горя и слез принесла с собой народу ненавистная война, затеянная царем и буржуазией. На позиции выставлены воины из крестьян и рабочих, которым, в сущности, война совсем не нужна, она принесла им лишь бесчисленные жертвы и разорение. Война*

выгодна для наживы буржуазии и капиталистам, так пусть они и воюют. Долой войну!»

Краснов пишет, что в январе в Петербурге начались волнения среди солдат гарнизона, затем к ним присоединились рабочие Путиловского завода, позже недовольство распространилось на прочие заводы и фабрики. Возникли многочисленные демонстрации с красными флагами и лозунгами «Долой войну!». Полиция конная и пешая, жандармерия, стражники (казачество) с ожесточением разгоняли демонстрантов, пуская в ход нагайки и шашки. От высшего начальства был получен приказ: «Патронов не жалеть, подавить беспорядки».

На фронте начались разговоры, подогреваемые горячей надеждой на конец войны, которая всем опротивела. *«В частях говорили между собой: “Если в столице появились у солдат и рабочих лозунги ‘Долой войну!’, значит дело верное — скоро будет, действительно, конец войне! Ура! Ребята, скоро — по домам!!!”».*

Не менее ценную и интересную информацию о событиях на фронте можно найти у другого участника Первой мировой войны — подпоручика Вячеслава Николаевича Кашигина (1898–1961). Он тоже родился в Алатыре, окончил Николаевское артиллерийское училище. В военных действиях с декабря 1916 года. Подпоручик, начальник связи 1-ой батареи 2-го Казанского артиллерийского дивизиона.

Его записи относятся уже к лету 1917 года. Именно из них мы узнаем о подготовке летнего наступления. Автор отмечает, что к этому моменту командный состав потерял былой авторитет, армия была деморализована и стала распадаться: *«Начинались местами братания, война перестала быть популярной...»* В таком состоянии полк пошел в «июньское наступление», или, как его еще называли, «наступление Керенского» — Временное правительство надеялось с его помощью «укрепить основные позиции контрреволюции» и удержать в узде силы революционные. Оно стало последним наступлением русских войск в Первой мировой войне — блестяще подготовленное русским командованием, оно провалилось из-за катастрофического падения дисциплины в войсках.

Кашигин пишет, что на тот момент в армии отсутствовала основная силовая масса — пехота. Это дало противнику повод перейти в контрнаступление. В результате: *«Жидкая цепочка фронта стала трещать по всем швам... Наступление превратилось или превращалось в отступление».*

В воспоминаниях Ивана Николаевича Краснова особый акцент делается на русско-немецких отношениях с того момента, когда на фронте началось массовое братание. Уже Новый 1917 год русские и немецкие солдаты встречали практически вместе: *«Затем кому-то пришла мысль — поздравить с Новым годом наших соседей по окопам — немцев, благо немецкие окопы находились от нас совсем близко... Узнали, как по-немецки поздравить “с Новым годом”, а они кричали по-русски. А для пущего эффекта — торжественно открыли стрельбу из бомбометов, немцы начали отвечать так же, это получилось необыкновенно помпезно...»*

Автор пишет, что сначала на брустверах окопов Западного фронта были выставлены белые флаги, затем солдаты и с той и с другой стороны начали вылезать из своих окопов: *«Подожли, стали здороваться, пожимая руки, хлопая друг друга по плечу, смеялись, в глазах светилась самая искренняя и задушевная радость, дружеское чувство; стали в этот момент уж не врагами, а близкими подлинными друзьями».*

Позже обе стороны приглашали друг друга в свои окопы и угощали. Трудность была в том, что многие не владели вторым языком. Приходилось объясняться при помощи жестикуляции. Нашлось много офицеров, которые стали выступать в качестве переводчиков. В целом же ситуация была очень дружелюбная и совершенно не военная. *«У наших и у немцев лица выражали возбужденно-радостное настроение. Вчерашние враги преобразились в закадычных друзей; сошлись простые жизнерадостные люди, которых на травливали друг на друга, как собак, пресловутые хозяева воюющих государств; теперь стоило бы спросить каждого немца или русского — обидели ли взаимно они друг друга когда-нибудь, и сердиты ли теперь немцы на русских, или русские на немцев? Конечно, нет. Сейчас сошлись миролюбивые люди из крестьян и рабочих, одетые в военную одежду».*

Дальше братание приобрело массовый характер. Автор сравнивает атмосферу на фронте с международной ярмаркой в Лейпциге или в Смоленске. Открылись пункты меновой торговли и продажи за деньги. У немцев можно было приобрести охотничьи ружья с Крупновскими стволами¹ (марка — «три кольца»), знаменитые

¹ В 1912 г. завод «Крупп» в Германии начал выпускать нержавеющей сталь для оружия, благодаря чему нержавеющие стволы значительно понизились в цене. Они не поддаются коррозии после стрельбы бездымным порохом, будучи оставлены без всякой чистки в течение нескольких недель.

золлингенские бритвы², ножи разных систем, ножницы, инкрустированные серебряные портсигары, золотые и серебряные чайные ложки, золотые кольца и серьги с бриллиантами. Торговля русских солдат состояла, главным образом, из продажи и обмена сливочного масла, украинского сала, мыла, сальных и стеариновых свечей, мясных и рыбных консервов, шоколада, конфет «Миньон», «Реномэ» и др., брокарского одеколона, духов, мыла, пудры³. Также в изобилии продавались разные хозяйственные вещи.

В ТО ВРЕМЯ В АЛАТЫРЕ...

Первая мировая война резко изменила жизнь и нашего провинциального Алатыря. Город стал центром формирования воинских частей, пунктом квартирования 160 запасного пехотного батальона и конного запаса. В городе порой размещалось до 10 тыс. солдат. На поселение прибывали пленные немцы, австрийцы и турки. С появлением последних, началась эпидемия тифа. Кроме того, в Алатырском уезде должно было поселиться 10 тыс. беженцев из западных губерний.

Для размещения воинских частей были отданы здания Женской гимназии, Реального и только что отстроенного Епархиального училища. Командир 160-го пехотного батальона В. Савельев выражал свою благодарность: *«за удобства, предоставленные нижним чинам, Высочайше вверенного мне батальона, в здании Алатырского Епархиального училища, дают мне возможность засвидетельствовать о той великой заслуге, которую оказало духовенство Алатырского округа, отдав Русскому солдату колыбель, приготовленную и предназначенную для их учащих дочерей».*

Невозможно в этой связи не процитировать дневник тогда еще новобранца Ивана Краснова, который рисует менее благостную картину: *«надо было видеть, как солдатня впервые входила, обутая в тяжелые военные скребалы, в шинелях, с винтовками в такое дивное помещение с гиканьем, присвистом, злобствуя на духовенство, освобожденное от призыва в армию; это, дескать, для их деток приготовили чудесное здание; теперь — не бывать этому,*

² Золлинген — это не название бренда, это город в Германии, в котором производят лучшие в мире опасные бритвы. Лезвия золлингенских мастеров славились непревзойденным качеством стали и ее заточки.

³ Брокер и Ко — популярнейшая парфюмерная фирма в России в конце XIX — начале XX века, основанная французом Анри Брокером.

думали солдаты, срывая свою злость разрушением мраморных ступеней прикладами винтовок... Через неделю помещение было загажено и приняло вид типичной вонючей казармы, с удушливым запахом солдатских кожаных сапог, махорки, солдатских щей и каши».

Армии требовалось не только оружие и боеприпасы, но и огромное количество обмундирования, обуви и другого имущества, которое и стало изготавливаться в городе и уезде. С августа 1914 по май 1916 года в Алатыре и окрестных селениях для интендантского ведомства было сшито 61 527 пар сапог, 347 354 шинели, 472 180 рубах и другого имущества.

При посредничестве созданного Военно-промышленного комитета в 1915–1916 гг. артели кустарей и учебно-ремесленная мастерская Алатырского уезда изготовили десятки тысяч снарядных ящиков, соломенных матов, деревянных лопат и т. п.

Призывы в армию, реквизиция лошадей для нужд военного времени, сокращение посевных площадей обострили продовольственный вопрос. Хлеба требовалось все больше, так как население города постоянно росло.

В январе 1917 г. алатырский городской голова сообщал в Симбирск о *«совершенном отсутствии в городе ржаной муки»*. Даже в воинских частях ощущалась острая нехватка продовольствия. Командир одного из батальонов, расквартированного в городе, с возмущением писал в Алатырское уездное земство: *«Кормить по закону хлебом я обязан, давать же вместо хлеба читать (ваши) циркуляры я не имею права»*.

Среди населения города росло недовольство. Положение на фронтах было лучшей агитацией против существующего строя. Агент алатырской полиции доносил: *«Эшелоны с ранеными, проходящие через станцию на Восток, революционизируют местное население»*.

КЕРЕНСКИЙ И КЕРЕНСКИЙ

Интересно сравнить страницы воспоминаний Ивана Краснова и Вячеслава Кашигина, где каждый из них описывает свои впечатления от встречи с Александром Федоровичем Керенским⁴ —

⁴ Керенский А. Ф. (1881–1970) родился в Симбирске (ныне Ульяновск) в семье директора мужской гимназии, где учился В. И. Ленин. Российский политический и государственный деятель, министр-председатель Временного правительства в 1917 г.

Алатырь, панорама города

Алатырь, казенный винный склад

Алатырь, реальное училище

Директор
реального училища
Сергей
Александрович
Керенский

Алатырский педтехникум. И. Н. Краснов (в центре), 1934

Преподаватель
педтехникума
Иван Николаевич Краснов

Братья Василий Семенович (справа) и Николай Семенович Грошевы

Лазарет 160-го полка. М. Ф. Нагевич (в центре), 1915

исторической фигурой, сыгравшей не последнюю роль в событиях 1917 года.

«Вскоре, подъехал в автомобиле небольшого роста человек в солдатской гимнастерке, на ногах ботинки с обмотками, на голове простая солдатская фуражка с кокардой. Проворно выскочил из автомобиля и скорым шагом направился к приготовленной заранее трибуне...», — так описывает военного министра И. Н. Краснов.

Он отмечает, что Керенский обладал незаурядными ораторскими способностями, знал психологию солдат и чувствовал их настроение. Благодаря этому произнесенная речь оказала огромное влияние на толпу, солдаты и офицеры бросились к трибуне и на руках понесли его с громовыми криками «Ура! Ура! Ура!!!». Краснов пишет, что это *«была поистине волнующая и потрясающая картина, патриотическое чувство, казалось, разлилось, захлестнуло всю массу, как в наводнение, каждый солдат и офицер проникся жаром настоящего патриотизма»*.

Диаметрально противоположное мнение о Керенском дается в записях Вячеслава Кашигина: *«Перед отъездом с фронта имел счастье видеть первый и последний раз новоявленного “Бонопарта” — главковерха⁵ Керенского. Лично на меня он произвел отвратное впечатление психопата и неврастеника. Его выступление с завыванием и призывами к продолжению войны до победного конца, с подергиванием всего тела при этом и гримасничаньем, было отвратно...»* Здесь мы видим весьма субъективную, но не менее ценную психологическую характеристику знаменитой личности.

В нашем же городе имелся свой Керенский, не однофамилец Александра Федоровича, а кровный родственник — его двоюродный брат Сергей Александрович Керенский, директор Алатырского реального училища, уникальный и удивительный человек, снискавший любовь и уважение как у своих подопечных, так и у горожан.

В период работы в Алатыре он провел значительные преобразования, направленные на улучшение обучения детей. Заветной мечтой Сергея Алексеевича было построить новое здание Реального училища в городе. К сожалению, жизнь С. А. Керенского окончилась трагически — в августе 1911 года он заболел тифом и скоропостижно скончался. А мечта о новом здании в связи с теми же собы-

⁵ *Главковерх* — сокращенное наименование должности верховного главнокомандующего в России во время Первой мировой войны.

тиями 1917 года так и не была осуществлена. В 1918 году советская власть навсегда закрыла Алатырское реальное училище.

Два Керенских — две личности и две судьбы... Один не доживет и не увидит, как всё перевернется в 17 году. Другой — участник и в какой-то степени виновник этого переворота — избежит революционного молоха, будет жить вдали от России и умрет в возрасте 89 лет в спокойной и сытой Америке.

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

События февральской революции на фронте были встречены с большим воодушевлением. Солдаты охотно верили в агитационные речи и возлагали большие надежды на новое правительство. Весть о свержении «царя-идола» была воспринята как народный праздник, все поздравляли друг друга. Иван Краснов пишет, что солдаты прямо и смело говорили: *«Раз царя прогнали, и войне конец, вот, ребята, когда благодать-то наступила! По домам! И никаких гвоздей!»*

В газетах началась активная пропаганда Временного правительства, в которое вошли *«якобы, умнейшие люди, лучшие люди из всей России»*. Народ призывали подчиняться и уважать новую власть, ведь именно она должна привести Россию *«к сияющему счастью и полному благополучию»*. К сожалению, надеждам солдат не суждено было сбыться и вера в то, что временное правительство прекратит эту страшную войну, не оправдалась.

«Солдаты приуныли. Многие говорили, что хрен редьки не слаще. Царь заставлял воевать и временное правительство велит продолжать войну до победного конца, значит, опять не видно конца войны, братцы. Разве это умнейшие люди во временном правительстве?» — так автор описывает психологическое состояние солдат в тот момент.

Дисциплина в полку была окончательно разрушена. Патриотический дух пал. Не смогли его надолго поднять и пылкие речи Керенского. В таком состоянии солдат невозможно было заставить идти в бой. Поэтому даже после приказа о наступлении войска только заняли исходное положение, но не пошли в атаку.

«Вскоре, по войскам был разослан приказ об отмене отдания чести солдатам офицерству и генералам. Второй приказ последовал о снятии погон. Это был смелый и явный шаг к настоящему развалу армии».

Свою подрывную роль сыграли листовки большевиков. В них пропагандировалась идея: война нужна только богачам. Солдаты охотно верили этим словам и считали, что только большевики понимают их чувства, потому что их партия состоит из таких же рабочих и трудяг. Временному же правительству легко командовать, ведь их дети не воюют на фронтах. Солдаты почувствовали за собой верную поддержку и защиту. Желание бросить службу стало неодолимым.

Из воспоминаний Вячеслава Кашигина: *«Осенью я с рядом товарищей был послан в тыл за людским и конским пополнением для бригады. Конечно, никто из нас не думал, что назад мы уже не вернемся и никаких пополнений не привезем. При посадке удалось втиснуться в тамбур, а затем получилось как-то само собой, что наша компания, состоящая из 4-х человек, оккупировала уборную в которой мы и доехали с “удобствами” до Москвы. Путь от Москвы до Казани был легче и я даже ухитрился заехать на несколько дней в самовольную побывку домой, где не был больше полутора лет. Конечно, радости не было конца...»*

Так в череде событий приблизился Октябрьский переворот, переход власти от временного правительства в руки советов, по мнению Кашигина прошел безболезненно и, насколько он помнит, без кровопролития. Но *«В городе было, однако беспокойно, начались аресты всяких бывших людей, в число их попали и несколько подобных мне, т. е. бывших офицеров».*

АЛАТЫРСКАЯ ХРОНИКА

4 марта 1917 года. Алатырский исправник задержал телеграмму о революционных событиях свержения самодержавия в Петрограде 27 февраля 1917 года и сообщил об этом только 4 марта.

5 марта 1917 года. Жители города с воодушевлением приняли весть об отречении Николая II от престола. В этот день в Алатыре прошла многолюдная демонстрация и революционные выступления горожан. Рабочие разгромили тюрьму, выпустили заключенных, сожгли полицейский архив, были попытки разгромить магазины.

7 марта 1917 года. *«На заседании педагогического совета Алатырского реального училища собравшиеся слушали совместное заявление директора Д. П. Чирихина о том, что текущие события произвели на учеников... весьма сильное впечатление, и что особенно сильно поддавалась этим впечатлениям чуткая молодежь стар-*

ших классов... Принимая во внимание возбужденное революцией настроение учеников, пед. совет училища счел необходимым освободить 5-й, 6-й и 7-й классы от занятий до понедельника 13 марта. Относительно ношения учениками красных бантов решено предложить им носить эти символы русской свободы не на блузах, а лишь на верхнем платье».

1 мая 1917 года. Из воспоминаний братьев В. С. и Н. С. Грошевых: «Алатырский Совет организовал грандиозное празднование 1 мая. Рабочие железной дороги и лесопильных заводов приготовили красные флаги и лозунги “Да здравствует 8-часовой рабочий день!” Ко дню празднования во многих ротах солдаты старались выучиться петь революционные песни... Но во всем полку не нашлось ни одного человека, который бы хорошо знал хоть одну революционную песню от начала до конца».

Братья родились в Алатыре. Василий Семенович Грошев (1894–1971) — учитель, краевед, исследователь истории родного города. Им были собраны уникальные материалы о многих выдающихся земляках, подготовлена к печати биография всемирно известного скульптора С. Д. Эрзи. В 1950-е годы он предпринял активные попытки по созданию в Алатыре музея С. Д. Эрзи, вел обширную переписку с самим скульптором. Николай Семенович Грошев (1896–1970) участвовал в Первой мировой войне. Вся жизнь посвятил делу радиофикации г. Алатыря и Чувашии. Он автор 50 изобретений и усовершенствований в области радиофикации, почетный радист Советского Союза. Участник Великой Отечественной войны, капитан, закончил войну в Праге, награжден орденами и медалями. Также всю жизнь занимался краеведческими изысканиями. Воспоминания братьев — бесценный источник информации по истории города.

Грошевы пишут, что 1 мая 1917 года был солнечным и теплым и что рабочие в стройных колоннах вышли на демонстрацию на Старобазарную площадь. Вскоре церемониальным маршем перед трудящимися г. Алатыря, без винтовок и оркестра прошли все солдаты 160 запасного пехотного полка. Горожане приветствовали их восторженными криками и громким «Ура». На митинге звучали призывы не верить Временному правительству, говорили, что режим двоевластия погубит Россию. Трудовой народ должен крепко сплотиться вокруг своих советов и установить такое управление страной, которое будет защищать интересы народа, интересы рабочих и крестьян.

Октябрь 1917 года. В Алатыре еще не существовало оформленных большевистских организаций. Революционную борьбу в массах вели лишь отдельные большевики и сочувствующие.

28 октября 1917 года. Губернские газеты в Симбирске опубликовали сообщение о свержении большевиками буржуазного Временного правительства. В этот момент в городе и уезде развернулась острая классовая борьба. В декабре 17-го по инициативе большевиков 160 запасного пехотного полка была организована группа большевиков.

22 января 1918 года. Исполком алатырского Совета рабочих солдатских и крестьянских депутатов постановил: *«Взять всю власть совету с проведением всех декретов народного комиссариата полностью».*

Эсеры, меньшевики, большевики, депутаты, делегаты, революционные комитеты, учредительные съезды, революционные штабы, контрреволюционные мятежи... Это только краткий перечень политических групп и событий, будораживших умы горожан. Все смещалось в маленьком провинциальном городке, впрочем, как и во всей большой стране.

Глобальные революционные перемены в стране привели и к не менее страшным событиям братоубийственной Гражданской войны. Не миновали они и наш город.

Летом 1918 года фронт приблизился вплотную к Алатырю. 22 июля белогвардейцы захватили Симбирск и город стал на некоторое время административно-политическим центром Симбирской губернии, куда были переведены все губернские органы политической и административной власти. Кроме этого, Алатырь приобретает исключительное стратегическое значение, находясь на важнейшей магистрали Восточного фронта — железнодорожной линии на Казань. В городе были сосредоточены огромные людские ресурсы.

НАРОД ВОЗВЕЛ, НАРОД НИЗВЕРГ...

Смена политического режима в Алатыре в 1917 году происходила относительно спокойно. Однако символичным событием тех революционных лет стало низвержение памятника царю-освободителю народному любимцу Александру II.

Из воспоминаний Александра Николаевича Блохинцева: *«Помню, весной 1917 года, когда мне было пять лет, отец взял меня*

в центр города, на площадь к памятнику “освободителю” Александру II. Памятник на этот раз имел странный вид. Веревки, привязанные к шее царя, опускались к ограде памятника, образуя собой пирамиду. К этим веревкам, а их было много, были подвешены портреты членов царской фамилии и прочие атрибуты царизма — изображения царской короны, царских вензелей и т.п. Всего этого висело довольно много и закрывало почти полностью черную скульптуру царя. Мы оба стояли и смотрели. Вид этой картины хорошо сохранился в моей памяти. А много позже от кого-то из взрослых я узнал, что вся эта пирамида с атрибутами царизма была сожжена, после чего памятник был свергнут с пьедестала. Потом оказалось, что бронзовая скульптура царя была завезена во двор дома, стоявшего напротив бывшего памятника. В доме же этого двора в 1928–1929 годы находилась химическая лаборатория нашей школы второй ступени имени Красина. Во время перемен, между уроками мы, ребята, сиживали на этой скульптуре, нагретой солнцем».

А. Н. Блохинцев (1912–1994) родился в селе Иваньково Алатырского уезда. Краевед-ученый, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны. Жил и работал в г. Ульяновске, один из организаторов Ульяновского областного отделения Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры — ВООПИК. Автор книг «И жизни след оставили своей» (два изд. — в 1980 и 1988), «Симбирск XVIII в.», соавтор сборников «С веком наравне», «Краеведческие записки» и более 100 газетных и журнальных статей.

Как странно и диаметрально меняются настроения и воззрения народные. Памятник царю-освободителю Александру II, о котором идет речь в этих воспоминаниях, был открыт в Алатыре 1 октября (по старому стилю) 1912 года в ознаменование 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости и простоял всего-то неполных 5 лет. А сооружен он был исключительно на народные деньги. Сумма получилась внушительная — около одной тысячи рублей. В архиве краеведа Н. П. Головченко есть снимок, запечатлевший участников открытия — на площади перед памятником в основном «простой люд: крестьяне, мастеровые, приказчики из торговых лавок, извозчики с ременными кнутами за поясами...» Это все, кто благодарно помнил высочайший манифест о превращении крепостных в «свободных сельских обывателей», подписанный всенародно почитаемым Александром II, приняв-

шим мученическую смерть не по благим делам своим. Открытие памятника было торжественным и привлекло в город массу крестьян. После торжеств начались народные гуляния. Играл духовой оркестр. Вечером засветилась огнями иллюминация на ограде памятника, а в небо вскидывались ракеты под громогласное народное «Ура!!!».

Но и по сей день в России не учатся на своих ошибках и в настоящее время продолжают низвергаться с пьедесталов фигуры, изваяния, бюсты, памятники другим историческим личностям. В частности, это касается главного идеолога и вождя октябрьского переворота 17 года В. И. Ленина. Отчего же народ и власть уничтожают память о своих бывших лидерах и предшественниках, что же это — историческая неграмотность или желание стереть из памяти страницы собственного прошлого?

«ВИННАЯ ТРАГЕДИЯ»

Под этим названием материал о событиях пожара 1918 года, случившегося в Алатыре на винном складе, фигурирует во многих печатных источниках. До сих пор в Алатыре сохранилось старинное каменное здание на улице Первомайской — учебный корпус Алатырского техникума железнодорожного транспорта, в котором в 1918 году располагался казенный винный склад. Запасы спирта, хранившегося здесь, были огромными. В начале 1918 года до Алатыря докатились волны слухов о погромах на винных складах в городах Поволжья. К тому времени в Алатыре скопилось большое количество воинских частей, в которых тоже звучали требования о раздаче спирта солдатам. Были предприняты меры по усилению караула. Вопрос об уничтожении запасов спирта неоднократно обсуждался в уездном Совете рабочих и солдатских депутатов, но из-за большой важности Алатырского склада, как единственно уцелевшего для снабжения спиртом нескольких губерний, был снят. Дальнейшие же события развивались по трагическому сценарию.

В книге Ю. Б. Захарова «Однажды много лет назад в Алатыре» описывается, как со 2 на 3 января 1918 года солдаты 160-го запасного пехотного полка предприняли попытку получить спирт. Неимоверных усилий стоило полковому комиссару сдержать солдат в этот день. Но уже к 18 часам 3-го января вооруженные солдаты направились к Винополии. Караул не согласился идти против своих же товарищей, а уговоры членов совета только способствовали

разжиганию недружелюбия и страстей. Солдаты грозились само-судом: «Или мы получаем все немедленно по четверти спирта, или немедленно начинаем разгром». Раздача спирта закончилась в час ночи. Но события продолжали развиваться.

4 января слух о дележке спирта разнесся по всему городу и к Винополии подошла новая толпа солдат. Возмущенные и негодующие, они заявили, что откроют огонь по караулу, если их не пустят внутрь здания. После этого пути к вожделенному спирту были открыты, что положило начало трагедии. Пили все и кто сколько сможет. В 12 часов на складе возник пожар. Спирт разливался и горел. «Многие обожглись и сгорели, другие лезли прямо в горящий спирт. К 5 часам вечера все здание было объято пламенем. Дым и смрад нависли над городом. Спирт тащили четвертями и ведрами, а пожарные бочками увозили. Около 300 человек сгорели, обожглись, получили серьезные ранения, многие померли». На следующий день, 5 января, пожар продолжал полыхать.

Первая алатырская газета «Знамя труда» писала после трагедии: «Жизнь в городе замерла. Магазины, лавки закрыты... Во многих домах не зажигают огня... Уныло и жутко выглядит полуразрушенное, полусгоревшее здание винного склада. Во дворе валяются осколки посуды, разбитые бочки, ящики... а дальше бесформенные куски... погибших во время пожара... Ужасом веет от этой картины, а толпы все лезут, снуют и тащат что попало... Всех жертв, погибших во время разгрома, как выясняется, около 600 человек».

Есть запись о трагедии и в воспоминаниях В. Н. Кашигина: *«Зато хорошо помню, что в момент приезда в город я попал к концу большого пожара винного склада, того самого склада, где я в 1905 и 1906 году спасался у знакомых родителей — Раздьяконовых от общественного пожара. На этот раз горели запасы спирта, говорили, что был якобы поджог, что спирт был сознательно выпущен из емкостей и спущен в канавы. Так или не так я не знаю, но пожар был действительно большой, и еще больше было пьяных, т. к. спущенный в канавы спирт, смешанный со снегом и навозом, жители собирали ведрами и тащили по домам. Судя по разговорам, много народу сгорело при этом...»*

Упомянутые супруги Раздьяконовы — Макарий Иванович и Евдокия Николаевна — мои прапрадедушка и прапрабабушка по линии мамы. Они жили в казенной квартире при Винопольном заводе. Макарий Иванович занимал должность заведующего Вино-

полей. Его очень любили подчиненные. Семья была дружная, материально обеспеченная, держали прислугу. После 1912 года переехали в Симбирск, а потом в Сызрань. Когда началась Первая мировая, они оказались беженцами, потеряли всё имущество. Макарий Иванович умер от тифа. Евдокия Николаевна с детьми — Леночкой и Ванечкой в 1921 году переехали снова в г. Алатырь к родственникам. Жили в нужде.

Страшная трагедия заставляет задуматься над тем, насколько неподконтрольной, неадекватной, теряющей всякое человеческое достоинство становится толпа вооруженных людей в своей вседозволенности и безнаказанности.

* * *

2017 год — год столетия двух Русских революций. О них написано множество исследований, открыты тысячи источников, но даже сейчас остается огромное количество уникальных неопубликованных материалов: воспоминаний и документов, позволяющих увидеть эти далекие события глазами их современников и участников.

Для меня в ходе работы было интересно буквально всё: и знакомство с фондами Алатырского краеведческого музея; и чтение воспоминаний фигурантов исследования, и даже поиск в интернете информации для примечаний. Какие-то факты были мне известны, какие-то вызывали удивление, какие-то приводили в ужас...

Итог этого небольшого исследования — еще одна маленькая страничка в большой теме: «Человек в истории. Россия — XX век».

Три судьбы: «Женская история» поселка Анна

Ангелина Торопцева
школа, п. Анна, Воронежская область
научный руководитель Елена Николаевна Медкова

Октябрьская революция в России, 100-летие которой отмечает-ся 7 ноября 2017 года, трагически расколола общество на противоборствующие стороны — красных, белых и других, втянутых в гражданскую войну. Свое исследование я посвятила горькой и печальной судьбе русского дворянства после событий октября 17 года.

В огне революции и гражданской войны погибла почти половина дворянского сословия, а половина из тех, кто выжил, — эмигрировала. Оставшаяся в России часть дворянства продолжала методично уничтожаться в сталинских лагерях и застенках Лубянки. Людям приходилось закапывать в землю Георгиевские кресты и ордена Святой Анны и Станислава, сжигать семейные альбомы, уничтожать церковные метрики и дворянские грамоты, переезжать с места на место, чтобы затеряться среди незнакомых людей.

Жителям нашего поселка хорошо известна история трагической участи бывших владельцев имения Анна — князей Барятинских. Меня же заинтересовал вопрос, а не проживали ли на территории села Анна после Октябрьской революции другие представители знатных сословий? В этой работе я расскажу о трех женских судьбах.

АННА АЛЕКСЕЕВНА ОБОЛЕНСКАЯ (1875–1972)

После Октябрьской революции в Анне проживали некоторые из «бывших»: офицеры, дворяне, купцы. Князь Николай Медведев, желая порвать с прошлым, женился на крестьянской девушке. Долгое время в Аннинской школе № 25 (Гусевской) преподавала немецкий язык Анна Алексеевна Оболенская, настоящая загадка для тех, кто жил рядом с ней в одно время.

Нам удалось воссоздать довольно подробную биографию Анны Алексеевны. Она составлена на основе воспоминаний и семейных архивов ее внука Алексея Александровича Бондырева, проживающего в данный момент в Томской области, Сергея Григорьевича и Валентина Григорьевича Корнюшиных, сыновей основателя Аннинского краеведческого музея Г. И. Корнюшина, с семьей которо-

го дружила Анна Алексеевна, а также писем-воспоминаний нашей землячки Анны Ильиничны Прохоровой, супруги поэта Г. И. Корневского, которая была близкой подругой А. А. Оболенской.

Из материалов семейного архива Корнюшиных нам удалось выяснить, что отец Анны Алексеевны был проповедником в Юго-Восточной Азии. «За время его пребывания там какое-то важное лицо попало в плен. Алексей вмешался в это дело и помог человеку вернуться на Родину (возможно, он уплатил за пленника большой выкуп). В знак благодарности спасенный обещал помочь Алексею в трудное время.

После описанных событий Алексей, по всей видимости, вернулся из поездки с тропической лихорадкой. Никаких средств для лечения этого заболевания в то время не было. Чувствуя скорую смерть, отец попросил позаботиться когда-то спасенного им из плена человека о его дочери Анне и пристроить ее в приличное заведение. Тот поместил девочку под фамилией Успенская (девичья фамилия Анны — Мясоедова) в Смольный институт благородных девиц».

«Анна Алексеевна часто рассказывала о пребывании в Институте благородных девиц. Она вспоминала, что за столами девочки сидели, поместив между спинкой стула и спиной бамбуковую палочку. До 80-ти лет Анна Алексеевна сохранила прекрасную осанку.

В институте воспитанницам преподавали этикет, иностранные языки (она знала 4 языка: французский, английский, немецкий, итальянский), педагогику. По окончании Института выдали диплом, который позволял работать в благородных семьях бонной (воспитательницей)».

Каждый год на выпуск воспитанниц в Смольный институт съезжались аристократы и выбирали бонну для своих детей.

Представителю древнейшего дворянского рода Алексею Александровичу Оболенскому (1860–1933) предстояло выбрать воспитательницу для пятерых детей, родившихся в его браке с Елизаветой Николаевной Масловой (1860–1912). Это было знатное и благородное семейство. Отец Алексея Александровича — князь Андрей Сергеевич Оболенский (1819–1902), а мать София Сергеевна Орлова (1829–1911) — тоже представительница знатного рода.

Алексею Александровичу Оболенскому очень понравилась Анна. На момент окончания Смольного ей исполнилось 19 лет. Анна Алексеевна была очень красивая и не удивительно, что князь Оболенский влюбился в нее. Работа была нелегкой, ведь в семье подрастало 5 детей, но воспитывала она их не долго, потому что вскоре узнала, что беременна. Это был скандал.

Дело открылось. Княгиня отправила Анну в дальнюю деревушку, а князь будто бы отправился в Баден-Баден (курорт в Германии). Жена его ничего не подозревала, а он забрал Анну Алексеевну, и они вместе уехали.

В 1893 году у влюбленной пары родилась дочь Ольга. К тому времени княгиня Оболенская уже знала, где и с кем находится ее муж, но согласие на развод давать отказывалась, что очень огорчало Анну Алексеевну. Конечно же, и все родственники из благородного семейства не приняли новую избранницу князя.

«Время шло, в 1902 году в семье Анны и Алексея родилась еще одна дочка, которую назвали Софья. Со временем в семье стали появляться проблемы. Кроме того, что князь увлекался молоденькими боннами, еще одной его слабостью были игра в карты и рулетка. Он регулярно присылал отцу письма: “В сохранении моей дворянской чести, вышли 40 тысяч серебром”. Доход закончился, когда в 1902 году отец Оболенского получил insult».

Анна вместе с князем и двумя детьми вынуждены были вернуться в Россию, где у него остался родовой дом. В России Анна взяла фамилию мужа и стала Оболенской. Но спокойной жизни не получилось. Судьба младшей дочери сложилась трагично. Сонечка в годы гражданской войны бежала из дома, пристав к воинской части, где она при штабе работала машинисткой. Было ей в ту пору 16 лет. В середине 20-х годов до Анны Алексеевны дошли сведения о том, что штаб, в котором работала Сонечка, попал в плен к красным. Всех пленных расстреляли, не пожалев даже 16-летнюю девочку. Анна Алексеевна не верила в смерть своей дочери. Она говорила: «А Сонечка может быть в Париже, может она мне письмо напишет».

После октябрьской революции 1917 г. все родственники Оболенских покинули Россию. По непонятным причинам семья Александра Андреевича и Анны Алексеевны не смогла покинуть страну, где к власти пришли большевики.

В 1924 году Анна Алексеевна пишет «Сказку-быль», где, используя эзопов язык, проводит аналогию между разрушенным большевиками Российским государством и разрушенным мышами домом. Новые люди, которые строят новый дом, вымещают всю свою злобу на собаке бывших владельцев дома, только за то, что они любили ее, а она им верно служила. Текст «Сказки» сохранен и передан нам Корнюшиными.

В 1933 году Алексей Александрович умер. Анна Алексеевна очень бедствовала. Конституция РСФСР 1918 года провозгласила новую

классовую политику, по которой гражданских прав были лишены около 5 млн человек; в категорию так называемых лишенцев попало и дворянство. Провозглашая лозунг «кто не работает, тот не ест», большевики фактически обрекали лишенцев, на голодную смерть, так как на работу их просто не брали. Она пыталась подрабатывать, делая из бумаги абажуры, веера и другие изделия. Но потом решила и написала письмо Надежде Константиновне Крупской о том, что она потомок декабристов (род Оболенских очень разветвленный), педагог, знает несколько языков, и при этом находится без средств к существованию. В ответ Крупская прислала письмо, в котором Анне было предложено преподавать немецкий язык в одной из областей.

Анна Алексеевна выбрала Воронежскую область, село Анна. Она здесь раньше никогда не бывала, но знала о Барятинских (бывших владельцах имения) и остановила свой выбор именно на Анне. Вероятно, что и совпадение названия села с ее собственным именем показалось ей хорошим знаком.

По прибытии на место работы Анне Алексеевне выделили комнату в учительском доме, который все называли «синим». Когда в нем жила семья управляющего имением князей Барятинских. Сергей Григорьевич Корнюшин познакомился с Анной Алексеевной именно в этом доме. «Ни о каких удобствах и речи не было: кухня общая, а комнату Анне Алексеевне приходилось делить с молодой девушкой Валею, она работала фельдшером в детской трудовой воспитательной колонии.

В комнате у Анны стоял большой интересный сундук, покрытый лаковой кожей, где хранились вещи хозяйки, которые она очень берегла и носила с достоинством. Анна Алексеевна всегда гордилась тем, что не износила ни одной «советской тряпки». У княгини был даже лорнет, которым она никогда не пользовалась на людях».

Судьба второй дочери А. А. Оболенской тоже вызывала боль в душе матери. Жизнь Ольги была полна сложностей. В 20 лет она вышла замуж за Александра Константиновича Бондырева, известного адвоката. У них в браке родилось трое сыновей: Алексей, Юрий и Николай. Семья проживала в Армавире. Ольга по характеру была очень своенравна, капризна, эгоистична.

Когда началась Великая Отечественная война, Александру Константиновичу пришлось надолго уехать по рабочим делам. Ольга с детьми осталась в Армавире. Город оккупировали немцы. В 1945 году, после победы, началось самое страшное — Ольгу судили за сотрудничество с немцами. Дело в том, что Ольга в совершен-

стве знала немецкий язык. Она была взята переводчицей, открывала с немцами школы, подбирала учителей на работу. Ольгу судили, дали 10 лет. Алеша после ее ареста начал заикаться. Ребят отправили в детский дом, где по воспоминаниям Алексея Александровича, «были зверские порядки». Алеша оттуда сбежал. Александр Константинович Бондырев привез внука к Анне Алексеевне, на воспитание. Колю Бондырев забрал к себе, а Юра потерялся. Его очень долго искали и обнаружили тяжелобольного туберкулезом. В начале 60-х годов Юра умер. Николай позже приезжал в Анну, жил в Воронеже, а 5 лет назад умер бездетным.

Анна Алексеевна прожила в селе Анна около 35 лет. Ученики любили и уважали пожилую учительницу, которая была очень интересным собеседником, много знала и любила рассказывать. Она помогала своим ученикам раскрыть свои таланты и найти свое место в этой непростой жизни. Они уважали старенькую учительницу за ее интеллигентность, независимость и твердый волевой характер.

Самыми близкими подругами А. А. Оболенской стали Анна Ильинична Прохорова, Анна Григорьевна и Вера Владимировна Раевские.

Анна Алексеевна прожила долгую жизнь — 97 лет.

АННА ГРИГОРЬЕВНА РАЕВСКАЯ (1905–1982)

Конечно же, меня заинтересовала судьба Анны Григорьевны и Веры Владимировны Раевских. Обе они много лет работали учителями русского языка и литературы в «Гусевской» школе и Анненской семилетней школе № 1. А еще заинтересовала такая известная и не характерная для наших мест фамилия.

Оказывается, что В. В. Раевская являлась потомком (по материнской линии) тех самых знаменитых Раевских. Этот факт тщательно скрывали, тем более что Анна Григорьевна Раевская (мама Веры Владимировны) была дочерью репрессированного священника.

Я продолжила поиски и получила просто потрясающую информацию. Оказывается, Анна Григорьевна была приемной дочерью в семье священника Григория Григорьевича Раевского, родившегося 28 сентября 1888 года в селе Завидово Тверской губернии в семье диакона Григория Раевского (это была ветвь Раевских священнослужителей).

«Когда-то у отца Григория была светлая, безмятежная жизнь. Потомственный священнослужитель, он с детства прислуживал в храме. После окончания Московской духовной семинарии Григо-

рий Григорьевич женился на Лидии Васильевне Беляевой, дочери священника села Завидова. В 1912 году Григорий Раевский был рукоположен в сан священника Успенского храма этого села.

Все силы молодой священник отдавал храму и прихожанам, а его супруга стала ему помощницей в заботах о храме. Между ними во всем было полное согласие и мир. Единственное, что несколько омрачало их супружескую жизнь, это то, что у них не было детей. В 1913 году в селе умерли муж и жена, остались сироты — трое детей, отец Григорий и Лидия Васильевна взяли к себе одну из девочек, Анну, которой было тогда восемь лет. Они воспитывали ее как свою, дали образование в Богучаровской гимназии, и впоследствии, когда у них в 1922 году родилась дочь Нина, они между детьми не делали никакой разницы, и сами девочки относились друг к другу как родные сестры»¹.

В первый раз отца Григория арестовали в 1927 году. Он был заключен в Бутырскую тюрьму по обвинению в том, что будто бы распространял ложные слухи, но на следствии выяснилась полная невиновность священника, и власти вынуждены были через два месяца его освободить.

Отец Григорий стал «бельмом» на глазу у местных советов только в конце 1929 года, когда в Завидово началась насильственная коллективизация, а одновременно с ней — гонение на православную церковь. В Завидово приехали молодые коммунисты, чтобы объединять крестьянские хозяйства в колхозы.

В субботу 8 февраля на общем сходе крестьян председатель Завидовского сельсовета объявил, что на воскресенье, 9 февраля, назначается демонстрация. Но народу собралось немного. Кто-то из присутствующих сказал, что это потому нет народа, что все люди в храме, где идет торжественная служба. Услышав об этом, секретарь комсомольской ячейки отрядил пойти в храм двух комсомольцев. Войдя, они увидели, что храм полон народа. Устроители демонстрации решили, что никто не пришел из-за богослужения. Одного этого факта было для ОГПУ достаточно, чтобы уже на следующий день начать расследование.

14 августа чекисты пришли с обыском к отцу Григорию и арестовали священника. До того времени у него уже несколько раз были обыски, кончавшиеся конфискацией и без того скудного

¹ *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. Тверь, 1999. С. 202–215.

имущества. К 1930 году ничего не осталось, всё ушло как уплата налога, включая фисгармонию, которую взял местный клуб. Сотрудники ОГПУ в очередной раз перевернули все вещи в поисках ценностей, хотели обыскать постель дочери священника, которая во время обыска безмятежно спала, но другая дочь, Анна, не позволила тревожить ребенка, и те отступились.

5 января 1931 года Тройка ОГПУ приговорила священника к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Отца Григория отправили на каторжные работы, на строительство Беломорско-Балтийского канала в Вологодскую область. Но освободили из заключения раньше, в начале 1934 года. Он вернулся в Завидово и продолжил служить в храме.

12 мая 1935 года от скоротечной чахотки умерла супруга отца Григория. В конце зимы, придя в храм во время уборки, она разулась, оттого простудилась и через три месяца скончалась. Дочь Нина осталась на попечении отца и крестного, священника Николая Дмитрова. В это время Анна вышла замуж за «революционера, но не большевика», который не одобрял социальное происхождение невесты, и молодые жили далеко от семьи.

В очередной раз отец Григорий был арестован 30 июля 1937 года за то, что отказался обсуждать проект сталинской конституции, ссылаясь на то, что священники лишены гражданских прав и участвовать в этом обсуждении не имеют права.

Основания для обвинения, как часто бывало в подобных случаях, отсутствовали, и тогда стали вызывать на допрос прихожан, но они показали, что хорошо знают отца Григория как человека лояльного к государственной власти. Прихожане и многие жители Завидова искренне любили отца Григория, и даже из тюремщиков находились те, кто ему сочувствовал.

«Незадолго перед отправкой в Тверскую тюрьму отец Григорий написал дочери: “7.8.37. 7-30 утра. Дорогая Нина, насколько теперь придется нам с тобой расстаться, я сейчас еще не знаю, но надеюсь — кого я просил, заменят тебе отца и мать. Старайся учиться — приложи все усилия, чтобы тебе из отличниц не выходить, слушайся, что тебе будут советовать, плохого совета из означенных лиц никто тебе не даст... Маму помни — меня не забывай... Веди себя хорошо, если я узнаю противное, мне будет очень тяжело...”

Отца Григория отправили в Тверскую тюрьму, и близким не удалось увидеться с ним, но и из тюрьмы приходили сведе-

Князь А. С. Оболенский с семьей, 1877

Первая Киевская мужская гимназия. Н. И. Корневский
(2 ряд, крайний слева), 1901

Г. Н. Корневский

Визитная карточка
Н. И. Корневского

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

*Нашему Камерному Советнику, прикомандированному Кавказскому Второму Камерному управлению,
Николаю Кореньевскому.*

*Во вѣдѣніи естествознанія и рыболовства севастопольской
Воеводствѣнныи пачалы вѣдѣн. Мѣ. вѣдѣн. Кавказск. вѣ. 9 вѣдѣн.
С. и. н. с. 1914 года. Капитану 1-го ранга, Кавалеру
Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Святого
Станислава 3-го степеня, вѣ. вѣдѣн. 1914 года.*

*Грамоту сію во свѣдѣтельство поднискать, Орденомъ
незачемъ укрѣпить и знаку Ордена непроизводить къ вѣдѣн.
Почт. вѣдѣн. Мѣ. Капитану Россійскаго Императорскаго
и Царскаго Ордена.*

Дана во Санктпетербургѣ вѣ. 17 вѣдѣн. Августа 1914 года.

*Исполняющій обязанности Капитана (Кореньевский)
Губернаторъ Високайнскіи Пера *Зееман**

И с. Директоръ Губернскаго Капитанскаго Ордена вѣ. М. Кореньевский

Наградная грамота Н. И. Кореньевского
к Ордну Святого Станислава III степени, 1914

Декабрь. 1915 г. Декабрь

4 ДЕКАБРЯ.

Настроение спокойное, деловое.

Уроки прошли без осложнений, но прожда
тивно.

Вчера: Вчера Аня и Дочка. Написала
сильные млязготы. Дня переучивалась
св, но не хотела взять книгу или бумагу.
Все возвращает в домик.

Морщилась слодаз оуб слава. Была
на гимназии Венера и Мелушова.
Вернула оживленную, радостную.
Его жена кажется, с дитяком кончи
нах подниме к дитяку св, Аня и
сабой не убожана. "Какое она боже,
при рае вдали и садит, не
сидит, а встает, словно - заливная
оуб. Пошла, сидеть малюга, да
часто неослушная и капризная,
св кинет нага да вьдоруга, да
не вьдана св. - Становит на нос
мелка; не вьрота, то вьба, а вьрота

Ничего - У нас гудит пера и убож
ка. Оуб убож и содрогивается.
Помогла говорить о седе. Ничего
Куда се и оуба, переодина, шов
вбу, плавает и меду.

Здесь радость, а надь каной -
Дикая смерть. Бываю почти
Каждь дуб - Бесконечно оуб св.
Тоской гложет дитяку ч. оуб. Мери
св и меду, но как гудит и св.

ния, что он жив, и однажды сообщили, когда и как можно его увидеть»².

Дочь Нина и матушка отца Николая, Екатерина, приехали в Тверь, добрались в указанное время до здания, в котором размещалось управление НКВД; у подъезда стояла машина для перевозки заключенных. Они остановились вдали, на противоположной стороне улицы, и видели, как из подъезда в сопровождении конвоя вышел отец Григорий. Он не глядел на другую сторону улицы, не оглядывался по сторонам и не увидел их. Это оказалось их последним свиданием.

28 сентября был день рождения отца Григория, ему исполнилось 49 лет. На следующий день Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Отца Григория обвинили в «контрреволюционной агитации, направленной на опошление мероприятий советской власти и партии среди населения». Протоиерей Григорий Раевский был расстрелян сразу после объявления приговора, 29 сентября 1937 года. До сих пор среди завидовских прихожан сохраняется память о священномученике Григории — его служении, попечении о душах, его милосердии и мученической кончине. Священномученик был погребен в братской могиле на одном из кладбищ Твери; точное место погребения остается неизвестным.

Отец Григорий прославлен в 1999 году как местночтимый святой Тверской епархии, для общецерковного почитания — Архиерейским собором Российской православной церкви 2000 года.

Когда точно Раевские переехали в Анну, мне выяснить не удалось. Ничего на данный момент не известно и о муже Анны Григорьевны. Вообще информация очень противоречивая. По некоторым данным он был убит, по другим — эмигрировал из страны. Известно только то, что когда Анну Григорьевну хотели представить к награде, этому помешало ее социальное происхождение и биография мужа. Эти обстоятельства вообще тщательно скрывались и даже близкие подруги ее и дочери не располагали информацией о прошлом этой семьи.

Н. И. Тютина вспоминает: «Вера Владимировна Раевская работала учителем русского языка и литературы в Анненской семилетней школе № 1. Работала вместе с прекрасными педагогами Н. С. Первушиным, Н. В. Пироговой, Е. Д. Кудасовой и др. Бывшие ученики отзываются о ней как о грамотном, эрудированном, творческом и очень увлеченном учителе, который полностью отдавался работе. А нагрузка была большая, школа работала в две смены, да и условия

² Иеромонах Дамаскин (Орловский). Цит. соч. С. 202–215.

не лучшие: печное отопление, керосиновые лампы, чернильницы и перья для письма и подпорки, державшие потолок. При этом учительница всегда была хорошо одета, ухожена, опрятна».

«Самым большим увлечением Веры Владимировны был драмкружок, в который привлекались ученики из разных классов. Хорошо помнят бывшие ученицы постановку “Сказки о мертвой царевне и семи богатырях”, где роль мачехи играла Лилия Пирогова, а роль царевны исполняла Валерия Михеева. Изготовление декораций и костюмов к спектаклям проходило, как правило, дома у Анны Григорьевны и Веры Владимировны. А в доме этом для детишек послевоенного времени всё было необычно и интересно: чистота, на стенах висели большие ковры, пианино, на котором Анна Григорьевна обучала девочек. Пришедших в дом ребяташек радушные хозяйки всегда угощали вареньем из красивых вазочек и чаем с лимоном».

«Вообще Раевские очень любили детей. Вера Владимировна ходила с учениками в походы, гуляла с ними в парке и рассказывала, какой была когда-то усадьба Бяратинских, беседовала с подрастающими девочками о правилах гигиены. Вспомнился и такой случай. У выпускницы 7 класса Валентины Тютиной умерла мама, и Вера Владимировна с Анной Григорьевной сделали ей подарок — сшили красивое модное платье на выпускной вечер, чтобы девочка не чувствовала себя хуже других.

В своих рассказах женщины были очень осторожны и ничего не рассказывали о себе, своей семье, родственниках, они только улыбались в ответ на расспросы».

Умерла Вера Владимировна раньше своей мамы. Похоронена она на старом кладбище, могилка цела. Анна Григорьевна доживала свою жизнь в Садовском доме престарелых. Похоронена в поселке Анна.

АННА ИЛЬНИЧНА ПРОХОРОВА (1920 –?)

Главным источником о жизни А. И. Прохоровой послужили материалы семейного архива Г. Н. Кореневского и А. И. Прохоровой.

Анна Ильична Прохорова, 1920 года рождения, приходится внучкой Петру Игнатьевичу Прохорову, который был молочным братом князя В. А. Бяратинского, сына наместника Кавказа. Петр Игнатьевич рос и воспитывался вместе с Владимиром Анатольевичем Бяратинским. Они вместе учились у гувернеров, изучали несколько иностранных языков. Затем Петр Игнатьевич служил у князя денщиком, дослужился до сержанта и вышел в отставку.

Владимир Анатольевич привез Прохорова вместе с семьей в имение Анна, купленное у Ростопчина. На новом месте Петр Игнатьевич был назначен заведующим птицефермой на Новонадеждинский хутор, где для семьи был построен большой дом.

У Петра Игнатьевича с супругой родилось 18 детей, но выжили только 10 (7 дочерей и 3 сына). Все были красивые, грамотные, воспитанные, но судьба почти у всех, по словам Анны Ильиничны, «была очень печальная; внукам повезло немногим больше».

Князь и княгиня Барятинские стали крестными сына Петра Игнатьевича Ильи (отца Анны Ильиничны). Илья Петрович окончил военно-морское фельдшерское училище в Одессе, работал в Чите, но заболел малярией и в 1928 году умер, оставив жену с двумя маленькими детьми.

В это время семья уже жила в Анне, куда пришлось переехать после Октябрьской революции. Жили напротив маслозавода на улице Ленина, д. 1/2, в двух маленьких комнатах, хотя дом был большим, но в нем проживало много народу. Жили бедно, и часть комнат приходилось сдавать приезжим нэпманам.

Росла Анна Ильинична среди своих тетушек по отцовской линии. Она очень привязалась к Манечке, любимой дочери Петра Игнатьевича, больной физически, но необыкновенно красивой, умной, начитанной. «Этой необыкновенной девушке пришлось пережить страшную трагедию: прямо на ее глазах большевики выстрелом в голову убили ее жениха, офицера Владимира». Именно от Манечки Анна Ильинична переняла любовь к литературе, книгам и будущей профессии. Анна заочно окончила литературное отделение педагогического института, работала учителем начальных классов.

Дядя Анны Ильиничны Леонид Петрович Прохоров был арестован за то, что держал «лавочку со всякими пустяшками», а вот супруга его Мария Васильевна была дочерью миллионера. Леонид Петрович был репрессирован и отправлен в лагерь.

В 1937 году Анна Ильинична стала женой своего учителя Георгия Николаевича Кореневского, 1909 года рождения.

После революции семья Кореневских переехала в город Фастов, потом — в Россошь, затем — в Анну, где будущие супруги познакомились. Семья часто меняла место жительства, так как из-за социального происхождения были большие проблемы с трудоустройством.

Отец Георгия Николаевича, Николай Иванович Кореневский, был директором частной гимназии, преподавал историю. У него

имелись публикации в трудах по истории и собственная авторская книга о патриархе Никоне (ее можно найти в фонде Ленинской библиотеки)³.

Николай Иванович за «отлично-усердную и ревностную службу» 9 июня 1914 года был награжден Орденом Святого Станислава третьей степени, о чем свидетельствует Грамота № 6567 с Орденской печатью. Отец Николая Ивановича, Иван Иванович Корневский, тоже учительствовал, а супруга его, Анастасия Николаевна Корневская (1857–1938), происходила из знатного рода Нелидовых-Отрепьевых.

Вот так Анна Ильинична Прохорова попала в категорию «тех самых бывших».

В Анну семья Корневских переехала в 1930 году. С 1932 по 1936 год Николай Иванович преподавал историю в Политпросветтехникуме в Анне. В 1937 году он вынужден был уехать, так как начались придирки к умному, знающему ученому-историку с независимым характером. Николай Иванович очень любил Анну, о чем свидетельствуют сохранившиеся дневниковые записи. Очень не хотелось переезжать, но к нему уже «подбирались», выбора не было.

Георгий Николаевич работал в Анненской средней школе с 1933 года. В 1938 году был первый выпуск, классным руководителем которого был Г. Н. Корневский. Директором средней школы был Иван Афанасьевич Ижа. Школа буквально кипела работой. Помимо уроков ребята посещали хоровой, драматический и литературный кружки, они чуть ли не ночевали в школе. Когда в 1937 году Николай Иванович уехал из Анны, Георгий с супругой Анной через некоторое время отправились за ним.

Анна Ильинична вспоминала: «В Анне проживало много из «бывших»: офицеры, князь Николай Медведев, который, желая порвать с прошлым, женился на крестьянской девушке. Но в тоже время семья имела в Анне хороший дом, богатую обстановку: бюсты писателей, мраморные столики, а дети, не скрывая, очень гордились своим происхождением, особенно дочь. Сын Медведева, тоже Николай, был директором винного завода в Анне, затем семья уехала из села».

Что же манило сюда этих людей, чем так притягивали наши места? Анна Ильинична считает, что жителям Анны повезло, потому

³ *Корневский Н. И.* Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII века и деятельность патриарха Никона. Киев: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1912. 58 с.

что первые секретари райкома партии были порядочными и честными людьми, достаточно лояльно настроенными к «бывшим элементам». Она вспоминает случай 1937 года, когда первый секретарь Анненского райкома партии Некрасов (к сожалению, уже не помнит его имени), через надежных людей передал семье Кореневских, что у них будет обыск. Всё, что могло вызвать подозрение: книги, статьи, заметки, вырезки из газет, семья успела уничтожить. Вот из-за таких чисток, нестабильной работы, постоянных подозрений во всех грехах семье приходилось переезжать с места на место.

В 1939 году переехали в Ясную Поляну, а в 1941-м семья Георгия Николаевича вновь вернулась в Анну. В школе свободных ставок не было, поэтому Георгий Николаевич устроился на работу в село Курлак. Семья была то в Курлаке, то в Анне. Маленького Платона, 1940 года рождения, не с кем было оставить. Эти три года были очень тяжелыми: холод и голод не миновали и семью Кореневских. Вещи остались в Ясной Поляне у завхоза, но когда сгорели дом учителей и школа, сгорели и вещи. Уезжая, Георгий Николаевич вместо вещей взял книги. Годовалому ребенку брали билет, чтобы по этому билету провезти 50 книг — итого 150 кг. Потом Георгий Николаевич возвратился и привез еще 70 книг. В 1947 году он устроился на работу в Хотьковском сельскохозяйственном техникуме, жена стала учителем начальных классов. И это было уже навсегда.

До самой старости Анна Ильинична продолжала работать смотрителем в музее «Абрамцево» и в библиотеке в Хотьково. Она считает работу большим благом, особенно работу с людьми. Частыми гостями в Абрамцево были Трубецкие, Шаховские, Оболенский, которые продолжали поддерживать отношения всё это нелегкое время.

* * *

Удел мужчин брать на себя все тяготы трагедий, которые обрушиваются на их страну и народ. Но суровым испытаниям были подвергнуты и женщины. В своей работе я попыталась на примере судеб трех наших землячек, трех подруг-педагогов показать, как приходилось существовать тем самым «бывшим» в условиях советской действительности и при этом сохранить тот внутренний стержень, который позволил им заслужить уважение и долгую память.

Бежицкий концентрационный лагерь для военнопленных (1920–1921 гг.)

Виктория Сильванович

школа № 52, г. Брянск

научный руководитель Вера Ивановна Голованова

Жил польский крестьянин, пахал землю. Началась Первая мировая война, его мобилизовали. Служил в Российской армии. Живым вернулся домой в 1918 г., а в 1919-м — опять мобилизовали, только в польскую армию. Зачем воевать? Непонятно крестьянину. Оккупировали Белоруссию, грабили таких же, только белорусских, пахарей. А что делать, есть что-то надо солдату. А в 1920-м начались активные военные действия с Красной Армией. Погибать никому не охота. Многие сдавались в плен добровольно, не сопротивлялись. Так оставалась надежда на жизнь. Военнопленных отправляли в концлагеря «до окончания гражданской войны» — таким был самый распространенный «срок». Сумел выжить, вернулся домой, опять землю пахать. Вот алгоритм жизни большинства польских военнопленных Бежицкого концентрационного лагеря, история которого насчитывает всего-то каких-то полтора года.

Как им жилось эти полтора года? Через что они прошли, находясь за колючей проволокой в семь рядов?

СОСТАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ БЕЖИЦКОГО КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ

Разгоралась гражданская война. 5 сентября 1918 г. был принят декрет «О красном терроре». Предполагалось изолировать опасных врагов большевиков в концентрационные лагеря. 17 мая 1919 г. принимается постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ», подписанное его председателем М. И. Калининым. Уже к 1920 г. в Советской России было образовано 84 лагеря, которые просуществовали около 3 лет. В них содержались около 50 тыс. человек — иностранные военнопленные, бывшие белогвардейцы, гражданские лица. Не исключением был и Брянск. Здесь был создан Губернский концентрационный лагерь принудительных работ. Состав его заключенных был очень пестрым. А вот в его Бежицком отделении содержались только польские военнопленные, которые попали туда в ходе войны с Польшей 1920 г.

Что же вообще такое концентрационный лагерь? Вот какое определение ему давалось в упомянутом постановлении ВЦИК: «Лагерь принудительных работ является местом, где принудительным трудом в строгой трудовой дисциплине искупают свою вину лица, совершившие различные преступления и проступки, обвиняемые в спекуляции, саботаже, преступлении по должности, заводские угнетатели и эксплуататоры народного труда и приверженцы буржуазного строя. При полной изоляции лагеря от внешнего мира заключенные внутри лагеря за исключением ночного времени и рабочих часов в пределах, допускаемых инструкциями, пользуются правом самостоятельности».

Брянский губернский концентрационный лагерь и являвшийся его подразделением Бежицкий концлагерь начали функционировать лишь с весны 1920 г. С января 1921 г. Бежицкий лагерь уже существовал независимо от Брянского. Свою деятельность он закончил к лету 1921 г. Лагерь был расположен по Мальцевской улице в домах 17, 18, 19, 20. Он представлял собой четырехугольник, окруженный деревянным забором и колючей проволокой над забором в семь рядов. Во дворе было расположено четыре барака, из которых три были заняты военнопленными и конвоирами, а один — рабочими Брянского завода. Данное обстоятельство Рабоче-крестьянская инспекция в своем отчете находила недопустимым. По всем правилам «лагерь должен был устраиваться в местах, изолированных от других помещений и ограждаться забором или какими-либо другими приспособлениями в целях пресечения заключенными бегства. Для караульной команды в лагере необходимо было отдельное помещение».

В Бежицком концентрационном лагере содержалось в разные периоды от 200 до 380 военнопленных в зависимости от количества сбежавших и вновь поступивших. В основном там содержались поляки. Все они прибыли с Западного и Юго-Западного фронта. Среди заключенных находился Евгений Модестович Ромишевский, штабс-капитан Российской армии, участник Первой мировой войны. Был контужен в бою 1 сентября 1915 г., награжден орденом Св. Анны с мечами и бантом. Сын генерала, брат высшего офицера, окончил Пажеский Его Величества корпус. Вступил в польскую армию, в бою попал в плен. В Бежицком лагере находились в основном рядовые, высшие офицеры направлялись в концлагерь в Орле. Средний возраст 26–27 лет. Мобилизация происходила в 1918–1919 гг., потому что именно в эти годы формировалась польская армия. По-

сле отмены Брестского мира поляки в 1919 г. оккупировали земли Белоруссии, в том числе заняли Минск. Анализируя анкеты военнопленных, можно сделать вывод об отношении польских солдат к Красной армии. Чаще всего ответ — «как к армии противника». Но были и те, кто относился к Красной армии «как к союзникам». Доверия к таким ответам у меня нет, так как, пытаясь выжить в плену, военнопленные часто писали в анкете тот ответ, который должен был бы понравиться большевикам. Хотя не вызывает сомнения тот факт, что среди поляков были сочувствующие большевикам. И все-таки заслуживают уважения правдивые ответы на данный вопрос. Так, например, Казимир Иосифович Педро, бывший студент философии из Кракова, ответил: «На Красную армию смотрю плохо, как на милитаристов».

Как попадали в концентрационный лагерь военнопленные поляки? Наиболее типичной была история, которую мы узнали из заключения следователя Полевого Особого отдела 1 армии. Допрашивая военнопленных, он выяснил, что «9 человек были посланы в разведку для установления связи с 1-м пехотным полком, который стоял недалеко от станицы. Капрал Хеник повел своих подчиненных не налево, как ему было приказано, а направо, хотя и был предупрежден, что там советские войска. Как только им встретился наш разъезд, капрал с тремя своими солдатами бросил оружие и сдался в плен». Но пятеро поляков отказались сдаться и открыли огонь по красноармейцам. В итоге оказавшие сопротивление были определены следователем как «полуночевные контрреволюционеры, которые бросили оружие только тогда, когда попали в безвыходное положение». Следователь предложил четырех из них расстрелять, а пятого, Мисньцко, отправить в концлагерь вместе с остальными сдавшимися. Причиной этого решения было социальное положение Мисньцко: «он является кормильцем матери и 4-х братьев и сестер. По мобилизации семейство осталось без куска хлеба». Но была еще одна причина: объясняя свое семейное положение, Мисньцко стал плакать. Возможно, этим поведением он разжалобил следователя. Но мнение следователя не было окончательным. Его посчитали слишком жестким — все девять военнопленных оказались в Бежицком концентрационном лагере.

До наших дней сохранился образец протокола допроса, проведенного в Брянской Губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями от 21.07.1920 г. Такие документы помогают воссоздать картину трагических судеб

военнопленных. Вот история польского военнопленного Игнатия Павловича Краковяка. Ему было 22 года. Родился в Люблинской губернии, Аннопольского уезда, в волости Вута. Хлебопашец, беспартийный. Политические убеждения — сочувствующий советской власти. Неграмотный. До Первой мировой войны 1914 г. жил у себя дома, занимался хлебопашеством. В 1919 г. был мобилизован поляками, сбежал, сидел в тюрьме. В 1920 г. взят на фронт, через 2 недели бежал к красным. Мы нашли и его анкету под № 175, заполненную при поступлении в концлагерь. Из нее мы узнали, что Игнатий Краковяк жил с матерью 50 лет по имени Марьяна, отцом Павлом 60 лет. У него было два брата — младший, Юзеф, 15 лет, и старший, Ян, 27 лет. Ян служил в Красной армии. Игнатию Павловичу Краковяку вынесено обвинение: белогвардеец польской армии.

Таким образом, у каждого заключенного была своя история, приводившая их в лагерь принудительных работ, но все они имеют общие черты.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ БЕЖИЦКИМ КОНЦЕНТРАЦИОННЫМ ЛАГЕРЕМ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

С первого дня организации Бежицкого концентрационного лагеря комендантом был назначен некто Зиновкин. Обеспечить успешное функционирование ему помогали: помощник коменданта, 5 надзирателей, 1 курьер, 48 человек охраны от Брянского завода. В лагере был и уполномоченный от завода (Бурачинский), который распределял военнопленных по мастерским. На работу военнопленные выходили под надзором конвоиров по расчету: 1 конвоир на 5 военнопленных с сопроводительным бланком, в котором цех отмечал, сколько лиц работало и сколько часов. На основании этих сведений составлялся табель о работе. По отчетам коменданта лагеря Зиновкина можно понять, что он не был доволен сложившимся управлением лагеря. Зиновкин утверждал, что в лагере царит двоевластие: с одной стороны, представитель завода товарищ Бурачинский вмешивался в функционирование лагеря, а с другой стороны, давление исходило от Брянского губернского лагеря. По его мнению, из-за такого положения не удавалось установить настоящий порядок. С этим согласился комендант Брянского губернского концентрационного лагеря Платонов. Он предложил товарищу Зиновкину во внутренний распорядок лагеря никого не допускать. Так вся власть сосредоточилась в руках коменданта. Но,

по всей вероятности, улучшений в управлении лагерем не наблюдалось.

Охрана лагеря была организована неудовлетворительно: караул высылался не в достаточном количестве, конвойных высылали всего 9, а требовалось больше; конвоиры были молоды (1902 г. рождения) и плохо знакомы с воинскими уставами. Все это приводило к частым побегам заключенных. После многочисленных случаев побегов из Бежицкого отделения Главное управление предложило принять определенные меры. Комендант лагеря должен лично производить дознание обо всех случаях побега военнопленных. Далее он должен немедленно сообщить об этом местному подотделу принудительных работ. Если побег произошел из пределов лагеря, то необходимо было предоставить список всех охраняемых в лагере в момент побега и список заключенных, находящихся по соседству. Если же побег был совершен вне пределов лагеря, необходимо было предоставить список конвоиров и надзирателей, сопровождавших военнопленных, а также заключенных той партии, из которой был побег. Необходимо было принять самые строгие меры против лиц, допустивших побег. Как следствие данного распоряжения, ужесточился контроль над учетом всех случаев побегов военнопленных. Нами были найдены многочисленные документы о препровождении конвойных, допустивших побег военнопленных из Бежицкого отделения, в Брянский губернский концентрационный лагерь, где они должны были отбывать наказание сроком от нескольких дней до нескольких месяцев за халатное исполнение своих обязанностей.

Но не только караул и конвоиры плохо выполняли свои обязанности, оплошности были и у часовых. В архиве был найден рапорт о халатном отношении к службе часового Борисова, стоявшего на посту у ворот № 2 29 ноября 1920 г. и пропустившего 5 человек-конвоиров в неуказанные ворота. Подобный рапорт от 23 ноября 1920 г. был и на часового товарища Шалашкина. В данном случае конвоиры ушли с территории лагеря и не вернулись. Шалашкин был отправлен отбывать наказание в Брянский губернский концентрационный лагерь.

Халатность, невнимательность и неосторожность прослеживалась во всем, даже в обращении с оружием. К примеру, часовой Василий Фролов сбежал с поста 7 октября с 14 до 16 часов и оставил винтовку, а патроны унес с собой. И в это время был совершен побег военнопленного Зомбека. 9 октября 1920 г. отмечен часовой

Стефан Копылов. Он неосторожно обращался с винтовкой на посту и «с его стороны был неожиданный выстрел, с чего мог быть неожиданный убийственный случай».

Небрежным отношением к обязанностям служащих лагеря пользовались заключенные. Малейшая рассеянность часовых или конвоиров — и военнопленные пускались в бега. В конце 1920 г. было принято решение сделать Бежицкое отделение Брянского губернского концентрационного лагеря самостоятельным учреждением. Комендантом Бежицкого лагеря был назначен освобожденный от своей должности коменданта Брянского лагеря Платонов. Судя по книге приказов, новый комендант укрепил дисциплину и порядок.

Первый приказ обращался к надзирателям и конвойным: «Ко всем военнопленным обращение должно быть вежливое, но вместе с тем строго требовательное при исполнении служебных обязанностей. Стоя на посту, каждый знает, что за всё противное закону Советской власти каждый несет строгую ответственность вплоть до придания суду трибунала. Всем честно относящимся к своим обязанностям, будет предоставляться очередной отпуск. Все, кто уходит с постов, будут приравнены к дезертирам фронта». Был отрегулирован распорядок дня. Все действия заключенных регулировались звонками. Подъем в 6 часов. Следующий час военнопленные умывались, убрали камеры, пили чай. В 7.30 заключенные строились и отправлялись на работу. Лишь в 17.45 был обед. В 20.00 все строились на поверку. После проверки никакого хождения по двору лагеря не должно быть. Четко были распределены и обязанности. Кроме того, в штат входили: делопроизводитель и его помощник, каптенармус продовольственного и вещевого цейхгауза, курьер, конюх, старший повар, помощник повара. Было установлено жалование — оклад и 40% надбавка. В соответствии с приказом № 16 товарищ Зиновкин обязывался по 2 часа заниматься с конвойными лагеря ознакомлением с обязанностями конвойно-караульной службы. А старшему конвойной команды был объявлен выговор за недисциплинированность и незнание своих обязанностей часовыми, стоящими на посту. Последствием этого было утверждение пропуска с подписью и печатью коменданта. Без пропуска в лагерь пропускать кого-либо запрещалось.

Таким образом, меры, принятые новым комендантом в 1921 г., должны были улучшить работу Бежицкого концентрационного лагеря.

ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Заключенные содержались в трех бараках. Каждый барак делился на 4 казармы, в которых помещались военнопленные и конвоиры, а также канцелярия, клуб и кухня. Размер казармы 20 куб. сажень (приблизительно 30 кв. м). В каждой казарме помещались от 20 до 40 человек, а конвоиров — 48 человек. Лагерь располагался в сыром и болотистом месте. Состояние бараков с внешне технической стороны оценивалось как удовлетворительное: «в отношении санитарного состояния, лагерь находится в самом антисанитарном состоянии», — докладывал комендант Брянского губернского концентрационного лагеря Н. Платонов. Изучая документы, освещающие санитарно-гигиеническое состояние лагеря, трудно не согласиться с Н. Платоновым. «Казармы были тесны и неблагоустроены, нары без тюфяков, а вместо тюфяков военнопленные подстилали рогожи, полученные в Брянском заводе. Подушек и одеял не было, температура низкая, так как в последнее время за отсутствием дров казармы не отапливали. Печи при этом дымят». В другом отчете подтверждалось антисанитарное состояние. «Военнопленные жили очень тесно, на двойных нарах. Причем на верхних нарах было грязно, вся пыль с верхних нар сыпалась на нижние, таким образом вызывала всевозможные глазные болезни. Сенников не было, а вместо них набросано сено, которое кишело паразитами. На некоторых были постелены вместо сена чрезвычайно грязные рогожи, заполненные вшами». «Помещения военнопленных: полы грязные, в некоторых помещениях занимались починкой старой обуви и другими работами, что могло негативно отражаться на здоровье военнопленных».

Лагерь был загрязнен не только внутри, но и снаружи. Вот как описывается он в акте Рабоче-крестьянской инспекции: «Двор лагеря в высшей степени замусорен и в виду того, что туалеты переполнены и не очищаются, отчего распространяется по всему двору зловоние. Около коридоров выбрасываются все нечистоты, что страшно загрязняет двор и угрожает развитию брюшного тифа. Дезинфекция в казармах почти не производилась, даже в тех, где были больные тифом и дизентерией. Такое состояние приводило к распространению болезней, таких как тиф, дизентерия, чесотка (причем много чесоточников было не изолировано). Помощи больным ждать было неоткуда, так как ни доктор, ни фельдшер лагеря не посещали. Положение ухудшалось еще и то, что все военнопленные за время с 10 августа были всего 1 раз в бане».

После одного из первых осмотров лагеря комендант Платонов распорядился мыть полы, стены 2 раза в неделю, своевременно очищать отхожие места. Кроме того, он просил администрацию Брянского завода произвести побелку в нескольких помещениях лагеря. Через некоторое время, 20 октября 1920 г., провели повторную проверку казарм: все помещения за исключением кухни находились в порядке, но на нарах не было матрацев. По результатам проверки во всех жилых комнатах была произведена дезинфекция. В пустующей квартире дома № 17 обустроили баню, она была нужным дополнением лагеря, так как часто военнопленные оставались немывтыми до 3 месяцев. Столовая, в которой также жили военнопленные, содержалась в антисанитарном состоянии.

Положение по-прежнему оставалось критическим, требовалось введение дополнительных мер. Н. Платонов вступил в должность коменданта лагеря с января 1921 г. и предпринял меры по улучшению санитарного состояния лагеря. Он обращался к военнопленным с призывами «соблюдать в своих помещениях чистоту и порядок»: «знайте, что при чистоте меньше заводится насекомых, которые переносят всевозможные болезни». 16 января 1921 г. Платонов всем старшим надзирателям объявил строгий выговор за халатное отношение к службе во время дежурства по лагерю. Платонов назначил мытье полов 2 раза в неделю — в среду и в субботу. Уборку двора и помещений необходимо было производить ежедневно, окончив к 10 часам, и по окончании уборки и чистки доносить коменданту для производства осмотра.

Рассмотрим снабжение лагеря продуктами питания, одеждой и обувью. В докладе коменданта Брянского концентрационного лагеря Платонова об осмотре Бежицкого отделения питание заключенных оценивается как удовлетворительное. «Пища для пленных готовилась в достаточном количестве». Но вот в акте Рабоче-крестьянской инспекции совсем другая оценка положения с питанием. Выдача продуктов с 5 по 30 сентября 1920 г. производилась по следующему графику: хлеб — ежедневно, пшено — с 5 по 16.09, соль — ежедневно, мясо — один раз за весь период, рыба — с 5 по 15.09, с 19 по 23.09, кофе — урезали в 3 раза во 2-й половине сентября, сахар — ежедневно, капуста — один раз за период, мыло — один раз за весь период. С 10 августа по 1 ноября военнопленные получали 1 фунт хлеба от Брянского губернского концентрационного лагеря и 1 фунт хлеба от Брянского государственного завода, 32 золотника пшена, 32 золотника рыбы или 24 золотника мяса, 3 золотника

сахара, 3 золотника соли, 1 фунт картофеля, 0,5 фунта капусты. В это время военнопленные, по их заявлению, были довольны питанием, и побегов не было. С 1 ноября довольствие получают из местного Райпродкома по следующим расчетам: 1 фунт хлеба, 1 фунт картофеля или капусты, по 3 золотника соли и сахара, без мяса и всяких жиров. При осмотре оказалось, что картофель и капуста, полученные из Райпродкома, были мороженными и гнилыми, и Рабинспекция признала 60% из них совершенно непригодными к употреблению. Причем, установлено, что «картофель и капуста хранятся в помещениях без запоров, почему означенные продукты не гарантированы от расхищения. Еду военнопленные получают 1 раз в день в 7 часов вечера. С утра идут на работу совершенно голодными, так как хлеб тоже дается с вечера и с горячей пищей съедается. Такое положение Рабинспекция считает недопустимым в виду того, что военнопленным приходится исполнять на Брянском заводе тяжелую работу».

Недопустимое положение необходимо было исправлять, вследствие чего был издан ряд приказов по управлению Бежицкого концентрационного лагеря. Приказ № 1 от 1 января 1921 г. устанавливал рацион положенного довольствия на одного военнопленного и служащего на один день. Выдача хлеба, чая, сахара производилась по установленной норме в 6–7 часов каждому на руки, остальное приварочное довольствие выдавалось только по выписанному в хозяйственной части ордеру под расписку дежурного по кухне. Для приема мяса была назначена комиссия под председательством члена контрольно-хозяйственной комиссии (военнопленного) товарища Тунаска. В целях постановки на должную высоту хозяйственного распорядка лагеря было приказано «каптенармусу не производить никому выдачу каких-то ни было продуктов всех видов довольствия без ордеров за подписью коменданта Бежицкого лагеря Платонова или подписью завхоза».

Военнопленные были обуты в брезентовые туфли с деревянными подошвами, полученные на Брянском заводе. Нижнего белья почти ни у кого не было, а если и встречалось, то грязное и рваное, так что брезентовый костюм надевался на голое тело. По заявлению военнопленных, вся одежда и обувь были отобраны у них в Брянске, взамен была выдана старая верхняя одежда, которая пришла в полную негодность.

Кроме того, некоторые военнопленные заявили, что они, желая сохранить на зиму свою кожаную обувь, не ходили в ней, а ходили в самодельных лаптях. Между тем, в их отсутствие, по рас-

поряжению коменданта Зиновкина, обувь была изъята. Сколько пар было отобрано, не удалось установить. При осмотре цейхгауза обнаружено лишь три пары старых рваных ботинок, одна пара старых кожаных сапог, одна пара лаптей и одна пара валенок. Было замечено, что в одной хорошей паре обуви из отобранных ходил конвоир. Всего отобрано более 6 пар. Имеющегося теплого обмундирования было недостаточно. Имелось только 70 теплых полупальто. В ноябре 1920 г. предполагалось выдать одну пару белья, но по истечении 3 недель смена белья так и не была произведена. В продолжение трех месяцев не мылись в бане из-за отсутствия белья, что явилось причиной распространения всевозможных болезней — чесотки, чирьев и т. п. Чтобы исправить положение коменданту Бежицкого концлагеря предложили выслать портных для пошива белья. Комендант лагеря просил о реквизиции (безвозмездном изъятии) лаптей на базаре г. Брянска, необходимых для заключенных и военнопленных, на что ему ответили согласием.

К 1921 г. снабжение бельем и обувью стало чуть лучше, но постельные принадлежности по-прежнему отсутствовали. Это вредно сказывалось на здоровье военнопленных. На все требования приходил один и тот же ответ, что матрацев и постельных принадлежностей нет.

Таким образом, быт польских военнопленных был неудовлетворительным. Советская власть, не могла обеспечить нормальные хозяйственно-бытовые условия в силу объективных и субъективных причин.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

В лагере все заключенные в принудительном порядке обязаны были работать. Трудились они на Брянском государственном заводе в разных цехах. Кроме того, при лагере была организована сапожная мастерская, в которой работало 7 человек, вполне обслуживавшая обувь всех военнопленных и выполняя заказ Брянского завода на брезентовые ботинки с деревянной подошвой, которых ежедневно выпускалось до 20 пар. У заключенных, как и у обычных рабочих, был введен 8-часовой рабочий день. Сверхурочные и ночные работы могли быть введены с соблюдением законов о труде, но дополнительных надбавок к оплате военнопленные за это не получали. Да и другие денежные премии им не полагались. Рабочая инспекция такое положение находила неправильным, считая, что

военнопленные должны получать премию и сверхурочные на тех же основаниях, что и рабочие Брянского завода.

Заключенные получали за свой труд вознаграждение, которое производилось по ставкам профсоюзов соответственных местностей, независимо от того, трудятся ли они на постоянной работе или поденной. Оплачивался труд по тарифу, утвержденному расценочной комиссией. Все военнопленные получали на руки 25% заработанного, а 75% отсылалось в Брянский губернский лагерь. Из этих отчислений создавался фонд на продовольствие для военнопленных. Весь заработок заключенных записывался в трудовую книжку. В ней указывалась не только сумма заработка, а также все вычеты и штрафы. Накопленные средства выдавались ему на руки лишь при его освобождении, но в случае нужды комендант вправе был выдать заключенному аванс на личные расходы. Конкретные суммы заработных плат сохранились в ведомости. Например, за июль 1920 г. Петр Лабел заработал 1000 руб. 80 коп. В фонд лагеря отчислено 759 руб. 20 коп., а заключенному на счет положили 226 руб. 80 коп.

Нельзя сказать, что заключенным нравилось трудиться. Надзиратели часто рапортовали о том, что «военнопленные совершенно не хотят работать, не слушают мастеров, разгильдяйничают и уходят с работы преждевременно. В случае самовольной отлучки военнопленных сажали в карцер-чулан на 2 и более часа и лишали суточного довольствия. А если уж совсем отказывались выходить на работу, то получали лишь половину пайка».

Тем не менее, военнопленные Бежицкого концлагеря были важным звеном в работе завода. Брянский государственный завод в Бежице после репатриации польских военнопленных испытывал недостаток рабочей силы, что вынудило Совет труда и обороны от 6 апреля 1921 г. командировать из Красной Армии на Брянский завод для работы красноармейцев 1896 г. рождения. Но в октябре они были демобилизованы, и опять завод испытал значительный недостаток в рабочей силе, что могло остановить производство двух цехов и расстроить работу железнодорожного цеха.

Жизнь военнопленных состояла не только из постоянной работы, в ней также находилось место и для отдыха. В Бежицком концентрационном лагере имелся клуб. Коммунистическая ячейка из 15 человек два раза в неделю устраивали митинги. В период с 15 по 31 января 1921 г. среди военнопленных было проведено 2 митинга, 1 общее собрание, 2 спектакля, которые «воспроизвели на военнопленных хорошее впечатление». Помимо митингов

устраивались лекции представителем завкома Брянского государственного завода. Был оборудован и открыт клуб-театр вместительностью 140 человек, в котором местной труппой комитета пожарников ставились спектакли, а также устраивалось хоровое пение военнопленных. Для чтения военнопленным давались брянские и центральные газеты и книги на польском языке, присланные из Москвы. Переписки с родиной не было. В январе 1921 г. были направлены все усилия на то, чтобы открыть школу для неграмотных и малограмотных.

К лету 1921 г. все военнопленные были освобождены и получили возможность вернуться на родину. Всего на родину было отправлено 384 поляка в 4 эшелонах. Перед отъездом по распоряжению Бежицкого завода заключенных сводили в баню, выдали обмундирование и денежный расчет. Каждому выдавались шинель, шапка, фуфайка, шаровары, нательная рубашка, кальсоны, обмотки, гимнастерка, лапти. Отъезжающим на родину военнопленным разрешалось вывозить российские бумажные деньги любого выпуска на сумму не выше 20 тыс. руб. на каждое лицо. Но были и такие, кто не пожелал возвращаться. Добровольно оставшихся насчитали 25 человек.

Итак, летом 1921 г. Бежицкий концентрационный лагерь для польских военнопленных перестал существовать. Кто-то из его заключенных нашел свою смерть в Бежице, кто-то вернулся домой к мирному труду, а кто-то остался в Советской России строить социализм.

* * *

Работая над исследованием, мы выяснили:

— В Бежицком концентрационном лагере содержались только польские военнопленные. Их путь попадания в лагерь был типичным для большинства: или добровольная сдача в плен (перебежчики), или захват пленных в результате военных действий.

— Организация управления лагерем была слабой, что явилось причиной бегства заключенных из лагеря. Только с отделением Бежицкого лагеря от Брянского губернского и назначением нового коменданта положение с дисциплиной улучшилось.

— Бытовые условия заключенных были неудовлетворительными, но всё же удалось обеспечить минимальные потребности военнопленных, что позволило им физически выживать.

— Военнопленные стали необходимым трудовым ресурсом для обеспечения производственной деятельности Брянского завода.

Сейчас на месте бывшего концлагеря построены жилые дома. Нам удалось пообщаться с одной из старейших жительниц улицы Дальней (ранее Мальцевская) Натальей Васильевной Булькиной. Сейчас ей 87 лет, она родилась в Стародубском районе, в 1967 г. приехала в Брянск на постоянное местожительство. Получили с мужем участок земли, построили домик всего в 30—40 м от лагеря, и Наталья Васильевна проживает в нем до сих пор. Она слышала, что на этом месте после революции был концлагерь, в котором содержались то ли немцы, то ли поляки. Когда они приехали в 67-м, как раз начался снос бараков, то есть бывшего жилья заключенных. Бараки были типовые, с двумя проходными входами, каждый вход вел в четыре маленькие комнатухи. Нашли мы и еще одну старейшую жительницу этого района, Галину Владимировну Скудину (Щеголеву). Еще ее дед, купец, построил дом по ул. Тульской (соседней улице с Мальцевской). Про концлагерь она слышала, только вот не знала, что там содержались поляки. Во время войны в этих бараках жили немцы. А рядом с ними, в нескольких десятках метрах, находилось кладбище, где были похоронены поляки и немцы. «Почему поляки?» — этот вопрос задавали все. А вот ответа послевоенное поколение не знало. Узнали только после разговора с нами. А немцев хоронили там во время войны. Сейчас на месте кладбища стоят гаражи.

Исследование заставило меня глубже заинтересоваться историей моей семьи. Многого я еще не знаю, но то, что моя семья связана с войной Советской России с Польшей, стало мне известно от моего деда. Его отец, Валентин Фомич Сильванович, родился в местечке Молодечно под Минском. В 1919 г. поляки оккупировали территорию Белоруссии, жить стало невыносимо, а главное, они стали призывать молодых людей в польскую армию. Семья Сильвановичей бежала на территорию, подвластную Красной армии, на Брянщину. После заключения Рижского мира Молодечно отошло Польше до 1939 г. Возвращаться стало некуда.

В Брянске семья прижилась, здесь мы и живем почти век.

семейное расследование

История моей семьи. А. К. Тайпале: Личная жизнь и предпринимательская деятельность в Санкт-Петербурге XIX–XX веков

Ксения Чинокалова

школа № 579, г. Санкт-Петербург

научный руководитель Светлана Анатольевна Елисева

В 2014 году я стала заниматься изучением прошлого своей семьи. Так в 2016 году появилась моя первая работа, посвященная родам Тайпале, Келлер, Бот, Смирновых, Абраменко, Чинокаловых.

Свое новое исследование я решила более детально связать с родом Тайпале и одним из его представителей — предпринимателем Александром Константиновичем Тайпале.

Первые впечатления о нем и о деятельности в Санкт-Петербурге его фирмы «А. К. Тайпале. Устройство отопления и вентиляции зданий» я почерпнула из дневников прапрабабушки Евгении Густавовны Келлер, прабабушки Дагмары Иоганновны Ждановой и копий дневниковых записей самого Александра Константиновича, переданных нам его внуком Александром Александровичем Тайпале, проживающим в Швеции.

Также я занялась поиском информации о своем предке в интернет-источниках и обратилась в Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Конечно, нельзя было обойти стороной таких «живых свидетелей» прошлого, как дома на пересечении улицы Оренбургской дом 27 и Сахарного переулка дом 12, где находились доходный дом и два флигеля, принадлежавшие А. К. Тайпале. Там же проживала его семья и располагалась фирма, что подтверждают обнаруженные мной адресные книги Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда.

Архивные планы дома, двора и надворных построек, составленные в начале XX века, позволяют представить, как выглядели дом, флигели и двор, где проживали мои предки с 1907 до середины 1970-х годов, когда и дом, и территория двора отошли заводу НИИ «Гидроприбор». Сейчас флигелей из-за заводского забора не видно, и сохранились ли они — неясно, но сам дом до сих пор высятся и хорошо виден.

И вот в результате всех проведенных исследований передо мной возник Санкт-Петербург второй половины XIX — начала XX века. И жизнь моего прапрапрадедушки предстала передо мной, словно проявившись на старинной фотопленке.

РОД ТАЙПАЛЕ. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ

Тайпале — финский род. Самым старшим его представителем является Иоганн Тайпале, родившийся примерно в 1810 году. Подробности о его жизни мне неизвестны. Он проживал с семьей в Финляндии, у него были сын Константин и дочь, о которой известно, что она вышла замуж за господина по фамилии Цаплин и у них родился сын Павел.

Константин Иоганнович Тайпале родился около 1830 года. Записи в дневниках сообщают, что когда пришло время задуматься о заработке, он пошел работать на железную дорогу машинистом. 6 ноября 1855 года состоялась его свадьба с Юлией Брандт, тоже финкой по национальности. Семья проживала в Выборгской губернии, в приходе Ведерлак. 15 августа 1856 года у них родился первый сын Александр; 19 марта 1858 года — дочь Доротея; 29 сентября 1859 года появился на свет второй сын, Николай; 2 августа 1861 года — вторая дочь, Луиза, к сожалению, она прожила всего год и 24 июля 1862 года скончалась; 11 октября 1863 года родилась третья дочь, Елена (дома ее звали Лёля).

10 января 1866 года умерла Юлия. Оставшись с четырьмя детьми, старшему из которых было 10 лет, а младшей 2 года, Константин Иоганнович переехал в Санкт-Петербург. 27 марта 1867 года он вторично женился. Жену его звали Софья Мартыновна (Мартыновна), она тоже была финкой, но приехала в Санкт-Петербург с Волги. Именно от этого брака и пошла наша ветвь рода.

26 апреля 1869 года в новой семье родилась дочка Эмилия.

5 мая 1870 года Константин Иоганнович с семьей решил переехать в Тамбов. Старшие мальчики, Александр и Николай, остались в Санкт-Петербурге. По настоянию отца они поступили учениками в мастерские завода Н. И. Путилова.

Поиски достойной работы привели к тому, что в 1872 году семья Тайпале вновь переехала и поселилась в городе Ртищево Тамбовской губернии.

Константин Иоганнович много работал, а домом и детьми занималась Софья Мартыновна. Она прекрасно готовила, хорошо

шила и вязала красивейшие кружева и салфетки. Всему этому она научила своих девочек: Дору, Лёлю и Эмилию.

7 января 1876 года старшая дочь, Доротея, вышла замуж за Ивана Степановича Тотубалина, обрусевшего татарина, православного по вероисповеданию. Человек он был достойный и приятный, очень любил Дору. На свадьбу из Петербурга смогли приехать старшие братья Александр и Николай. Это была первая свадьба в семье. Все веселились и развлекались, наслаждаясь семейным теплом. Казалось, жизнь наладилась. Однако это был последний раз, когда вся семья собралась вместе.

8 мая 1876 года в возрасте 46 лет скончался Константин Иоганнович Тайпале.

Потеряв кормильца, 14 августа 1876 года Софья Мартыновна с младшими дочками, Еленой и Эмилией, переехали обратно в Санкт-Петербург и поселились на Выборгской стороне вблизи Металлического завода.

Софья Мартыновна стала готовить домашние обеды. А поскольку готовила она очень вкусно, то обедать к ней приходили инженеры и служащие Металлического завода, имеющие достаточно высокое жалование. Этим семья и жила.

Дочь Елена решила стать медиком и в 1883 году поступила на курсы акушерок в Институт повивального искусства с родильным госпиталем.

В 1885 году Лёля вышла замуж за инженера Трифона Федосевича Лакизо. Это была чудесная пара. Худой, но при этом очень обаятельный и веселый Трифон обожал добрую заботливую жену. Своих детей у них, к сожалению, не было, но Трифон баловал всех племянниц и племянников.

В 1891 году на обеды к Софье Мартыновне стал приходить молодой инженер Густав Карлович Келлер, немец. Между юной Эмилией и Густавом быстро установилась взаимная симпатия. 19 мая 1892 года они поженились и переехали в большую квартиру в том же районе, на улице Симбирской. В этой квартире родились их дети: Герман (1892–1941), Женни Эмилия (Евгения) (1893–1948), Константин (1895–1944) и Георгий (1905–1942).

Скончалась Софья Мартыновна Тайпале 1 января 1921 года. Похоронена она на Волковском кладбище.

Сведений о старшем поколении семьи Тайпале сохранилось не так много, а вот от Александра Константиновича Тайпале и его семьи осталась не только письменная, но и овеществленная па-

мать — это те здания, в которых работала фирма «Товарищество Тайпале, Лукашевич, Сахаров по устройству отопления и вентиляции зданий», а позже и его собственная фирма «А. К. Тайпале. Отопление и вентиляция зданий», — в Санкт-Петербурге и других городах Российской империи.

ЖИЗНЬ И РАБОТА АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВИЧА ТАЙПАЛЕ ДО 1914 ГОДА

Александр Константинович Тайпале начал свою деятельность в 1869 году в возрасте 12,5 лет в мастерских завода Н. И. Путилова.

В 1871 году Александр стал посещать воскресные классы в Академии художеств, а на следующий год ушел с Путиловского завода и поступил в университет. Там он окончил строительный факультет по специальности «техник». Одновременно ему приходилось работать, так как отец присылал не очень много денег.

Предпринимательский талант и образование позволили Александру Константиновичу Тайпале стать высоким специалистом, но в его жизни была не только работа, но и семья.

Худошавый светловолосый и сероглазый молодой человек с приятными манерами имел успех в обществе. В 1881 году в гостях у хороших знакомых Александр встретил симпатичную молодую девушку — Екатерину Алексеевну Мякишеву. Голубоглазая русоволосая девушка с задорными ямочками на щеках сразу же расположила его к себе. Росший с 12,5 лет практически без семьи, Александр очень хотел семейного тепла, уюта, заботы, собственных детей. 26 октября 1881 года Александр Константинович и Екатерина Алексеевна обвенчались. Невеста была верующей девушкой и настояла на том, чтобы Александр Константинович принял православие. Семья поселилась в квартире, расположенной в Ломанском переулке, дом № 5 (ныне улица Комиссара Смирнова).

15 апреля 1882 года у них родился сын Константин, названный так в честь деда. Через полтора года, 21 декабря 1883-го, появился второй сын, Александр. А еще через два года, 6 декабря 1885-го, — третий сын, Анатолий. Несомненно, это была счастливая семья.

В 1887 году Александр Константинович поступил на работу в большую, известную фирму «Товарищество Лукашевич и Ко» («Товарищество по устройству отопления и вентиляции зданий»), куда хотел перейти уже давно. Товарищество было создано в 1885 году известным инженером-архитектором, инженером путей со-

общения Сильвиушем Болеславовичем Лукашевичем. В его состав входили преимущественно бывшие воспитанники Института гражданских инженеров.

Молодой, умный, талантливый и уже накопивший большой опыт работы по профилю фирмы Александр Константинович Тайпале быстро стал правой рукой Лукашевича. Практически ни один проект не обходился без его участия. Специальные устройства различных систем отопления и вентиляции зданий были выполнены «Товариществом Лукашевич и Ко» во многих городах Российской Империи. Заказчиками фирмы были самые разные высокопоставленные особы и крупные учреждения.

Когда Сильвиуш Болеславович отошел от дел и передал дела сыну, товарищество преобразовалось в «Товарищество Тайпале, Лукашевич и Сахаров» (владельцы Александр Константинович Тайпале, Степан Степанович Сахаров и Сильвиуш Сильвиушевич Лукашевич) и продолжило заниматься устройством отопления и вентиляции зданий. Дела шли очень успешно.

28 октября 1893 года в семье Александра Константиновича родилась дочка Лидия. Отец и мать были особенно рады девочке. Отец часто читал ей книги, старшие братья опекали малышку.

На лето семья Тайпале выезжала на собственную дачу в Териоках (современный Зеленогорск). В то время Териоки были самым крупным и популярным дачным поселком на побережье Финского залива. Чистый морской воздух, песчаные пляжи, купания и ароматы хвойного леса привлекали состоятельных петербуржцев. К 1907 году в Териоках было 1400 дач, 44 улицы. Постоянных жителей насчитывалось 5 тыс. человек, а дачников 55 тыс. человек. В 1912 году в Териоках провели электричество. В 1913 году открылись почта, телеграф, телефонная станция. С Санкт-Петербургом Териоки связывала железная дорога.

Основную массу владельцев и арендаторов дач составляли купцы, промышленники, зажиточное дворянство, чиновники из Санкт-Петербурга и столичная интеллигенция. Здесь поселились адмирал С. О. Макаров, писатели Л. Н. Андреев, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, М. Е. Салтыков-Щедрин, ученые И. П. Павлов, Д. И. Менделеев, П. Ф. Лесгафт, режиссер В. Э. Мейерхольд, поэт А. А. Блок, художник В. А. Серов. Часто приезжали М. Горький, А. И. Куприн, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец, К. И. Чуковский.

Дача семьи Тайпале была очень уютная, средних размеров, деревянная на каменном фундаменте — типичная дача состоятель-

ной интеллигенции того времени. В гости к Александру Константиновичу и Екатерине Алексеевне часто приезжали братья и сестры со своими семьями. Время проводили весело. Много гуляли по лесу и по берегу Финского залива. Катались на велосипедах по песчаным дорожкам, извивающимся среди холмов. Изредка всей семьей ходили купаться на залив. В моду как раз тогда вошли мужские и женские купальные костюмы «в полосочку» и весь берег в теплые солнечные дни казался полосатым.

Несмотря на более чем хорошее материальное положение Александр Константинович и Екатерина Алексеевна не приветствовали излишеств ни в одежде, ни в еде. Сам Александр Константинович всегда был одет в строгий черный костюм, а Екатерина Алексеевна одевалась просто, но элегантно. Также воспитывали они и детей. Самым главным благом Александр Константинович считал хорошее образование для своих детей и на это денег не жалел.

Сыновья учились в мужской гимназии при Евангелическо-Лютеранской церкви Святой Анны. Там училось много детей — выходцев из немецких и финских семей. Лидия — в женской гимназии, а потом в училище при Евангелическо-Лютеранской церкви Святой Анны.

В 1900 году, получив огромный опыт работы и наработав обширные связи, Александр Константинович вышел из «Товарищества Тайпале, Лукашевич и Сахаров» и организовал собственную фирму «А. К. Тайпале. Системы отопления и вентиляции зданий». Незадолго до этого, в марте 1898 года, компаньоны Степан Степанович Сахаров, Александр Константинович Тайпале и Сильвиуш Сильвиушевич Лукашевич приобрели в совместную собственность участок на Выборгской стороне с доходным домом на улице Оренбургской, дом № 27, который присмотрел Александр Константинович Тайпале.

Началось новое столетие. В 1901 году старший сын, Константин Александрович, поступил в Санкт-Петербургский императорский университет. Стал ученым-химиком.

В 1902 году второй сын, Александр, окончил училище при Евангелическо-Лютеранской церкви Святой Анны и тоже поступил в Санкт-Петербургский университет, как и его старший брат годом ранее. Однако вскоре он решил перевестись с физико-математического факультета на механическое отделение Технологического института императора Николая I. Дело о принятии Александра Александровича Тайпале в студенты первого курса этого

института, начатое 8 августа 1903 года, я нашла в историческом архиве. К нему подшиты различные свидетельства, прошения, удостоверения.

В числе документов сохранилось прошение на имя директора института от студента Александра Тайпале о разрешении отбыть за границу летом 1909 года. В семейных хрониках также встречаются упоминания о заграничных поездках семьи Тайпале.

Но мое особенное внимание привлекло ходатайство директора института на имя управляющего Санкт-Петербургским учебным округом с просьбой о допуске к экзаменам исключенного из института студента Александра Тайпале. Думаю, что причина, по которой Александр был отчислен из института, доставила немало беспокойства всей семье. 5 декабря 1910 года пятеро студентов были арестованы на одной из квартир, среди них был и Александр. Через неделю после ареста все студенты были исключены из института. Тревожные события 1904–1905 годов, студенческие волнения в разных учебных заведениях заставляли власть следить за студенческими собраниями. Но вскоре все административные взыскания с Александра Тайпале были сняты. В течение года директор института добивался в разных инстанциях права его восстановления или разрешения сдавать экзамены «в качестве постороннего лица». Но в числе студентов Технологического института Александр Тайпале был восстановлен только в апреле 1912 года.

В 1904 году младший сын Александра Константиновича — Анатолий окончил училище при Евангелической Лютеранской церкви Святой Анны и так же, как средний брат, поступил в Технологический институт императора Николая I.

Дела у фирмы Александра Константиновича шли настолько хорошо, что 23 марта 1907 года он выкупил остальные 2/3 доли у своих компаньонов, уплатив каждому по 14 тыс. рублей, и стал единоличным владельцем дома № 27 по улице Оренбургской. Под его руководством большой пятиэтажный двухподъездный жилой доходный дом и два флигеля были модернизированы по последнему слову техники.

Доходные дома служили хорошим источником дохода для их владельцев. Ведь в Санкт-Петербург приезжало много людей, и все они нуждались в квартирах. Именно поэтому Александр Константинович считал вложения в доходный дом выгодными.

Доходные дома строились быстро, вплотную друг к другу. Они были 5–6-этажными. Также практиковалось строительство вну-

три двора флигелей. Домовладелец должен был присматривать за жильцами и вести «Домовую книгу», платить городские сборы, заботиться о чистоте улицы и двора, об освещении и дождевой канализации. Только внутренним обликом квартир занимались квартиросъемщики.

Если в центре города, в дорогих доходных домах квартиры снимали аристократы, офицеры, предприниматели и большие чиновники, то в Выборгском районе, где построил свой дом А. К. Тайпале, жили люди среднего достатка. Квартиры в его доме нанимали преимущественно финские поданные.

В Ведомости с доходов имущества Александра Константиновича Тайпале написано, что на первом этаже доходного дома располагалась контора домовладельца (4 комнаты), мастерская и дворничья, на втором, третьем, четвертом и пятом этажах — по три двухкомнатных и по одной трехкомнатной квартире на каждом. В одном флигеле проживал сам Александр Константинович Тайпале со своей семьей. Он занимал 8 комнат, а также у него были людская, кухня, передняя, ванная. В другом флигеле располагались две двухкомнатные и одна трехкомнатная квартиры с кухнями и передними. Во дворе находились склад, сарай и ледник. Годовой доход со сдачи квартир внаем составил в 1908 году 9036 рублей.

Александр Константинович сам провел в строящемся доме инженерные сети: холодное водоснабжение, канализацию и отопление. Особенностью дома было наличие в подвале котельной, то есть паровое отопление. Под окнами были установлены ребристые трубы (аналог батарей).

В 1907 году в дом № 27/12 на улицу Оренбургскую переехала вся его семья. В одном из флигелей жил сам Александр Константинович с семьей, в другом — его сестра Елена Константиновна. В доходном доме Александр Константинович перепланировал 3 квартиры: одну — на будущее для своей дочери Лидии Александровны и две — для своих сестер Эмилии и Доротеи.

По соседству, в доме № 21 по Оренбургской располагалась финская хлебопекарня. Вкуснейший хлеб и булочки из нее имели огромный успех у всех хозяек близлежащих домов. Семья Тайпале с удовольствием пользовалась услугами пекарни.

Перестройка дома и флигелей потребовала значительных денежных вложений и истощила финансы Александра Константиновича Тайпале. Для расширения бизнеса потребовались деньги и он решил заложить землю, для чего обратился в Петроградское город-

ское кредитное общество. 22 марта 1908 года одобрение кредита было получено. Однако, видимо, хорошо взвесив все «за» и «против», он передумал, и залог не состоялся.

Тем не менее, в конце года ситуация всё же вынудила Александра Константиновича повторно подать прошение в Петроградское кредитное общество, и после обмеров, обследований земли и домов, а также определения дохода с них, он получил Постановление о кредите в 32300 рублей на 37,5 лет и 9200 рублей на 20,5 лет (на дом и флигели — отдельно). В 1909 году он добился повышения суммы кредита до 54300 рублей на 37,5 лет и 10000 рублей на 20,5 лет («Дело о залоге имущества по Сахарному пер., 12 и Оренбургской ул., 27»).

Но опять что-то нарушило его коммерческие планы и 8 августа 1909-го Александр Константинович Тайпале просит вернуть ему имущество в связи с тем, что деньгами он не воспользовался.

Фирма «А. К. Тайпале. Отопление и вентиляция зданий» принимала участие во многих масштабных проектах того времени. В 1908–1909 годах — в реставрационных работах Собора во имя Св. Сампсония Странноприимца. Практически полной реконструкции подверглось инженерно-техническое оснащение храма, а устройством центрального отопления занималась фирма Тайпале.

Другой проект — 18 июля 1908 года Александр Константинович обратился в Санкт-Петербургскую городскую управу за разрешением открыть на первом этаже принадлежащего ему дома № 27 на улице Оренбургской слесарную мастерскую. «Дело о выдаче разрешения на открытие слесарной мастерской» тоже сохранилось в архиве.

19 мая 1909 года он вновь просит управу разрешить открыть слесарную мастерскую, но уже не в самом доме, а на первом этаже принадлежащего ему надворного флигеля по тому же адресу, и успешно ее открывает. Из архивных дел, сохранившихся до наших дней, можно многое узнать о хозяйственных делах моих предков.

26 октября 1909 года Константин, старший сын Александра Константиновича, женился. Свадьба была сыграна достаточно богато и шумно. В 1910 году в молодой семье родился сын Андрей, через несколько лет — дочь Галя, а затем еще один сын, Юрий.

Константин Александрович всю жизнь занимался химией, стал профессором и заведующим кафедры органической химии Санкт-Петербургского университета.

Александр Константинович гордился, что его сыновья закончили высшие учебные заведения и стали хорошими специалистами, инженерами и учеными. Высшее образование в то время давало возможность хорошо зарабатывать, быть уважаемыми людьми. В жизни семьи наступил период спокойного процветания. Дети были устроены, дела шли отлично.

В 1911 году фирма Александра Константиновича Тайпале получила еще один выгодный контракт. В Санкт-Петербурге у Исаакиевского собора на месте домов, построенных еще в начале XVIII века, архитектор Федор Лидваль возвел здание гостиницы «Астория». Инженерное оснащение гостиницы соответствовало последнему слову техники: звукоизоляция из пробки, электрическая световая сигнализация для вызова прислуги, автоматическая система пылеуборки, центральное водяное отопление, городской телефон. Систему вентиляции разработало и смонтировало петербургское общество «А. К. Тайпале. Системы отопления и вентиляции зданий».

28 сентября 1912 года женился младший сын, Анатолий. Детей в этом браке не было.

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ: 1914–1916

28 июля 1914 года грянула Первая мировая война, в которую оказалась втянута и Россия.

Настроение в семье Тайпале было тревожным, хотя они не сомневались в победе своей страны. Александр Константинович часто читал домашним статьи из газет со сводками сражений.

Дочка Александра Александровича, Лидия Тайпале, и ее двоюродная сестра, Женни Эмилия Келлер, поступили сестрами милосердия в лазарет Свято-Георгиевской общины сестер милосердия под покровительством Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны, который оборудовал сахарозаводчик Кениг.

В годы войны фирма Александра Константиновича активно участвовала в модернизации старых заводов и фабрик, а также постройке новых высокопроизводительных заводов и фабрик, работающих на нужды фронта. Агрегаты и составные части, а также сырье поставлялись преимущественно по железной дороге, которая работала в основном на военные нужды. Перевозка шла тяжело. Железная дорога функционировала неправильно, грузы на некоторые направления не принимали, вагонов было недостаточно.

Времена наступили тяжелые, беспокойные. Александра Константиновича тревожило финансовое положение семьи. По-прежнему считая очень выгодным вложением сдачу квартир внаем в доходных домах, в начале 1915 года он принял решение о надстройке каменных флигелей для увеличения числа квартир по Оренбургской ул., 27 и Сахарному пер., 12. Проект надстройки флигелей был рассмотрен и утвержден Отделом частновладельческого строительства Петроградской городской управы и с 2 марта 1916 года (после уплаты налога) было дано разрешение на надстройку одного флигеля пятым этажом с мансардой, а второго — пятым и шестым. А для жильцов заднего флигеля — с крытым проходом по двору.

Затем он решает вложить все имеющиеся средства в покупку, пусть и вкладчину с друзьями, нового доходного дома. 10 октября 1915 года Личный Почетный Гражданин Александр Константинович Тайпале, Потомственный Почетный Гражданин Мендель Иоселевич Иоф и петроградский купец Иван Федорович Федоров выкупили в совместную собственность у последнего владельца — действительного статского советника, доктора медицины Якова Ивановича Трусевича — каменный дом и землю по адресу улица Николаевская, дом № 34 (в настоящее время улица Марата, дом № 34). Сумма была не так велика — 100 тыс. рублей, ввиду того, что дом и земля были заложены предыдущими владельцами. Александр Константинович надеялся в ближайшие годы погасить залог, а затем и получить дом в свое полное владение, выкупив доли у своих компаньонов, о чем с ними договорился с самого начала этого предприятия.

А между тем, в начале 1916 года вышла замуж единственная дочка Александра Константиновича — Лидия Александровна. Ее избранником стал успешный молодой инженер Сергей Васильевич Бирюков. Молодые поселилась в доходном доме Тайпале в квартире, которую для дочери специально перепроектировал отец.

СЕМЬЯ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ТАЙПАЛЕ В 1917-1938 ГОДАХ

Как и многих жителей России, очень беспокоило семью Тайпале тревожное состояние политических дел в стране. Ощущалось приближение чего-то нового и опасного. И вот в 1917 году грянули подряд две революции — февральская и октябрьская.

20 августа 1918 года ВЦИК издал декрет «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах». Этот декрет отменил право частной собственности на городскую землю и строения, имевшие стоимость или доходность выше определённого предела. В течение года практически все квартиры были «уплотнены» и возникли коммунальные квартиры. В 1918 году оба дома Тайпале и два флигеля перешли в Горжилуправление.

Сам Александр Константинович Тайпале сразу же после публикации декрета переселился из флигеля в основной дом, где уже жили семьи сестер и дочери. Ввиду не такой уж большой стоимости и доходности дома семью не выселили, и они не подверглись репрессиям.

Рабочих и революционеров заселили в бывшие доходные дома, но за квартиры первые годы практически никто не платил, и само молодое советское государство, не имея средств, не следило за ремонтом домов, дворов, канализаций и водопроводов. А ведь фирма «А. К. Тайпале. Системы отопления и вентиляции» как раз проектировала и устанавливала системы отопления и вентиляции, то есть по сути занималась модернизацией и ремонтом. Но заказов у нее практически не стало.

Доставать продукты было очень тяжело. Доходов от сдачи квартир в своем бывшем доме семья лишилась.

В середине мая 1918 года в результате Первой советско-финской войны Териоки отошли к отделившейся в декабре 1917 года Финляндии. Так семья Александра Константиновича Тайпале потеряла дачу.

Но как бы не было тяжело, жизнь брала свое. 17 ноября 1918 года состоялась свадьба второго сына Александра Константиновича, Александра, с Ниной Адамовной, жившей на улице Оренбургской в (теперь уже бывшем) доходном доме Тайпале с мамой и сестрой. Свадьба была очень скромной, хотя родители и постарались ее устроить как можно лучше.

В 1919 году в молодой семье родился сын Александр. Он приходился моей прабабушке Дагмаре Иоганновне Бот (внучка Эмилии Константиновны Келлер, в девичестве Тайпале) троюродным братом, а поскольку они были практически одного возраста, то часто играли вместе в песочнице во дворе дома № 27 по улице Оренбургской.

21 сентября 1921 года у Лидии, дочери Александра Константиновича, и ее мужа Сергея Васильевича Бирюкова родилась дочка Ирина.

Рождения внука и внучки стали первыми светлыми моментами за последние тяжелые годы в семье Тайпале.

В 1921 году в связи с экономическим кризисом и массовыми волнениями населения большевики приняли решение о переходе к «новой экономической политике» (НЭП). Жить стало легче. Появилась работа, хотя и оставались проблемы с продуктами, одеждой.

Все дети Александра Константиновича были очень привязаны друг к другу. Повзрослев и обзаведясь собственными семьями, они продолжали поддерживать тесные отношения, часто заходили друг к другу в гости. Летом все семьи снимали дачи за городом, недалеко друг от друга. Они устраивали совместные прогулки на природе, домашние концерты.

Еще теплилась надежда, что всё «вернется на круги своя». Однако этого не случилось. гражданская война в России, длившаяся с 1917 по 1923 год, была проиграна «белой» армией. У власти прочно обосновались большевики.

В 1927 году в семье случилось горе — умерла сестра Александра Константиновича Елена. А вскоре скончалась его жена — Екатерина Алексеевна. Уход этих прекрасных добрых женщин, создававших уют и тепло в семье, стал сильным ударом для всех.

В 1929 году второй сын Александра Константиновича — Александр Александрович Тайпале — принял решение об эмиграции и уехал с женой и десятилетним сыном Александром в Финляндию как финский подданный

В 1931 году вслед за сыном эмигрировал сам Александр Константинович. Однако переживания последних лет дали о себе знать, и в 1932 году, в возрасте 76 лет, он скончался.

В 1938 году в России умер его старший сын, профессор химии Константин Александрович Тайпале, а его вдова Екатерина Сергеевна и сын Андрей эмигрировали в Финляндию. Дочь Галя к тому времени вышла замуж за молодого немецкого коллегу отца — Петера Шрейта и жила в Берлине.

Остальные дети Александра Константиновича — сын Анатолий и дочь Лидия, уже обзаведшиеся своими семьями, остались в России. Они по-прежнему проживали в отцовском доме по улице Оренбургской, 27.

Прошли годы, десятилетия. Минул век. Канули в прошлое до-революционные времена, пронеслись по нашей стране революции и войны. Ушли из жизни многие поколения моих родных. И только

каменные дома, эти незримые свидетели и спутники той далекой эпохи, по-прежнему стоят на своем месте.

Сохранился дом № 34 по улице Николаевской (сейчас это проспект Марата). Существует, хотя и сменил номер с 27 на 29 «Б», бывший доходный дом семьи Тайпале на углу улицы Оренбургской, № 27, и Сахарного переулка, № 12, где проживали многие поколения нашей семьи на протяжении без малого 70 лет. Сохранились и соседние дома на улице Оренбургской, Сахарном переулке, Астраханской улице. Гуляя по этим тихим старым петербургским улочкам, легко переносишься на сто десять лет назад в атмосферу дореволюционной России, во времена жизни Александра Константиновича Тайпале.

* * *

Вот так, по крупицам, я старалась воссоздать историю жизни моего дальнего предка — Александра Константиновича Тайпале.

Он предстал передо мной симпатичным и обаятельным мужчиной. Хорошим и любящим отцом, мужем, братом и сыном. Отличным специалистом-техником и успешным коммерсантом.

Конечно, судьба его не баловала. Он жил в тяжелое время перемен. Первая мировая война, революция 1905–1907 годов, февральская и октябрьская революции 1917-го, гражданская война. И, что самое обидное, потеря всего нажитого своим трудом после революции.

Но времена не выбирают. Я считаю, что Александр Константинович Тайпале достойно прожил свою жизнь.

Наша семья продолжает жить и работать в Санкт-Петербурге. Этот прекрасный город на Неве тысячью невидимых нитей связывает меня с моими предками, с прошлым и настоящим моей семьи. Я хочу, чтобы каждый из нас помнил историю своей семьи, своих родных, своей страны. Чтобы и мы, как в свое время наши предшественники, вписали достойные страницы в историю России.

«Жить тихо, жертвенно и честно...
И никому за ним не тесно»:
История одного стола

Богдана Кантомирова
Волгоградская школа-интернат «Созвездие»
х. Перекопка, Волгоградская область

Мои дедушка и бабушка живут в Волгоградской области, на хуторе Перекопке. Летом вся семья съезжается к ним в деревню: кто в отпуск, кто на каникулы. Бабушкин брат с семьей и друзьями — посидеть на берегу Дона с удочкой, мы с родителями и сестрой — помочь по хозяйству, покупаться и позагорать, полакомиться ягодами и фруктами, полежать с книгой в гамаке под старой раскидистой яблоней.

А вечером все собираются в беседке, обвитой виноградными лозами и вьющимися алыми цветами. Мы сидим на длинных деревянных скамейках, сбитых дедушкой, за большим самодельным столом, обсуждаем новости, делимся планами, встречаем и провожаем гостей. Когда нас мало, мы погружаемся в семейные воспоминания. Старшие говорят о тех, с кем дружили в детстве, с кем сводила судьба, вспоминают близких, чьи пути давно затерялись.

Как-то бабушка сказала: «А вы знаете, что у этого стола есть своя необыкновенная история?» Знали ли мы? Для нас он был самым обыкновенным предметом мебели — накрытым летом цветной клеенкой, с букетом цветов посередине, зимой — спящим под снежным покрывалом. И я решила, что история самого простого деревянного стола обязательно должна быть описана, чтобы когда-нибудь мои дети, а потом и дети моих детей смогли узнать необыкновенную «биографию» этой вещи, эпизоды которой тесно сплелись с историей моей семьи.

РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ. СЕМЬЯ КИРИЛЕНКО

В поисках лучшей доли в середине XIX века семейство Кириленко переселилось с юга Российской империи (из Одесской или Николаевской губернии) в ставропольские края, потом перебралось в Калмыкию, в село Кегульту.

Семья Ивана Кириленко была по тем временам, наверное, самая обычная, деревенская, а по нынешним большая — отец,

мать, восемь детей. Старшим был Марк (мой будущий прапрадед). В 1914 году он встретил девушку Анну Ермолу, которая ему очень понравилась, да и ей он приглянулся. Поженились, родилась дочь, Настенька.

А тут, в 1916 году грянул брюшной тиф. Умерла Настенька, заболела Анна, в беспомощности пролежала несколько недель. Ей удалось выжить, но умерли от тифа родители Марка, остались сиротами шесть детей — от шестнадцати до двух лет: братья Марка Митрофан и глухонемой четырехлетний Стефан, сестры Тоня, Акулина, Алёна, самая младшая — двухлетняя Варя. Нужно было заботиться о детях. Марк и Анна взяли в свою семью всех сирот, воспитали в любви и трудолюбии. У них родилось еще семеро детей: Федосья (Фаина) в 1919 году, Пётр (1922), Таиса (1924) — моя прабабушка, Георгий (1926), Аня (1930).

К своему домику Марк пристроил еще комнату, которая называлась кухней: в ней готовили пищу и кормились, сделал огромный стол, за которым помещались и взрослые, и дети. Это было в самом начале 20-х годов XX века. В кухне стоял этот, занимавший почти всё ее пространство, стол, вокруг него — лавки, довольно широкие; в случае необходимости на них и ночевали. Весной накрытый клеенкой стол выносили во двор, и он стоял там под огромным кленом.

Постепенно жизнь наладилась: выросли братья и сестры Марка, женились, выходили замуж. Всем им семья давала на обзаведение живность: по паре волов, лошадей, коров, десяток овец, птицу, девушкам — приданое, мальчикам строили жилье. Подрастали и свои дети, старшие нянчили младших, Марк и Анна не разделяли детей: все они были родными, такими и остались на всю жизнь.

По вечерам вся семья собиралась за столом. Утром и в обед не получалось: в селе летом было очень много работы, рабочий день начинался в 4 часа утра: первой вставала Анна — доила и провожала коров, Марк и старшие мальчики запрягали лошадей или волов, наскоро завтракали и отправлялись в поле: пахали, сеяли, убирали, косили сено. Анна и девочки оставались на хозяйстве, дел было не меньше: пропалывать огород, ухаживать за птицей, вечером встречать овец и коров, доить, готовить обед и кормить семью, стирать и чинить одежду.

Стол стоял во дворе. Первым делом прапрабабушка варила огромную кастрюлю калмыцкого чая — джамбы — и стряпала что-

нибудь — пирожки, оладьи к завтраку, а в кухне-временке каждый день пекла хлеб, готовила обед. Жизнь без калмыцкого чая семья не представляла: он утоляет жажду в жару, греет в холод, лечит больных, с хлебом насыщает и укрепляет организм, успокаивает. В калмыцких степях это лекарь, чудодейственный напиток, средство от недомогания. Варится он из плиточного чая (продавались тогда огромные плитки черного чая весом около килограмма — бабушка говорит, что сейчас такого чая не встретишь) с молоком, солью, маслом (а полагалось — с бараньим жиром). Прапрабабушка и ее дети, даже после того как уехали из Кегульты, каждое утро варили чай, — признаваясь, что если не было калмыцкого чая, они чувствовали себя голодными и разбитыми весь день. Чайные плитки рассылались детям и внукам в Калининград, Мурманск, Тихвин.

После завтрака кастрюля с чаем оставалась на столе под кленом. В течение дня чаем утоляли жажду, угощали забежавших на минутку соседей, приходивших за советом к прапрабабушке родственников. Она принимала всех, была доброжелательна и гостеприимна; пиала чая ждала любого зашедшего — своего или чужого.

Представляю, сколько людей сидело за этим столом, сколько он мог бы рассказать историй, если бы мог говорить! Я могу рассказать только некоторые.

Братья и сестры Марка Ивановича разлетелись из его дома, создав свои семьи. Подрастали дети, Марк и Анна хотели видеть их образованными — учителями или медиками, — о других специальностях в глухой деревне и не слышали. В Кегульте была только начальная школа, в соседнем селе Кеке-Булуке — семилетка и при ней интернат. Из всей округи свезли несколько гелюнгских домов (простые калмыки жили в кибитках), в них помещались школа и интернат. В интернате и жили дети с 5-го класса. Приезжали на неделю, привозили продукты из дома. Запрягали лошадь, грузили продукты, которые в сшитых заботливой матерью сумках уже стояли на столе под кленом, прапрадед отвозил детей, а через неделю привозил домой. Стол на зиму вносили в кухню или на веранду, он использовался теперь для хранения продуктов.

Тая училась в средней школе поближе — в Цаган-Нуре (около 100 км). Находилось село среди бескрайних калмыцких степей, в самой, наверное, их середине. Там были озера. Вozил всех детей из Кегульты старый дед Адаменко. Ночевать пускали в любую кибитку, других построек в бескрайней степи не было. Вместе с детьми везли провизию: соленых гусей, сало. За учебный год один-два

раза приезжали домой. Жили в интернате — длинном глиняном помещении типа барака на 150–200 человек. Тая спала на одной кровати со своей подружкой и одноклассницей Дусей.

В конце 30-х годов, после окончания средней школы, Фаина, Пётр и Таиса стали работать в школе. А летом по-прежнему все приезжали на каникулы или в отпуск в родную деревню, собирались под кленом за большим столом. Приходили гости: родственники, друзья, односельчане. Жизнь в деревне шла своим чередом.

В 1941 году началась война. Страшное известие вызвало растерянность, недоумение. Но была и уверенность: наша страна самая лучшая, самая сильная, справится с врагом. В первые дни войны призвали старшего, Петра. В июле призвали мужа Фаины, и она перебралась к матери, ей нужно было уже вскоре рожать. В сентябре пришёл попрощаться брат прапрадеда Митрофан — ему принесли повестку. Посидели немного за столом, на который время от времени падали начинающие желтеть кленовые листья, в основном молчали. Митрофану не суждено было больше увидеть свою деревню, семью, от него не приходило писем. После войны его жена получила извещение, что ее муж пропал без вести. И только в 2015 году мы случайно нашли в интернете персональную карту военнопленного Митрофана Ивановича Кириленко и узнали, что он погиб в лагере для военнопленных Фюрстенберг-на-Одере 3 апреля 1943 г.

Уже не собирались за большим столом — некому стало, да и жизнь пошла совсем другая. В деревню прибывали беженцы, их разместили в школьном здании, некоторых — по квартирам. В семье Кириленко поселился молодой раненый лейтенант. Сестра моей прабабушки Анна вспоминает: «Я помню того лейтенантика, который жил у нас недели две перед оккупацией, за которого папу арестовывали немцы, а освободили калмыки. Он был татарин из Крыма. Он нам прислал позже записку из Черных земель. А как ему удалось вырваться из рук немцев, не знаю. Он написал, что мир не без добрых людей. Больше мы о нем ничего не знаем». Прабабушка же моя говорила, что он был необыкновенно красив, но на местных девушек внимания не обращал, часто приходил к Марку Ивановичу, сидел с ним и другими мужчинами на скамейке во дворе (стол уже убрали в сарай до лучших времён), в этом дворе его и арестовали немцы. А позже приехали и за прапрадедушкой.

Марка Ивановича арестовали немцы, как упомянула прабабушка Анна, и куда-то увезли, посадили в подвал. Охранниками

«Жить тихо, жертвенно и честно... И никому за ним не тесно»

были местные полицейя, они же выпустили прапрадедушку, узнав его. Нужно сказать, что у местного калмыцкого населения авторитет деда был очень велик.

Фронт стремительно приближался к Сталинграду. Кегульта была немного в стороне, немцев там не было. С приближением фронта (1942 г.) поступил приказ эвакуировать колхозный скот за Волгу и далее, в Среднюю Азию. Ответственным назначили Марка Ивановича.

Собрали колхозных овец и погнали. До Волги более 250 км. А на середине пути, в районе озера Цаган-Нур, путь им преградила банда. Отара стояла на одном месте, дороги вперёд не было. Повернули назад. Фронт был уже совсем близко, об эвакуации не могло быть и речи. Правление колхоза приняло решение: раздать овец по домам, пусть возьмут, кто сколько может, после войны всё вернут.

В Красной Армии Марк Иванович не был по брони. Но как за колхозным активистом за ним много раз приходили местные бандиты, полицейя. Он прятался в балках (вокруг Кегульта много балок, там сильно пересечённая местность). Прабабушка помнит, как ее мама ночами носила ему еду. Иногда наезжавшие немцы проводили общие сходы, назначали полицейяев из местного же населения, как они сами говорили, наводили порядок. В селе стояли регулярные румынские части. Их визиты всегда заканчивались поимкой или стрельбой кур, уток, овец, требованием молока и яиц. Но не это было самым страшным. Полицейя регулярно составляли списки для отправки в Германию молодых женщин и девушек. Чтобы не попасться на глаза своим же хуторским новым «начальникам» — старосте и полицейям, молодежь пряталась в балках, в укрытиях. В доме Марка Ивановича и Анны Ивановны жили дочери — 12-летняя Анна, Фаина с новорожденным сыном (прабабушка говорила, что ее всё время мазали сажей, чтобы румыны «не положили глаз») и 15-летний Георгий.

В Астрахани, где Тая училась в учительском институте, она чуть не умерла от голода, у родителей не было возможности передать посылку или отправить деньги, а вещей, чтобы продать — не было. Кое-как, почти чудом ей удалось добраться домой. С колхозными овцами Тая, как и другие девушки и парни пряталась на дне глубоких оврагов, где была трава и где можно было ухаживать за овцами, не опасаясь, что отправят в Германию.

Иногда проходили советские солдаты, отставшие от своих, пробиравшиеся к фронту. От них узнавали об основных военных событиях, последних боях за Сталинград.

В 1943 году начало налаживаться хозяйство, заработали официальные органы. Колхозных овец, конечно же, вернули не всех: часть съели, многим не удалось перезимовать. И Марк Иванович «за растрату колхозного имущества» приговором судебной коллегии по уголовным делам Астраханского областного суда от 28.06.1946 г. был осужден по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях с конфискацией лично ему принадлежащего имущества. Срок наказания исчислялся с 13.12.1944 г.

А жизнь шла своим чередом. От Петра, призванного на фронт в июне 1941 года, не было никаких известий. Георгий после войны служил в разных местах — в Калининградской, Мурманской, Ленинградской областях. Тая работала в школе учителем математики. Анна Ивановна всегда ждала Георгия в отпуск. И сразу же задавала вопрос о Пете. Из ЦАМО приходили ответы на многочисленные запросы Георгия, из которых следовало, что о военной судьбе Петра ничего не известно: «... лейтенант Кириленко Пётр Маркович, 1922 г. рождения, уроженец Калмыцкой АССР, Приозёрного района, с. Кегульта, место призыва не указано, командир взвода подвижных средств связи 605 отдельного батальона связи, пропал без вести в 1942 г.».

Казалось, приезда Георгия ждали все родственники: за столом, как и раньше, собиралось много гостей: пообщаться с молодым офицером, узнать новости (в деревне, конечно, было радио, но живому человеку веришь больше), днем Аня делала уроки за столом, приходили ее одноклассники, обсуждались школьные новости. Училась она очень хорошо, мечтала стать врачом. Вечером прибегала с танцев Тая с друзьями, пили знаменитый чай, делились деревенскими новостями. А стол, наверное, прислушивался ко всему и дремал под неумолкаемые разговоры. Не было только хозяина, он вернулся в 1949 году.

Гораздо позже, в 1992 году, когда прошло уже много лет после его смерти, семья получила справку о реабилитации Марка Ивановича Кириленко, в которой было указано: «На основании ст. 3 п. “а”, ст. 5 п. “а” Закона Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18.10.1991 г. Кириленко Марк Иванович р е а б и л и т и р о в а н . Прокурор Республики Калмыкия — государственный советник юстиции 3 класса В. Б. Шипиев» (Справка о реабилитации была выдана прокурором Республики Калмыкия 15.04.1992). Получается, что приговор вынесла судеб-

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА

Калмыцкой ССР

15 04.92 №

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Кириленко Марк Иванович, 1894 г. рождения, уроженец с.Дербетовка Ставропольского края, русский, грамотный, до ареста (14.06.1945г.) - проживал в с.Садовое Степновского района Астраханской области, работал в качестве директора Котельниковск перевалочной базы "заготовивсырье", приговором судебной коллегии по уголовным делам Астраханского областного суда от 28.06.1946г. был осужден по ст.58-10 ч.2 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях.

Срок наказания исчисляется с 13.12.1944 г.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 20.08.1946 г. приговор суда был оставлен в законной силе.

На основании ст.3 п."а", ст.5 п."а" Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18.10.1991 г. Кириленко Марк Иванович р е а б и л и т и р о в а н.

Прокурор Республики Калмыкия-
Халмыг Тангч
государственный советник
республики 3 класса

В.Б.Шипилов

Справка о реабилитации М. И. Кириленко

Старый стол

М. С. Скрынников
(слева),
1946

ная коллегия по уголовным делам, она же осудила его по «политической» статье 58-10 УК РСФСР: и реабилитирован он как жертва политических репрессий. Таким образом, потеря колхозных овец, которые, возможно, помогли выжить не одной семье и которые не пошли на корм неприятелю, приравнивалась к контрреволюционному преступлению.

И еще один факт у всех, знакомых с историей дела М. И. Кириленко, вызывает изумление и негодование. «Заключением прокурора Республики Калмыкия, на основании ч. 2. ст. 2 Закона Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 года гражданка Смольякова (Кириленко) Анна Марковна признаётся пострадавшей от политических репрессий» (Справка о признании пострадавшей от политических репрессий № 13/75 выдана прокуратурой Республики Калмыкия 07.02.1995). Поскольку реабилитированным лицам или их наследникам возвращается конфискованное имущество, прабабушка Анна обратилась с соответствующим заявлением в Министерство финансов Республики Калмыкия. Министерство приняло решение, «рассмотрев заявление гражданки Смольяковой Анны Марковны об изъятии у ее отца 12320 рублей репрессированного по ст. 58 ч. 2 УК РСФСР сданный 25 марта 1944 года в Кетченеровское отделение Госбанка сообщает, что в соответствии с п. 11 Положения конфискованные денежные суммы подлежат возврату реабилитированным лицам и их наследникам согласно проведенных реформ 1947 года, и с учётом изменения масштабов цен на 1 января 1961 года.

Таким образом, с учетом проведенных реформ сданная сумма будет составлять 123 рубля 20 коп., соотношение которых составляет 1:10 соответственно реформ 1947 и 1961 гг.» (письмо Министерства финансов Республики Калмыкия № 02–26/587 от 11 июля 1995 г.).

Получив это заключение Министерства финансов Республики Калмыкия, комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий Кетченеровского района Республики Калмыкия выразила крайнее изумление: «Сумма к выплате в 123 руб. 20 копеек выглядит издевательством над человеком, однако мы не имеем права не выполнить заключение Минфина» и принесла извинения за наши абсурдные законы. Таким вот унижительным финалом закончилась переписка дочери моего реабилитированного прапрадеда с официальными лицами.

А еще нужно сказать, что мечта Анны Марковны — стать врачом — оказалась под угрозой. В 1947 году она закончила на «отлично» девятый класс, перешла в выпускной. Но дочери репрессированного дорога в вуз была закрыта. Чтобы скрыть свое семейное положение, она уехала на Кавказ к дальним родственникам, сначала одним, а через несколько месяцев перебралась к другим. Без проблем поступила в медицинский вуз, с отличием закончила его. Но всё время боялась разоблачений и только поэтому уехала по распределению в самую далекую точку страны, которая была предложена, — на Дальний Восток. Проработала там до осени 1956 года, до смерти отца и до того дня, когда ее помощь и поддержка понадобились матери.

В 1946 г. на свадьбе друзей Тая познакомилась с Мишей Скрынниковым, через три дня он предложил ей стать его женой. 21 августа 1946 г. родственники пришли поздравить молодую семью. За стол все не поместились, пришлось поставить дополнительный. Главным украшением стола были пирожки — с яблоками, картошкой, морковью, луком, свеклой, — всем, что было на огороде.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. СЕМЬЯ СКРЫННИКОВЫХ

Мой прадед, Михаил Сергеевич Скрынников, родился в 1921 г. Сразу после окончания средней школы в селе Заветном Ростовской области в 1941 г. был призван в ряды Красной Армии. Прошёл всю войну в звании сержанта. Войну закончил в Кёнигсберге. Демобилизовавшись в 1946 г., пришёл работать в школу, поступил на заочное отделение физико-математического факультета Ставропольского педагогического института, а закончил исторический. После свадьбы Тая, моя прабабушка, переехала к мужу, в село Торговое Ростовской области. Началась их совместная учительская жизнь, очень беспокойная, потому что на одном месте долго не приходилось работать — учителей в те годы сильно не хватало, а два учителя в семье — это уже половина учительского коллектива деревенской семилетней школы.

У них уже было трое детей, старшая дочь Светлана — моя бабушка. Детские сады в деревне того времени были редкостью, а матерям нужно было работать. Поэтому детишки подолгу жили у бабушек и дедушек. Вот так до самой школы дети жили в Кегульте. Вместе с ними жили Валерик и Люда, дети другой бабушкиной дочери — Фаины, а Фаина работала учителем в калмыцком поселке

Шатта. И за старым столом собирался теперь настоящий детский сад — дети от 2 до 7 лет, уже третье поколение семьи Кириленко. Моя бабушка вспоминает: «Росли мы, как все дети. Только родителям было не до нас, они работали. Может быть, и к лучшему: нас везде брали с собой, мы помогали бабушке и дедушке во всех делах, незаметно приучались к деревенскому труду. Я никогда не видела бабушку раздраженной, а дедушка нас всех любил и баловал».

В 1954 году Света и Люда пошли в школу. В Фомине открылась детская площадка, и родители забрали детей к себе. Прадед к тому времени уже окончил Ставропольский педагогический институт, стал директором Фоминовской семилетней (с 1962 года — восьмилетней) школы. Получили жилье в очень старом, но довольно просторном, по тем меркам, доме с большим подвалом. В один из приездов моих прадеда и прабабушки в Кегульгу прапрабабушка (прапрадед Марк умер в 1956 году) предложила дочери забрать стол себе: «У меня семья стала небольшая. А у вас дети — возьмите стол, вам он нужнее». Так стол «переехал» на новое место жительства — в Ростовскую область, в семью Скрынниковых.

Теперь у него появилось другое назначение. Определили для него место в подвале, на него ставили разные банки с вареньями и соленьями на зиму. Варенье варили вишневое, о других в деревне и не слышали. Сейчас такого варенья не варят: после долго-долго-долгого уваривания его остужали, накладывали в стеклянные банки, закрывали пергаментной бумагой, использованной металлической крышкой от стеклянной банки (для твердости крышки, чтобы не продавить!), потом тряпочкой, обвязывали и выносили в погреб. Если учесть, что варили его на керогазе или примусе (газа в деревнях того времени не было) в большом, непременно медном тазу, то становится ясно, что это — целый ритуал. Но и варенье получалось очень душистое, густое, вкуснейшее. Таким образом, на столе появлялись несколько банок с вишнёвым вареньем. Огурцы и помидоры солили в больших бочонках, которые стояли рядом со столом. А осенью к банкам с вареньем добавлялись 10-литровые банки (их почему-то называли бутылками) с мочёным тёрном — вкуснейшим лакомством, которое любила вся семья. За речкой, которая летом пересыхала, были труднопроходимые заросли терновника, и в конце октября, когда он поспевал и после первых, еще слабеньких заморозков, вся семья выходила на сбор его ягод. Это было не очень увлекательное занятие: самые вкусные ягоды — мелкие, да еще ветки колются. Организовывал сбор ягод прадед,

он же руководил процессом мочения тёрна — не доверял никому это дело. Учительские семьи никогда не были особенно богатыми, и забота о пропитании семьи всегда была актуальной. А стол — хранитель продуктов — добросовестно выполнял свои обязанности до 1999 года. Моя мама подтвердила это. Еще до школы, а потом на летних каникулах она жила в Фомине у своих бабушки и дедушки. В самых ранних воспоминаниях подвал был таинственным подземельем, в котором непременно хотелось играть, исследовать его таинственные углы — тут было несколько смежных помещений. Стол был живым монстром — с горбом банок, отливающих мутным блеском, если направить туда фонарный луч. Стол сначала был выше мамы, потом она уже стала вровень со столом и могла даже принести что-нибудь по поручению старших. Потом стол становился все ниже и терял свою таинственность.

Дети Михаила и Таисы выросли, получили специальности, стали работать, создали свои семьи и разъехались из Фомина кто куда. Михаил Сергеевич умер в 1989 году, прабабушка Тая осталась жить одна. Жить в деревне одной трудно: нужно носить воду с улицы, уголь, дрова, да и ветхий домик потихоньку разрушался. Было решено, что прабабушка переедет жить к старшей дочери Светлане в Волгоградскую область. Осенью 1999 года за ней приехал мой дедушка. Погрузили на грузовик прабабушкино нехитрое имущество, прощаясь, обошли дом. В подвале дедушка увидел стол, и ему почему-то не захотелось оставлять его в пустом доме. Места в КАМАЗе было еще много, и стол решено было взять с собой. Так стол опять поменял место жительства, переехал уже в Волгоградскую область. И поселился в семье Простоквашиных.

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ. СЕМЬЯ ПРОСТОКВАШИНЫХ

После почти сорокалетнего пребывания в подвале стол постарел: подгнили ножки и часть столешницы. Дедушка рассказал: «Мне пришлось его немного подреставрировать: удалить испортившуюся часть, укоротив столешницу, укрепить ножки, покрасить». Стол было решено поставить в беседке, где летом собирается много гостей, устраиваются чаепития, отмечаются семейные праздники. Так стол вернулся, если можно так сказать, к своему первоначальному предназначению. Мой дедушка из многодетной семьи: у его родителей было семеро детей. Множество родственников часто приезжали, приходили к нам — за столом в беседке

«Жить тихо, жертвенно и честно... И никому за ним не тесно»

обсуждались и решались главные семейные дела, там же женщины делились кулинарными рецептами, готовили продукты к зиме. Я помню, здесь отмечались главные семейные юбилеи, дни рождения, свадьбы. Каждый год приезжают дедушкины родственники с Севера, из Тамбова, друзья из Тюменской области, бабушкины — из Ростовской области. Гостям в нашем доме всегда рады. К бабушке заглядывают ее бывшие ученики, посидят, поговорят о своих делах. Но самые частые гости — внуки. Их у бабушки и дедушки уже шесть, есть даже правнучка.

Хотя мы не считаем себя гостями — мы с сестрой выросли здесь, в Перекопке, это наш дом. И с этим столом у нас есть свои секреты. Пока не готов обед, пока не наступило время ужина, есть несколько заветных часов — можно посидеть в беседке и пораскрашивать журналы, посмотреть на дорогу, чтобы перехватить почтальона — а вдруг письмо? — и тогда мы все тут, за столом, соберемся и прочитаем его; можно вынести игрушечную швейную машину и в конце концов можно поработать. А у сестры это любимое место для письма — здесь она писала свои первые стихи (мы их тут и слушали), здесь она придумывала хитроумные карты для поиска сокровищ (спрячет игрушку в саду, а потом рисует карту, чтобы я нашла). Здесь мы все вместе ждали возвращения мамы — она работала и училась в аспирантуре в Волгограде, а каждую пятницу приезжала к нам.

10 августа 2016 года дедушкина сестра бабушка Люба, которая живёт в Воронежской области, собрала детей и внуков и повезла в Волгоград показать достопримечательности города. На обратной дороге заехали к нам. Мы сидели за столом в беседке, пили чай, ели фрукты, общались, бегали по саду, катались на качелях. За столом собрались три поколения нашей семьи. Я думаю, что это не последняя наша встреча, и всё еще впереди. А стол будет нас ждать — у него еще много работы.

Судьба прадеда: Семейное расследование

Юлия Холодковская

Детско-юношеский центр Волгограда, гимназия № 3,
г. Волгоград

научные руководители Светлана Викторовна
Воротилова, Анжела Геннадьевна Иванисенко

За каждым именем — судьба...

А. Басиев

Интересоваться семейной историей я начала два года назад. Особенно привлекала меня судьба прадеда, Петра Степановича Холодковского (1896–1959).

Из рассказов родственников и некоторых документов было известно следующее: мальчик из крестьян, усыновленный неким «паном Холодковским», который передал ему свою фамилию, а сам покинул Россию. Петр Степанович остался на родине, стал капитаном парохода «А. С. Грибоедов» Нижневолжского пароходства. Во время Сталинградской битвы прадед переправлял сталинградцев на левый берег Волги, был награжден медалями «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны продолжил службу на речном флоте (порт приписки — затон Молотов), с 1954 по 1959 год занимал должность начальника речного вокзала Сталинграда. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1954 года награжден Орденом Ленина № 282325.

Прадед был женат дважды, в первом браке родилась дочь Нонна, во втором — сын Валерий (1939 г. р.), мой будущий дедушка, и дочь Ираида (1941 г. р.).

Достоинная биография советского человека, но во всем этом больше всего не давала покоя неясная легенда о его происхождении — она и заставила меня продолжить поиски в архивах.

То, что я смогла собрать на первом этапе своих поисков, подсказывало, что дальнейшие находки возможны в ряде архивов: в государственных архивах Волгоградской (по последнему месту жизни и работы), Нижегородской (по порту приписки парохода «А. С. Грибоедов» в затоне Молотов), Астраханской областей (по месту проживания родителей второй жены), в РГАСПИ (прадед

был партийным), в архиве судоходной компании «Волжское пароходство» и в музее «Волжского пароходства» (по порту приписки парохода «А. С. Грибоедов»). Во все эти организации были сделаны запросы.

Первым откликнулся архив судоходной компании «Волжское пароходство». Сотрудники архива сообщили, что у них хранится личное дело П. С. Холодковского на 48 листах. Для знакомства с ним потребовалась поездка в Нижний Новгород. Мы сделали фотокопии со всех листов личного дела. Изучение материалов этого дела (среди них мы нашли и автобиографию 1954 года, и личный листок по учету кадров, и служебные характеристики, и другие документы) кардинально изменило наше представление о происхождении Холодковских и судьбе самого Петра Степановича. Она предстала перед нами в гораздо более драматичном свете. Материалы личного дела открыли нам и новые возможности поиска, в том числе и в Волгограде, и в Астрахани, и в Нижнем Новгороде.

Чуть позже мы получили документы и из Государственного казенного учреждения «Государственный общественно-политический архив Нижегородской области». В нашем распоряжении оказались статистические карточки в члены ВКП(б) за 1944 и 1945 годы, постановление суда.

Документы РГАСПИ (регистрационные бланки члена партии от 1945 и 1954 гг. и отчетные карточки на партбилеты 1945 и 1954 гг.) позволили уточнить некоторые факты личной, военной и профессиональной биографии прадеда, предпринять поиск в Музее-заповеднике «Сталинградская битва» и его филиале — Мемориально-историческом музее, посвященном военной истории края начала XX века.

КОРНИ. ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Изначально наши знания о прошлом рода Холодковских основывались на легенде, рассказанной бабушкой, Зинаидой Федоровной. Она говорила, что Петр Степанович Холодковский, родившийся в 1896 году, и его младшая сестра Елизавета были усыновлены неким паном Холодковским, а когда Петру было около 10–12 лет, он отдал детей в один из Московских приютов, а сам вернулся на родину в Польшу.

Бабушка упоминала, что у Елизаветы Степановны хранился документ, в котором содержались сведения о происхождении Ели-

заветы и ее брата. Я попросила бабушку описать его. Она сказала буквально следующее: «Это была обыкновенная бумага размером с половину тетрадного листка. Вид был достаточно поношенный. Текст написан ручкой каллиграфическим почерком, твердые знаки [признаки старой орфографии] отсутствовали. Можно сказать, что документ неофициальный, будто выписка откуда-то. На листке указано, что семья проживала на территории Саратовской губернии». Также было написано, что это дети крестьянки (фамилия была указана, но бабушка ее не помнит). По некоей причине им дали фамилию пана. «Было такое впечатление, — уточняла бабушка, — что он отказался от чужих детей». Рассказы бабушки не столько прояснили, сколько запутали наши представления.

Моя мама застала Елизавету Холодковскую в живых. Она запомнила ее маленькой, очень тихой и всегда читающей бабушкой. Где-то в дальних и смутных ее воспоминаниях остался разговор о том, что Холодковский усыновил своих *собственных* детей, которые родились от «его увлечения молодой крестьянкой».

Настоящим откровением для нас стали автобиографии Петра Холодковского 1950 и 1954 годов из личного дела в архиве судоходной компании «Волжское пароходство». Из автобиографий мы узнали: Петр «родился в 1896 году мая 2 дня в г. Царицыне в семье рабочего по фамилии Агафонов Степан Данилович происхождением из крестьян Саратовской губернии, который работал пекарем-кузнецом. С малых лет был воспитанником Владимира Илларионовича Холодковского, который впоследствии усыновил меня в дети».

Мы были удивлены, что о матери в автобиографии ничего не сказано, как и не сказано о том, почему он был усыновлен. Только в личных листках по учету кадров (их два в деле) о родителях указано кратко, без даты: «умерли».

Ничего в автобиографии не упомянул Петр Степанович и о сестре Елизавете, которая, по семейным сведениям, тоже была удочерена Холодковским и всю жизнь прожила в семье Петра, нигде не работала, замуж не выходила. Только в личном листке в перечне состава семьи он написал о ней: «сестра-старушка». Как мы выяснили, на самом деле Елизавета была старше Петра, она родилась в 1893 году. Эта дата стоит и на могильном памятнике (она умерла в 1978 г.).

Позднее в регистрационных бланках члена ВКП(б) от 1945 г. и члена КПСС от 1954 г., которые мы получили из РГАСПИ, мы прочли, что мать (имя там тоже не указано) умерла в 1899 году,

а отец — в 1900-м. Маленькому Петру было всего лишь 3 года, когда он лишился матери, и 4 года, когда не стало отца. Скорее всего, именно это и является причиной, по которой Петр практически ничего не упоминал о настоящих родителях в своих биографиях.

Чуть больше написано об «отце-воспитателе» Владимире Илларионовиче Холодковском. Петр сообщил, что тот был сторожем в конторе царицынского нефтепромышленного общества «Мазут».

Владимир Илларионович позаботился об образовании Петра. В автобиографии он написал: «с 8 лет начал учиться в приходском училище и окончил Царицынское городское училище». Об этом же свидетельствует запись в Статистической карточке кандидата в члены ВКП(б) № 6784815 от 11.08.1944 г., предоставленной Государственным Общественно-политическим архивом Нижегородской области. В ней указано, что обучение в городском училище Петр окончил в 1911 году.

Трудовая деятельность Петра началась в 1912 году, «после смерти отца-воспитателя», в конторе общества «Мазут» рассыльным и на пароходе общества «Мазут». Чуть более подробная информация зафиксирована в личном листке по учету кадров в разделе «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности». Там уточняется, что в 1912 году он был рассыльным, а в 1913–1914 годах — штурвальным на пароходе «Юлий Арон».

Информация, извлеченная из документов личного дела, побудила нас выяснить некоторые вопросы по истории края.

Об истории общества «Мазут» имеется информация на сайте «Наш Баку. История Баку и бакинцев»: «В 1893 г. на Волге появилось пароходное общество “Мазут”, созданное банкиром Ротшильдом. Это общество имело обновленный флот и явилось серьезным конкурентом в нефтеперевозках фирме “Братья Нобель”. К началу XX в. Общество содержало собственные оптовые конторы, буксирное пароходство на Волге, вагоны-цистерны для перевозки продукции, ремонтные мастерские. В 1903 г. основной капитал составлял 6 млн руб. (24 тыс. именных акций по 250 руб.), чистая прибыль — 531 300 руб., дивиденд — 6%»¹. Можно сделать вывод, что общество «Мазут» было достаточно серьезной компанией, занимавшей высокие позиции в экономике страны начала XX века. В Царицыне существовало агентство общества «Мазут», его контора находилась на одной из самых пре-

¹ Нефтепромышленное и торговое общество «Мазут». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ourbaku.com/index.php>

стижных улиц города — Александровской. Это мы узнали из Адрес-календаря за 1902 год. Контора располагалась «в доме Вермапа»².

ЮНОСТЬ

До знакомства с личным делом П. С. Холодковского из архива «Волжского пароходства» мы могли лишь строить догадки относительно юных лет прадеда. Исходя из даты его рождения, мы предполагали, что он мог быть участником Первой мировой войны и гражданской войны, а также, что он мог получить образование в Нижегородском речном училище.

В автобиографиях и личных листках по учету кадров нашлись очень интересные сведения, которые лишь в небольшой части совпали с нашими предположениями.

В автобиографиях мы прочли, что Петр Степанович в 1915 году был «призван в армию в тыловых частях в г. Кузнецк и г. Петроград с периодическим освобождением по болезни». Регистрационные бланки члена партии из РГАСПИ давали уточнение: в Кузнецке он служил с августа 1915 по февраль 1916 года рядовым в пехотном батальоне, а в Петрограде — с февраля по декабрь 1916 года рядовым в 1-м самокатном батальоне (велосипедные подразделения). Самокатчики решали разведывательные задачи, действовали в авангарде, принимали участие в атаках ночью. Основным тактическим свойством велосипедных батальонов была подвижность, а боевым качеством — стойкость. В подразделениях использовали велосипеды Peugeot. «Примерно с 1915 года в Русской армии стал широко применяться складной велосипед системы капитана Жерара»³.

Слова о «периодическом освобождении по болезни» находят свое отражение в разделе о трудовой деятельности: в октябреноябре 1916 года он работал экспедитором Нефтеиндиката⁴, а в декабре возобновил военную службу. Согласно регистрационным листам члена партии, с декабря 1916 по декабрь 1918 года он служил писарем в Управлении воинского начальника. В личном

² ГАВО. № 16824. Весь Царицын на 1902 год: Адрес-календарь, торгово-промышленная и справочная книга. С. 262; ГАВО. № 16825. Весь Царицын на 1911 год: Справочник. С. 105.

³ Олейников А. Самокатные части русской армии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mywebs.su/blog/history/32420>

⁴ Нефтеиндикатом в Царицыне после национализации начали называть Нобелевский городок.

листке в разделе «Военная служба в старой армии» Петр по необходимости указал «последний высший чин» — «ст. ун. офицер».

Далее в автобиографии 1950 года он указывает, что ушел из армии совсем в 1918-м, в автобиографии 1954 года дополняет: «был освобожден из РККА как водник».

Эту информацию подтверждают данные личного листка по учету кадров, согласно которым Петр Степанович находился на флоте: «IV-1918–X-1919 3 п/капитана п/х “Москвич”» (г. Царицын).

В музее-заповеднике «Сталинградская битва» мы познакомились с записками работника речного флота Царицына/Сталинграда И. Ф. Седова «Мои воспоминания о первых днях Февральской и Октябрьской революций 1917 г.»⁵. В них говорится, что речники приняли активное участие в борьбе с красновцами. Автор описал события ночи с 4 на 5 января 1919 года, когда на сборном пункте Царицына собрался отряд из 350 речников, на основе которого был создан 1-й особый советский полк под началом некоего Блинова. Полк принял участие в разгроме красновцев. В этой кампании мог принимать участие мой прадед, так как, судя по цитированной выше записи в документах, именно в эти месяцы он был третьим помощником капитана на пароходе «Москвич» в г. Царицыне.

Петр сообщает в автобиографиях, что вернулся в армию во время обороны Красного Царицына: «в конце 1919 года добровольно ушел в Красную Армию по защите г. Царицына, где пробыл до весны 1921 года». Из личного листка по учету кадров мы узнали, что в это время П. С. Холодковский воевал в 1-м ударном пулеметном батальоне в качестве стрелка. В регистрационном листке члена партии эта информация была еще уточнена: воевать П. С. Холодковскому довелось с декабря 1919 по март 1921-го рядовым на Южном фронте в составе 1-го сводного полка 1-го ударного пулеметного батальона. Согласно личному листку по учету кадров, последняя высшая должность, которую он занимал, — «старшина рулевых».

Судя по времени пребывания в 10 Красной Армии, прадед должен был участвовать в общем наступлении войск Юго-Восточного фронта, которое началось с ноября 1919 года и завершилось взятием Царицына 3 января 1920 года. Возможно, далее П. С. Холодковский мог участвовать в Северо-Кавказской операции с января по апрель 1920 года.

⁵ МЗСБ. НВФ. 1598 (1–3). П. 62. Воспоминания И. Ф. Седова, работника водного транспорта. 1957.

В АСТРАХАНИ

После мобилизации из армии Петр продолжил свою трудовую деятельность на судах речного транспорта. Согласно личному листку по учету кадров, в 1921–1922 году он занимал должность 3-го помощника капитана на пароходе «Бухара», порт приписки которого находился в Астрахани. В регистрационном бланке члена ВКП(б) дата указана точнее: март 1921 — май 1922 года.

Пароход «Бухара» был построен в 1897 году акционерным обществом «Сормово» (Нижний Новгород), а в 1936 году переименован в «Клим Ворошилов».

Согласно регистрационному бланку члена ВКП(б), с мая 1922 по сентябрь 1923 года Петр Степанович работал в должности контролера в Управлении Волжского государственного речного пароходства в Нижнем Новгороде. Однако в личном листке указано, что в 1923 году он был запасным контролером ВОС на участке Саратов-Астрахань⁶.

Далее прадед возвратился к работе на судах Волжского пароходства. Он плавал на пароходах «Жан-Жорес», «Заря Коммуны» (1905 года постройки⁷), «Красный часовой» в должности 2-го помощника капитана с ноября 1923 по ноябрь 1925 годов.

Последующие два года Петр Степанович работал счетоводом на судоремонтном заводе им. 25-го Октября, а в 1927 году снова вернулся на судно. Вплоть до 1929 года он плавал на пароходах «Никитин», «Камчатка», «Волны революции».

В 1929 году начинается новый этап в жизни Петра Степановича — он начал обучаться в Астраханском речном техникуме на судоводительском отделении. Тогда это учебное заведение называлось Астраханский Политехникум Водного Транспорта — именно так, с заглавными буквами, поименовано свидетельство о его окончании, которые мы нашли в личном деле компании «Волжское пароходство». Свидетельство выдано 9 мая 1933 года. Протокол особой квалификационной комиссии от 27/III-33 г. сообщает, что Петр Степанович получил «квалификацию на звание Штурмана первого разряда».

Во время обучения в политехникуме Петр Степанович работал, по одним документам, с 1930 по 1932 год в должности начальника

⁶ Аббревиатуру ВОС нам расшифровать не удалось.

⁷ Водный транспорт: Заря Коммуны. [Электронный ресурс]. URL: <http://fleetphoto.ru/ship/62819>

Анна Тишечкина (справа)
с сестрой Марией.
Астрахань, 1916

Анна Тишечкина.
Астрахань, 1925

Анна (справа)
и Мария Тишечкины,
1926

Фотография
П. С. Холодковского
с обложки свидетельства
об окончании
Астраханского
политехникума,
конец 1920-х —
начало 1930-х

Семья Холодковских на борту теплохода «Грибоедов». Слева направо: Нонна, Пётр Степанович, племянница Анны Александровны Света, Ираида, Елизавета, Валера, примерно 1946

Семья Холодковских на борту теплохода «Грибоедов», примерно 1946

За нашу Советскую Родину

СС СР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

Капитан из "Свободов"

Холодковский Петр Степанович

Указом ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

★
От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Сталинграда»
вручена *7* *Сентября* 1946 г.

Начальник Президиума Воеин и
Валентина Мален. Боровича
Медалью *Г. Гуревича*

(должность, военное звание и подпись лица, вручившего медаль)

Удостоверение о награждении П. С. Холодковского медалью «За оборону Сталинграда»

хозрасчетного сектора и техника по судоремонту, а по другим — с 1929 по 1933 год — начальником по хозрасчету и нормированию «в 3-д им. Урицкого». С 1929 по 1935 год этот завод еще имел статус мастерских по судоремонту им. Урицкого, это мы выяснили, работая с описями Государственного архива Астраханской области⁸.

К этому времени относится характеристика за 1936 год, в которой о Петре Степановиче написано следующее: «проявил себя активным сознательным работником водного транспорта, знающим свое дело. В период зимнего судоремонта тов. Холодковский боролся за качество ремонта, не считаясь с трудностями и временем. Проявил большую работу о культурном обслуживании пассажиров и заботу о них».

До 1938 года П. С. Холодковский проживал в Астрахани. Видимо, здесь он познакомился и женился впервые. В первом браке родилась дочь Нонна. К сожалению, ни имени, ни фамилии первой жены мы не знаем. В своих официальных документах Петр Степанович упоминал только дочь.

Здесь же, в Астрахани, Холодковский познакомился со своей второй женой — Анной Александровной Тишечкиной.

Анна Александровна родилась в 1903 году в Московской губернии. По рассказам мамы, причиной переезда Тишечкиных в Астрахань был разразившийся в стране голод. Астрахань славилась изобилием рыбы, овощей и фруктов. В адрес-календарях Астрахани мы нашли фамилию Тишечкиных, возможно, в городе уже жили их родственники. Предполагаем, что переезд состоялся во время Первой мировой войны.

У бабушки сохранились альбомы Анны. В них мы нашли ряд фотографий, которые помогли нам установить многие биографические факты, связанные с ее семьей.

Самая ранняя из известных фотографий Анны относится к 1916 году. На ней она запечатлена со своей младшей сестрой Марией. Фото студийное, справа виден край изящной скамейки. Девочки в темных скромных платьях, в хорошо начищенных туфельках на небольших каблучках. Обе выглядят очень сосредоточенными и серьезными.

Еще одна студийная фотография Анны, предположительно 1917 года, — с младшим братом примерно в 3-летнем возрасте.

⁸ ГАО. Ф.-Р. 2118. Оп. 2. Д. 182. Судоремонтный завод им. Урицкого Волжского грузопассажирского речного пароходства Министерства морского и речного флота СССР г. Астрахань.

Сохранилось еще две интересные фотографии: портрет и фотография с сестрой Марией. Обе одеты в стильные вышитые платья, обуты в модельные туфельки на каблучках. У обеих красиво и модно уложены постриженные волосы.

В СТАЛИНГРАДЕ

Дети Петра Холодковского и Анны Тишечкиной родились в Сталинграде: 23 декабря 1939 года — сын Валерий, мой будущий дед по материнской линии, а в марте 1941 года — дочь Ираида. В нашем семейном архиве хранятся их детские фотографии, сделанные в Сталинграде.

Когда началась Великая Отечественная война, Петр Степанович был капитаном парохода «А. С. Грибоедов», и в этом качестве служил все военные годы.

Во время войны Волга играла важную роль в решении двух основных задач — доставки нефтепродуктов с юга фронтам и промышленности, а также эвакуации мирного населения⁹.

Так как прадед участвовал в осуществлении переправ через Волгу, мы стали искать сведения об этом в исторической литературе.

30 августа 1942 года было издано постановление «Об организации перевозок через Волгу в Сталинград», по которому были организованы переправы: № 1 (Красный Октябрь), ответственность за работу несли 62-я армия, № 2 (Красная Слобода) — ВВФ, № 3 (Бекетовка) — 64-я армия, № 4 (Сарепта) — 57-я армия, № 5 (Кульмбаза) — ВВФ¹⁰. Наряду с указанными пятью основными переправами действовали и переправы, организованные командованиями армий и местным флотом, которые занимались перевозками войск и воинских грузов, населения и народнохозяйственных грузов. Волжский флот в полной мере обслуживал переправы в черте города, связь с левым берегом, обеспечивал подвоз с флангов подкреплений, боепитания, горючего для армии, эвакуацию раненых и гражданского населения, выполнял перевозки, связанные со средоточием армейских группировок. Эта была очень опасная работа — авторы книги «В огне сталинградских переправ» приводят огромное число погибших на Волге судов.

⁹ Плехов И. М., Хватов С. П., Захаров Г. И. В огне сталинградских переправ. Волгоград: Издатель, 2001.

¹⁰ Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: Энциклопедия. Волгоград: Издатель, 2007. С. 371.

За период Сталинградской битвы из 792 судов пароходства 205 погибло. Тем не менее, речными судами было вывезено более 543 тыс. человек¹¹.

В чем заключалась деятельность Петра Степановича Холодковского, нам удалось узнать благодаря знакомству с текстом его заявления Е. С. Селезневу, начальнику Волжского грузопассажирского пароходства от 1953 года: «На п/х “А. С. Грибоедов” с момента моего назначения капитаном я проработал всю Отечественную войну благополучно, выполняя отдельные боевые задания начальников передвижения войск: г. Молотов, Горький, Щербанов, Казань и др. городов по перевозке боеприпасов, вывода барж, пассажирским пароходом, с продовольствием, с нефтепродуктами по отдельному заданию Министерства РФ, с солью из Владимировки и в основном перевозке раненых воинов из-под Сталинграда. Вся работа протекала в самых сложнейших и тяжелых условиях в то время плавания».

После освобождения города П. С. Холодковский был награжден медалью «За оборону Сталинграда». Награда была присуждена указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года № 09244 и вручена 4 сентября 1946 года.

Во время войны Анна Александровна и дети жили на левом берегу Волги. Моему деду на момент начала войны было всего два года, а его сестре — три месяца, поэтому собственных воспоминаний о жизни в эвакуации они не сохранили.

В ГОРЬКОМ

В послевоенные годы Петр Степанович продолжал служить капитаном на пароходе «А. С. Грибоедов», а жили они в городе Горьком (до 1932 года — Нижний Новгород). Валерий обучался в школе № 60.

Еще в конце войны Петр Степанович вступил в коммунистическую партию. Вероятно, раньше он не видел в этом необходимости, но война повлияла на его решение. Регистрационные бланки, хранящиеся в РГАСПИ, и статистические карточки из Нижегородского социально-политического архива сообщают, что кандидатом в члены партии Петр стал в январе 1944 года в Борском райкоме

¹¹ Гоманенко О. А. Водная коммуникация в транспортной системе Сталинграда накануне и в период Великой отечественной войны // История Сталинграда и области в 1937–1953 гг.: Материалы к факультативному курсу. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. С. 77.

Горьковской области и в феврале следующего года был принят в партию в Куйбышевском райкоме г. Горького.

Конец 40-х и 50-е годы оказались в жизни семьи неожиданно драматичными. Это было связано с авариями на пароходе «А. С. Грибоедов». О них в семье старались не вспоминать, поэтому мы с мамой узнали о них только из личного дела прадеда.

Одна авария произошла в 1946 году. О ней упоминается в характеристике, выданной в 1947 году: «Холодковский П. С. обладает хорошей теоретической подготовкой и достаточным практическим опытом. Является энергичным, инициативным капитаном, проявляющим большую заботу о судне. Дисциплинирован и исполнительен. Судно содержит в хорошем состоянии». Однако дальше указано: «Недостатком тов. Холодковского П. С. является слабая требовательность к подчиненным, в результате чего в 1946 году на пароходе была ослаблена трудовая дисциплина, что привело к аварии, за что т. Холодковскому П. С. приказом начальника ВВРП был объявлен выговор».

Несмотря на аварию, пароход «А. С. Грибоедов» продолжал курсировать по Волге, а его капитану и команде в 1947 году была объявлена благодарность начальника Верхне-Волжского пароходства «За успешное выполнение пароходом “А. С. Грибоедов” задания по выводке из Камского устья в Горький баржи “Сож” с нефтепродуктами».

Но в деле Петра Степановича мы нашли документ за этот же год, в котором говорится, что в Военном трибунале Верхне-Волжского бассейна находится нерассмотренное дело по обвинению Холодковского Петра Степановича, Тимофеева Льва Николаевича и Ивановой Маргариты Викторовны по ст. 193-17 УК РСФСР. А из характеристики за 1951 год узнали, что в 1947 году П. С. Холодковский был осужден на 1 год принудительных работ. Эту информацию подтверждают и материалы из РГАСПИ о том, что в 1947 году П. С. Холодковский «судился с военным трибуналом Верхне-Волжского бассейна по ст. 193-17 “а” УК РСФСР и приговорен к 1 году исправительных работ с вычетом из зарплаты 15%».

Еще более серьезная авария случилась в 1951 году. О ней Петр Степанович сообщил в автобиографии 1954 года: «В 1951 году в октябре м-це получился несчастный случай будучи капитаном на моей вахте получилась авария п/х “А. Грибоедов” за что был отдан под суд. Суд приговорил к году условного наказания. По партийной линии Куйбышевский райкомпартии г. Горького за этот же проступок записал мне строгий выговор с предупреждением о занесении

в личную карточку. Как судимость, а также выговор по партийной линии сняты в 1953 году».

Поработав с остальными документами личного дела из архива судоходной компании «Волжское пароходство» и РГАСПИ, мы получили более подробные сведения о причинах и последствиях данной аварии.

Вот что говорится в приказе начальника Волжского Грузопассажирского пароходства от 8 октября 1951 года: «Пароход Грибоедов следуя пассажирским рейсом вниз от Горького до Астрахани 6 октября 1951 г. в 2 часа 20 мин. в Буеракском яру потерпел аварию, в результате которой корпус парохода получил значительные повреждения, требующие заводского ремонта». Авария совершена на вахте капитана П. С. Холодковского и рулевого, 3-го штурмана Кувакина, которому не хватило квалификации справиться с ситуацией.

Холодковский объяснял, что отпустил рулевого Агафонова за несколько минут до аварии «по естественным надобностям», а сам из-за внезапных острых болей в желудке не смог наблюдать за действиями неопытного 3-го штурмана Кувакина, который привел пароход в яр и врезался в берег. Кувакин же дал показания о том, что Холодковский сидел по другую сторону штурвала, схватившись за живот. Кувакин был уверен, что капитан следит за ходом судна. По его словам, после аварии Холодковский сказал следующее: «Штурвал в исправности, просто мы с Кувакиным приняли очертания берега за туман».

Действия прадеда были расценены как «совершенно недопустимая преступная халатность при исполнении служебных обязанностей», ему был объявлен «строгий выговор, с занесением в учетную карточку» и он был отстранен от исполнений обязанностей капитана парохода. Кроме того, суд Верхне-Волжского бассейна осудил П. С. Холодковского по ст. 59-3 «в» УК РСФСР и приговорил его к 2 годам лишения свободы. Однако, учтя преклонный возраст Петра Степановича, его долгую службу на флоте и болезненное состояние, приговор был вынесен условно, с годичным испытательным сроком.

С должности капитана Петр Степанович был переведен на должность 2-го штурмана своего же судна. Прадед признавал ответственность за случившееся, однако предпринимал усилия, чтобы восстановить свое положение.

2 ноября 1951 года он написал письмо начальнику Волжского грузопассажирского пароходства Евгению Степановичу Селезневу, которого попросил ходатайствовать перед «МР. Ф. [министром

флота] по телефону» и «министром РФ тов. Шашковым» о прекращении судебного дела, учтя сорокалетнюю службу, отсутствие в прошедшем аварий, возраст и семью.

7 января 1952 года Холодковский подал рапорт Е. С. Селезеву, где просит восстановить его в должности капитана, учитывая его тяжелое материальное положение и отсутствие приказа Министерства морского флота о понижении в должности.

В качестве альтернативы Петр Степанович предложил назначить его на должность «начальника линейной пристани, начальника пассажирского вокзала или же какую-либо другую руководящую должность» в одном из портов, вверенных Селезеву. Любопытно отметить, что прадед просил исключить возможность работы в Астраханском порту и особенно желает попасть в Сталинградский речной порт. Вероятно, Петр Степанович, видимо, не хотел служить в Астрахани, где жили родственники его второй жены и, скорее всего, первая жена.

Начальство отреагировало. 8 марта 1952 года приказом Начальника Волжского грузопассажирского пароходства он был освобожден от обязанностей 2-го штурмана и назначен «в распоряжение начальника Сталинградского порта для использования по его назначению».

СНОВА В СТАЛИНГРАДЕ

Весной 1952 года Петр Степанович Холодковский вернулся в родной город и с марта 1952 по декабрь 1953-го занимал должность заместителя начальника 1-го участка Речного порта.

Анна Александровна на тот момент получила должность заведующей Волгоградским вещевым пунктом. Валерий поступил в 7 класс школы № 15 в Сталинграде.

Осознать, как смотрел на сложившуюся ситуацию и что чувствовал прадед, помогает его письмо, адресованное Е. С. Селезеву, датированное 7 июля 1953 года.

Петр Степанович сетует на то, что «в качестве меры наказания работает сменным заместителем начальника речного вокзала», а у руководства пароходства и Политического отдела сложилось мнение о нем, как «о работнике, который имеет одни недостатки». Его удручает несправедливость примененных к нему мер: «я на речном транспорте работаю сорок вторую навигацию, и такой позорный случай произошел впервые, являюсь активным участни-

ком гражданской войны, вырос я из низов, получил специальное образование судоводителя, и достиг должности капитана пассажирского парохода... На п/х «А. С. Грибоедов» с момента моего назначения капитаном проработал всю Великую Отечественную войну... За эту работу я отмечен правительством». Петр Степанович не может смириться с тем, что один проступок в работе «смывал все хорошее». Подчеркивая «тяготение к своему родному делу» и многолетние заслуги, он высказывает две просьбы: восстановление в должности капитана пассажирского «паротеплохода» и улучшение жилищных условий.

Он описывает комнату по адресу ул. Рабоче-Крестьянская, дом 24, 5 этаж, 3 комната, размером 20 кв. м, где живут пять членов семьи, при отсутствии каких-либо подсобных помещений: «нет места, где ребятам можно было готовить домашние задания».

Просьбы Петра Степановича были услышаны, однако восстановления в должности он так и не добился. Приказом Волжского грузопассажирского пароходства № 503 от 10 декабря 1953 года его назначили на должность начальника Сталинградского пассажирского вокзала с окладом по штатному расписанию.

Видимо, Петр Степанович Холодковский смог восстановить свое доброе имя, потому что через год Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1954 года он был награжден Орденом Ленина № 282325 «за особые заслуги в области социалистического строительства и обороны Союза ССР».

В Государственном архиве Волгоградской области мы нашли документ «Списки награжденных орденами и медалями СССР по г. Сталинграду и области за 1954 год» от 5 ноября 1954 года¹². В нем на листе 38 под номером 3 значится Холодковский Петр Степанович, начальник транзитного вокзала, среди представленных к награждению Орденом Ленина. К сожалению, к списку не прилагалось никаких сопроводительных документов — характеристик или автобиографий, на которые мы надеялись. Позже мы выяснили, что эти документы не оформлялись на тех, кто представлялся к награждению орденами за выслугу лет.

В должности начальника транзитного вокзала Петр Степанович Холодковский состоял до конца своих дней. Он умер 19 марта 1959 года. Похоронен вместе со своей сестрой в Волгограде на Ворошиловском кладбище.

¹² ГАВО. Ф. 2115, Оп. 12. Д. 327. Л. 38.

Зачем искать, что спрятано веками

Вероника Завадская

Детско-юношеский центр Волгограда, гимназия № 3,
г. Волгоград

научные руководители Светлана Викторовна Воротилова,
Наталья Геннадьевна Журавлева

ЗАВАДСКИЕ — НАДВОДНЮКИ

Первые сведения о роде Завадских мне сообщили дед, Василий Станиславович Завадский, и тетя, Анжелина Васильевна Собченко (Завадская).

Малая родина крестьянского по происхождению рода Завадских — село Лозовики Сквирского уезда Киевской губернии. Нашим родоначальником по этой линии является мой прапрадед Григорий Завацкий. Родился он примерно в 70-е годы XIX века, был женат на Татьяне Петровне (девичья фамилия пока неизвестна). Известны имена четверых детей: Ивана, Марии, Надежды и Станислава.

Станислав — мой родной прадед. О нем известно очень немного. Родился 22 декабря 1905 года в селе Лозовики, окончил 4 класса в местной школе. После революции Станислав окончил курсы трактористов и стал одним из первых трактористов на селе.

В 1928 году он женился на Пелагее Агафоновне Надводнюк из соседнего села Попельня. Палашка, как ее называли в семье, была на год младше своего мужа, родилась она 22 октября 1906 года. По рассказам родных я знаю, что у Агафона было 2 пары коней, и он занимался извозом.

Пелагея с детства была своенравной. Например, ее обучение в местной школе длилось всего 3 дня. Причина отказа от учебы была проста — «не нравится». Несмотря на то, что Пелагея не посещала занятия, писать и считать она умела.

В браке у Станислава и Пелагеи родилось семеро детей: Иван, Екатерина (умерли младенцами), Ольга (1929 г. р.), Павел (1935 г. р.), Василий (мой будущий дед, 1937 г. р.), Мария (1940 г. р.) и Виктор (1947 г. р.).

Как ни странно, в истории семьи никак не отразились воспоминания о революции. Возможно, потому, что они относились к категории бедняков и перемены в стране приняли спокойно. Что

стало с извозным делом Агафона Надводнюка — потомки тоже не помнят; скорее всего, оно было продано или реквизировано, потому что наличие двух коней уже служило основанием для отнесения хозяйства к середняцким или кулацким.

Остались в памяти воспоминания о голоде начала 30-х годов. Голодомор унес жизни многих односельчан. Вымирали целые семьи. Не знаю, каким чудом, но молодую семью Завадских эта трагедия миновала.

Более всего старшие родственники вспоминают испытания, связанные с Великой Отечественной войной.

В первых числах июля 1941 года немцы заняли Лозовики. По воспоминаниям деда, Василия Завадского, фашисты хозяйничали здесь как у себя дома, поселялись в домах крестьян, забирали кур, гусей, свиней. Дед Василий, которому к тому времени было лишь 5 лет, особенно помнит два случая, связанных с войной.

В 1942 году в их доме жил немецкий офицер. В один из вечеров, вернувшись в дом, он кинул свой мундир на верстак и сел за стол. Маленький Василий подкрался к верстаку, вытащил из кобуры пистолет и направил его на немца, говоря при этом «Пиф-паф». Немец тут же выхватил пистолет из рук ребенка, отшвырнул мальчика в угол комнаты и начал что-то громко кричать по-немецки. Пелагея кинулась на колени перед немцем и начала умолять его о прощении. Не знаю, что смягчило сердце немецкого офицера, слезы и мольбы женщины или плач ребенка, но он сменил гнев на милость и даже угостил мальчика галетами.

Второй случай произошел ранней весной 1943 года, когда Пелагея вела сыновей, Василия и Павла, через лес в соседнее село. В это время их заметил пилот немецкого самолета-разведчика. Мать быстро спряталась с детьми в густые заросли, но немецкий пилот около пяти минут кружил у них над головами и даже сделал несколько очередей наугад. Дед до сих пор помнит звук пуль, разрывающих землю в нескольких сантиметрах от них.

Немецко-фашистская оккупация Житомирской области продолжалась до 25 декабря 1943 года. Всё это время семья переживала за Станислава, который в первые же дни войны был призван на фронт. О боевом пути Станислава Завацкого практически ничего не известно. Он был танкистом. В 1943 году тяжело ранен в область позвоночника, долго лечился. Холодным зимним вечером 1944 года худой и измученный Станислав на костылях постучался в двери родного дома. Все испугались, и лишь маленькая Ма-

рия, почувствовав что-то через стену, произнесла по-украински: «Це тато» («Это папа»).

Тяжело жилось семье и в послевоенное время. Пелагея работала в полевой бригаде. Дети помогали матери в обработке буряка (так называли свеклу на юге страны). Ее выкапывали, очищали от земли, обрезали ботву и аккуратно укладывали на телегу. А отец возил этот груз за 12 километров на сахарный завод. В 1953 году мой дед окончил 7 классов и, поддавшись на призывы агитаторов, отправился на возрождение Донбасса.

Несколько суток его и таких же, как он, энтузиастов везли в товарных вагонах из Житомира в город Боково-Антрацит. Через шесть месяцев дед окончил Горнопромышленную школу по специальности плотник. Сначала он работал плотником Колпаковского Шахтостройуправления треста «Б-Антрацит», потом крепильщиком в шахте. Именно здесь при выдаче паспорта Станиславу исправили фамилию с Завацкий на Завадский, объяснив, что так она ближе к русской по звучанию.

11 сентября 1956 года, когда Василию исполнилось 18 лет, его призвали в армию. После трехмесячного обучения в литовском поселке Нида, он был направлен в город Брест, где отслужил 3 года. 3 ноября 1959 года Василий Завадский уволился из армии и приехал в Житомир.

Этот город Василий выбрал не случайно. Здесь проживали его родственники, и было больше возможностей найти себе хорошую работу. Уже через месяц он начал работать на заводе «Электроизмеритель», где и познакомился с Галиной Стародубенко.

СТАРОДУБЕНКО — ВАТУЛЬЕВЫ — ЗАВАДСКИЕ

Прародителем отцовского рода по материнской линии является Григорий Стародубенко. Мне он приходится трижды прадедом. Григорий был краснодеревщиком.

Его сын Иосиф сначала тоже был столяром, но позже открыл свое дело: держал лошадей, дрожжи и фаэтон.

Иосиф был женат на Акулине Ивановне. Имя жены Иосифа мы узнали из архивной справки Государственного архива Житомирской области — выписки из метрической книги о рождении их сына Василия 17 декабря 1900 года, моего будущего прадеда.

Кроме Василия, у Иосифа Григорьевича и Акулины Ивановны было ещё четверо детей: Сергей, Михаил, Аня и Константин.

В семье сохранился рассказ о том, что на свадьбу Василия Иосифовича родители подарили молодым большой резной буфет и шкаф, изготовленные дедом Григорием.

Василий Стародубенко связал свою судьбу с Павлиной Ватульевой.

По свидетельству моей бабушки, Галины Васильевны Завадской (ур. Стародубенко), отец Павлины — Куприян Иванович Ватульев (мой прапрадед), был весьма зажиточным житомирцем и владел землями и складами в Житомире, снабжал город овощами и фруктами.

Куприян был женат на Евгении, в их браке родилось пятеро детей: Валентин, Игорь (Егор), Агафья, Евдокия и Павлина. Павлина — моя прабабка. Пава, как называли ее домашние, родилась 7 января 1905 года в Житомире.

Когда Павлине было 8 лет, Евгения Ватульева умерла и была похоронена на старообрядческом кладбище Каракули. Этот факт заставил меня задуматься о старообрядческих корнях Ватульевых. Поиск привел на форум «Житомир FOREVER»¹, откуда выяснилось, что в 50-х годах XIX века группа старообрядцев-беспоповцев переселилась из Польши и Пруссии в пригород Житомира Каракули. Они занимались выращиванием овощей и фруктов, а также грабарским промыслом². Это подтвердило догадку о принадлежности Ватульевых к старообрядцам, а также рассказы о том, что Куприян Ватульев занимался снабжением города овощами и фруктами.

Вторично Куприян женился на женщине по имени Ирина и перестал заботиться о своих детях. Например, Павлина рассказывала своим детям, что, несмотря на всю состоятельность отца, у нее всегда было только одно платье. Дети много работали на огородных участках и жили так бедно, что даже не догадывались о достатке своего родителя.

Когда в один момент все накопления К. И. Ватульева обесценились, он сжег в печке много пачек сторублевых банкнот, как говорили родственники, из-за изображенной на них Екатерины II. На

¹ Интересные факты из истории Житомира, или «Знаете ли Вы?..» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-9305881_22488371?offset=40

² *Грабарский промысел* — проведение землеустроительных работ: прорытие канав, выкапывание ставков, сооружение плотин и окопов, а также перевозка навоза на поля // Традиционные промыслы и ремесла в Обоянском уезде во второй половине XIX в." [Электронный ресурс]. URL: <http://old-kursk.ru/book/obojan/ra096.html>

самом деле деньги, видимо, были сожжены в советское время из-за того, что вышли из употребления.

Повзрослев, Павлина встретила и полюбила Василия Стародубенко. Куприян Иванович с самого начала почему-то не одобрял выбор дочери. Возможно, потому, что Василий был не из старообрядческого рода.

Когда между Павлиной и Василием случилась размолвка и они на время перестали общаться, Куприян воспользовался ситуацией и сосватал ей выгодного жениха. Павлина не могла противиться воле отца и дала свое согласие на брак. Василий ждал до последнего, надеясь, что свадьбу отменят. Но в день бракосочетания Павлины он решился на отчаянный поступок и вместе со своим братом Сергеем, который работал извозчиком на бричке, выкрал девушку со свадьбы. Видимо, похищение невесты произошло после венчания, так как в справке Государственного архива Житомирской области о браке между Василием Стародубенко и Павлиной Ватульевой, указано, что невеста выходит замуж вторым браком.

Пожились Павлина и Василий 26 августа 1924 года. Счастье молодых омрачал лишь гнев Куприяна, который отказался от дочери и выгнал ее из отчего дома.

В браке Василия и Павлины родилось шестеро детей: Николай (1925 г. р.), Анатолий (1929 г. р.), Виктор (1933 г. р.), Надежда (Дина, 1938 г. р.), Павел и Галина (моя будущая бабушка, 1945 г. р.). Семья жила в небольшом съемном доме и испытывала существенные материальные трудности.

Сохранилась интересная история из довоенной жизни семьи Стародубенко. Примерно в 1933 году Василий Иосифович, как коммунист, был направлен в село Вересы (в 16 км от Житомира) собирать у местных крестьян пшеницу. Речь, видимо, шла о принудительных хлебозаготовках, которые организовывались на фоне неурожаев и насильственной коллективизации.

По воспоминаниям родных, Василию даже выдали наган от житомирских властей. Но прадед вернулся «пустой», так как ему было жалко людей и он не мог отобрать у них последнее, обрекая тем самым на голодную смерть. Представители житомирского райкома компартии приказали Василию положить партбилет на стол, что он и сделал. На протяжении нескольких лет семья Стародубенко боялась, что в любой момент за прадедом могут прийти.

Крестьянин, у которого прадед останавливался во время своей

командировки в Вересы, подружился с ним и во время войны помогал семье Стародубенко выжить, несколько раз привозя продукты из собственного хозяйства.

Когда началась Великая Отечественная война, Василий просился на фронт, но его как железнодорожника в армию не брали. В феврале 1944 года в ряды Красной Армии был призван старший сын Павлины и Василия Николай. На сайте «Подвиг народа» мне удалось найти наградные документы на гвардии рядового Н. В. Стародубенко, согласно которым он 31 июля 1944 года в бою за город Ладзизий Литовской ССР смог уничтожить пулемет противника вместе с расчетом с помощью ручных гранат, а в ходе последующего боя убил шестерых немцев и троих пленил. За этот подвиг в октябре 1944 года Николай был удостоен Ордена Славы III степени.

К счастью, родители дождались сына с войны целым и невредимым.

После войны Василий Стародубенко работал завскладом Облсельхозтехники города Житомира. Павлина занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. Она была искусной во всем: рукодельница, гостеприимная хозяйка, прекрасно готовила. Рецепты некоторых блюд до сих пор любимы в нашей семье.

Но тут на семью Стародубенко обрушилась беда. Моя бабушка Галина Васильевна рассказала, что ее отец стал жертвой нелепого случая. В 1947 году некие люди пришли на склад к Василию и попросили его положить до утра 7 или 8 мешков сахара. Сразу же после их ухода на склад явилась проверка и Василия арестовали. Сахар оказался ворованным, и, как говорили родственники, «за каждый мешок сахара дед получил по году заключения»: 8 лет он провел в лагере в Коми.

Семейные рассказы побудили нас сделать ряд запросов в архивы силовых ведомств, чтобы понять, что произошло с Василием Иосифовичем Стародубенко. Первый запрос был сделан в Центральный архив ФСБ. В письме № 10/А-З-3309 от 30 августа 2016 года нам ответили, что архив не располагает сведениями в отношении В. И. Стародубенко, так как архивные уголовные дела на репрессированных по политическим мотивам граждан хранятся в территориальных органах безопасности или информационных центрах органов внутренних дел по месту ареста и осуждения.

Два запроса мы сделали в архивы Республики Коми — Коми-Пермяцкий окружной государственный архив и Национальный

архив Республики Коми. Оба дали отрицательные ответы, но сотрудники последнего порекомендовали обратиться в Информационный центр МВД по Республике Коми.

Из Информационного центра мы получили письмо, сообщающее, что личное дело прадеда, отбывавшего срок в Печорлагере НКВД СССР до 1954 года, было уничтожено по истечении срока хранения. По крайней мере, мы получили подтверждение о факте нахождения В. И. Стародубенко в Печорлагере и его освобождении в 1954 году. Очевидно, тогда же он вернулся домой.

В 1962 году врачи поставили Василию страшный диагноз — рак горла. 22 декабря 1962 года после 7 месяцев безуспешного лечения и страданий, Василий умер.

К тому времени умер и отец Павлины Куприян. Так как все дети, кроме Павлины и Валентина, уже имели свои дома и хозяйства, отцовский дом отдали сестре и брату, у которых собственного жилья не было. Таким образом, семья Стародубенко стала собственником половины огромного дома.

Двойняшки Галина и Паша (в семье его звали Пуся) никогда не расставались, всем делились друг с другом. Однажды зимой, когда им было по 5 лет, они отправились играть на реку. И тут Пуся провалился под лед. Пытаясь спасти брата, Галина подползла поближе к полынье и протянула ручку. Лед не выдержал, и девочка тоже упала в воду. Проходившие мимо люди вовремя успели на помощь, спасли малышей и привели их домой.

Дети пошли в школу в 6 лет: сидели за одной партой, имели один школьный портфель и один комплект учебников на двоих. Галина всегда была усидчивой и ответственной. Поэтому вечерами она делала уроки, а ее брат, наигравшись в футбол, быстренько списывал готовое домашнее задание у сестры.

Закончив 11 классов, в 1963 году Галина Стародубенко поступила на работу на завод «Электроизмеритель» сборщиком панелей. На заводе она была награждена Орденом Трудовой Славы III степени, трижды избиралась депутатом городского совета.

Избранником Галины стал Василий Завадский. 11 июля 1965 года Василий и Галина поженились. В 1966 году у молодой пары родилась дочь Анжелина, а 8 марта 1975 года они получили отдельную двухкомнатную квартиру с телефоном как очередники завода «Электроизмеритель».

А еще через год, 5 ноября 1976 года, у Галины и Василия родился сын Максим, мой будущий отец.

Зачем искать, что спрятано веками

Украину семья Завадских покинула во время перестройки, в 1987 году. Завадские отправились в далекий северный городок Лангепас Ханты-Мансийского автономного округа, где жили родители мужа.

Василий работал машинистом в Дорожном ремонтно-строительном управлении ТПП «Лангепаснефтегаз» ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь», Галина — заведующей общежитием и гостиницей, Максим учился в школе.

17 лет связывают Галину и Василия с Лангепасом — здесь они обрели новых друзей, в этом городе родились их внуки, здесь они по-настоящему прочувствовали, что значит выражение «северная романтика». Жители Лангепаса любят городские гуляния, зимние катания на ледяных горках, концерты и конкурсы, которые при любой погоде проходят под открытым небом.

В 2005 году, выйдя на пенсию, Галина и Василий Завадские вернулись в свой родной Житомир, где и проживают по настоящее время.

В Лангепасе семья Завадских не только обрела новых друзей, но и пополнилась новыми членами. 25 сентября 1999 года Максим Завадский женился на Виктории Коробейниковой (моей маме). Через этот брак Завадские породнились с фамилиями Коробейниковых, Коротковых, Ковальковых, Маховых, Ильичевых, Пятаковых.

КОРОБЕЙНИКОВЫ — КОРОТКОВЫ — ЛЯШКОВСКИЕ

Отцовская ветвь моей матери происходит из Николаевской слободы Царевского уезда Астраханской губернии, ныне это город Николаевск Волгоградской области.

Считается, что по ветви Коробейниковых нашим родоначальником является Иван Коробейников. Судя по дате рождения его сына, Семена Ивановича (11.04.1877–20.10.1940), Иван родился примерно в середине XIX века.

Коренное население города Николаевска — обрусевшие потомки переселенцев с Украины. Известно, что в 1747 году к Волге прибыли чумаки³ из восточной Украины, в основном из Харькова

³ Чумаки — категория населения, проживавшая на территории нынешней Украины и Юге России XVI–XIX веков, занимавшаяся торгово-перевозным промыслом. Чумаки отправлялись на волах к Чёрному и Азовскому морям за солью и рыбой, развозили их по ярмаркам, а также занимались доставкой других товаров. Позднее чумаками, стали называть торговцев, привозивших соль и с других месторождений, в частности с озера Эльтон.

и Полтавщины, для освоения солевого промысла на озере Эльтон. Скорее всего, нашими предками по линии Коробейниковых и были чумаки.

Среди старых книг и журналов я нашла маленький листок, исписанный незнакомым почерком. Мама сказала, что это почерк моей прабабки Лидии Васильевны Коробейниковой. К счастью, Лидия Васильевна пыталась передать своим потомкам хоть какие-то сведения об их предках и записала обрывочные сведения о своих родителях и родителях мужа. Вот что мне удалось узнать из них.

Семен Иванович Коробейников был женат дважды. После смерти первой жены Прасковьи Григорьевны у него на руках осталось пятеро детей: Марфа (1902 г. р.), Екатерина, Евдокия (1912 г. р.), Федор и Василий. Второй женой Семена стала вдова Меланья Марковна, которая имела от первого брака сына Павла (1912 г. р.). В совместном браке у Семена и Меланьи родились два сына: Леонид — мой будущий прадед (11.04.1926–24.04.1999) и Владимир (1928 г. р.).

Из архивной справки от 4.11.1985 № 26396 из Центрального государственного архива Советской Армии становится понятно, что с 15 мая 1944 года прадед служил стрелком в 50 запасном стрелковом полку, с 10 сентября 1944 года — стрелком в 237 полку КВ НКВД, который входил в действующую армию, уволен в запас 13 сентября 1950 г.

В семье хранятся две армейские фотографии Леонида Семеновича. К счастью, они обе подписаны на обратной стороне. Из этих подписей я узнала, что служба деда проходила в румынском городе Фокшаны.

Через год после возвращения из армии Леонид встретил и полюбил Лидию Васильевну Короткову (27.04.1930–09.04.2003). Лидия Васильевна была единственным ребенком в семье Василия Васильевича Короткова и Натальи Михайловны (1904 г. р., ур. Ляшковской).

Благодаря записям прабабушки Лидии Васильевны, я знаю, что ее деда звали Михаил Ляшковский. В государственном архиве Волгоградской области в метрической книге за 1877–1878 годы Успенской церкви слободы Николаевской Царевского уезда Астраханской губернии мне удалось найти запись о рождении Михаила. Теперь я знаю, что мой предок появился на свет 5 июля (я тоже родилась в этот день) 1877 года в семье государственного крестьянина Семена Васильевича Ляшковского и его законной жены Ксении

Полина (Павлина)
Ватульева
с мамой Евгенией,
1912

Полина (Павлина)
вторая слева,
1920-е

Лидия Короткова
с подругой, 1944

Н. М. Короткова
(Ляшковская)
с дочерью Лидой,
1941

Дина, Павел и Галина
Стародубенко, 1946

Л. С. Коробейников с женой
Лидией, 1955

Василий и Полина
Стародубенко
с дочерью Диной,
1946

Сестры Евдокия, Агафья,
Полина (Павлина)

Братья Витя и Вова
Коробейниковы

Витя в первом классе.
Николаевск, 1961–1962

Л. В. Коробейникова с сыном Вовой и коровой Снегурочкой, 1959

Завод Энерготехмаш, здесь работали Лидия и Виктор Коробейниковы

В. С. Завадский,
1962

Трудовая книжка
В. С. Завадского

Согласно паспорта
фамилия Завадский
паспорт № 93 № 577381
выдан 3.4.1967г. отделом
миграции Житомир.

Служба кадров
г. Житомир

Трудовая книжка
Ивановича Владимира № 1163130

Фамилия Завадский
Имя Василий
Отчество Станиславович
Год рождения 1957
Образование: начальное / среднее, высшее
специальность
Профессия Машинист
Добавить запись в Трудовой книжке
Дата регистрации Трудовой книжки
8 декабря 1954

Галина Завадская (Стародубенко) на ноябрьской демонстрации.
Житомир, 1981

Моя семья, 2009

Ивановны. По записям прабабушки, Михаил Ляшковский был женат на Наталье Михайловне, которая прожила 106 лет. В их семье было 3 дочери: Наталья, Анна и Прасковья, и три сына: Нифодий (так в записях прабабушки), Иван (погиб во время Великой Отечественной войны) и Петр (погиб в 1939 году на Советско-финской войне).

Дочь Ляшковских Наталья вышла замуж за Василия Короткова. По воспоминаниям моей мамы, Наталья рано овдовела, ее дочери Лиде к тому моменту не исполнилось и года. В 1943 году Наталья Михайловна Короткова умерла. Лиде к тому времени было около 13 лет. Оставшись сиротой, девочка долгое время воспитывалась у родственников, которые любили ее и заботились о ней.

Лидия выросла красивой и статной девушкой, с черными, как смоль, волосами и ярко синими глазами. Не удивительно, что Леонид Коробейников, недолго думая, сделал ей предложение руки и сердца. В семье Леонида и Лидии Коробейниковых родилось два сына: Владимир (07.02.1952–17.06.1998) и Виктор — мой дед (28.05.1954–28.01.2014).

Судя по записям в трудовой книжке Леонида Семеновича Коробейникова, с 1950 по 1953 годы он работал в Сталинградгидрострое, сначала десятником, потом завскладом и хоздеятелем. Жена с сыном Владимиром в это время оставались в Николаевске. В 1953 году дед вернулся в Николаевск, где он устроился завхозом и начальником пожарной сторожевой охраны Николаевского МТС.

В марте 1958 года, после четырех месяцев обучения в автоклубе-автошколе в Камышине, Л. С. Коробейников получил права на управление автомобилем и устроился шофером в Николаевское АТХ. Все это время Лидия занималась домашним хозяйством и растила сыновей-сорванцов. В октябре 1962 года вся семья переехала в город Волжский. Здесь Леонид продолжал работать шофером.

Тем временем семья Коробейниковых жила в Рабочем поселке города Волжского. Дети подросли и учились в средней школе № 3.

Лидия тоже решила снова пойти на работу и в 1963 году устроилась крановщицей в Волжское производственное опытно-техническое объединение «Энерготехмаш». Там она проработала долгих 29 лет. Дед и бабушка Коробейниковы были удостоены звания «Ветеран труда»: прадед — в феврале 1996 года, прабабушка — в декабре 1985 года.

Виктор Коробейников (мой дед) рос трудным подростком, часто убегал из дома, прогуливал школу, водил дружбу с местными

хулиганами. С 1972 по 1974 годы Виктор служил в ракетных войсках в литовском городе Таураге. Там он встретил своего земляка Николая Шахова, который позитивно повлиял на мировоззрение юноши. Вернувшись из армии Виктор совершенно изменившись, и физически, и духовно. Он устроился строителем в Волжское ДСУ № 6 (дорожно-строительное управление) и женился на своей любимой девушке Светлане Ковальковой.

КОВАЛЬКОВЫ — МАХОВЫ — КОРОБОВЫ

С раннего детства моим воспитанием занималась бабушка, Светлана Гарифовна Коробейникова (урожд. Ковалькова), мама моей мамы. Меня всегда разбирало любопытство, откуда у женщины, родившейся в Ярославской области, такое экзотическое отчество? Бабушка каждый раз отвечала, что ее отца называли в честь какого-то джазового певца, который выступал с концертами на их малой родине.

Повзрослев, я решила поподробнее узнать о своих предках, которые, живя в центральной России, решились в 1930 году назвать своего первенца Гарифом. К сожалению, информации осталось не очень много. Прадед Гариф умер в 1985 году, его сестры живут в городе Архангельске, а у жены Гарифа, моей прабабушки Лидии Николаевны Ковальковой осталось лишь несколько документов от деда и обрывочные воспоминания о его семье.

До октября 2016 года в нашей семейной летописи значилось, что родоначальником материнской ветви моей мамы является Василий Ковальков. Мы ничего не знали о нашем прародителе, кроме того, что его сын Петр Ковальков (мой прапрапрадед) жил в деревне Стародворское в приходе села Покровское в Телячьем углу Любимского уезда Ярославской губернии (в настоящее время это деревня Стародворское Первомайского района Ярославской области).

В 2016 году мы делали запрос в Государственный архив Ярославской области о предках Ковальковых и получили интересующие нас сведения.

Выяснилось, что мой пращур Василий Гаврилович родился в 1830 году. К моменту бракосочетания 1 мая 1849 года с Анисьей, дочерью крестьянина Марка Артамонова из деревни Меденицы, Василий был «крестьянским сыном вотчины помещицы из дворян девицы Перпетуи Стефановны Никифоровой» и проживал в деревне Стародворское.

Согласно архивной справке Т-2735 от 04.10.2016 и копии из метрической книги церкви села Покровское в Телячьем углу Любимского уезда Ярославской области, сын Василия и Анисьи Петр Ковалков родился 20 декабря 1864 года. У него был брат близнец Стефан. К этому времени Василий Гаврилович уже был временно-обязанным крестьянином помещицы Волуцкой.

Из материалов Первой всеобщей переписи от 1897 года мы узнали, что Василий Гаврилович и Анисья Марковна кроме Петра и Стефана имели еще двоих сыновей: Дмитрия (1868 г. р.) и Иоанна (1872 г. р.), а также двоих дочерей: Марию (1857 г. р.) и Дарью (1861 г. р.). На момент переписи все дети жили в доме отца, причем Иоанн находился на воинской службе, Дарья работала поломойкой в местном трактире, остальные дети были земледельцами при отце. Кроме того, в доме В. Г. Ковалкова проживала невестка Анна Гавриловна (жена Дмитрия) и двое их детей: Николай (1894 г. р.) и Анна (1896 г. р.). Так, благодаря архивным документам, стало понятно, что ветвь Ковалковых происходила из крепостных крестьян.

К сожалению, в семье сохранилось очень мало сведений о моем пращуре Петре Ковалкове и его семье. Он имел троих детей: старшую дочь Нину (в замужестве Загладкина) и двух сыновей: Павла (мой прапрадед) и Александра (пропал без вести в Великую Отечественную войну).

Благодаря ещё одному архивному запросу в Государственный архив Ярославской области нам удалось узнать имя жены Петра Васильевича Ковалкова — ее звали Евфросинья Иоанновна. Об этом говорится в метрической записи и в справке Т-2736 от 04.10.2016 о рождении Павла 19 декабря 1904 года в семье «крестьянина Петра Васильевича Ковалкова и его жены Евфросиньи Иоановны».

В настоящее время фамилия моих родственников по линии Ковалковых звучит как Ковальковы. Видимо, при выписке документов детям Павла писарь ошибся (либо руководствовался какими-то иными причинами) и добавил мягкий знак в фамилии.

23 февраля 1930 года мой прапрадед Павел женился на девушке со станции Пречистое Ярославской области Таисии Федоровне Ильичевой.

Таисия родилась 21 октября 1906 года в деревне Огарково Вологодской области. Родственники помнят, что отец Таисии Федор умер рано, а мать в 1912 году вместе с детьми переехала на

станцию Пречистое. Дом купили недалеко от железной дороги на ул. Ворошилова. У Таисии была младшая сестра Анна (1908 г. р.).

Мне известно, что прапрабабка окончила 4 класса начальной школы и до замужества грузила бревна в товарные вагоны. Сейчас трудно представить, как молодая девушка может заниматься таким тяжелейшим трудом, который не каждому мужчине под силу. Но в то время простые люди были готовы браться за любую работу, лишь бы заработать на пропитание себе и своей семье. Я думаю, этот факт является ярким свидетельством того, что Таисия росла в бедной крестьянской семье.

Молодая семья Ковалковых стала жить в Пречистом. Поселок Пречистое образован в 1778 году, населенный пункт был транзитным пунктом на оживлённой дороге.

У Павла и Таисии родилось четверо детей: сын Гариф (мой будущий прадед, 14.12.1930–16.02.1985) и три дочери: Людмила (в замужестве Кузина, 22.05.1938), Мария (10.12.1941) и Тамара (в замужестве Кушерекина, 20.05.1948). Как и полагается, Таисия занималась воспитанием детей, а Павел Петрович работал, чтобы обеспечить достойную жизнь своей семье. К сожалению, я не знаю, где конкретно трудился мой прапрадед. Очень вероятно, что его работа была связана с пчеловодством, — свое увлечение пчелами Павел сохранил до последних дней жизни.

В 1939 году Павел отправился в Москву, где проходил обучение на двухгодичных курсах в сельскохозяйственном институте. Именно в Москве его и застала война. Доброволец Павел Петрович Ковалков в 1941 году вместе с московским народным ополчением был отправлен в Белоруссию телефонистом. Позже он рассказывал дочерям, что солдаты не были даже как следует вооружены, на четверых — одна винтовка. Там же Павел попал в плен к немцам и был отправлен на работу в шахту. Дочери Павла, мои двоюродные бабушки, помнят его рассказы о том страшном времени: пленные и работали, и жили в шахтах, не видя белого света. Чтобы хоть на несколько дней подняться наверх дед несколько раз специально калечил себе руку или ногу. Так он попадал в лазарет, где мог немного отдохнуть. В 1945 году его освободили американцы — буквально в последний момент, когда его и еще сотню советских военнопленных немцы вели на расстрел.

После Победы многие бывшие пленные красноармейцы направлялись на работы по восстановлению Сталинграда. В их числе

Зачем искать, что спрятано веками

был и мой прапрадед, до 1947 года работавший прорабом на сталинградской стройке.

С лета 1947 года Павел Петрович начал свою трудовую деятельность в Пречистом в должности районного пчеловода.

Мой прадед Гариф Ковальков, окончив 7 классов, в июне 1946 года уехал к отцу в Сталинград, где устроился учеником токаря на знаменитый Сталинградский тракторный завод. Домой он приехал лишь в январе 1950 года и поступил на курсы шоферов в соседнем с Пречистым городе Любиме, где получил специальность шофера 3 класса.

В апреле 1950 года его забрали в армию, где он прослужил до апреля 1953-го в московской военной части 61896. Во время службы Гариф сдал экзамен на шофера 2 класса и дважды участвовал в парадах Победы 1951 и 1952 годов. Как позже рассказывал сам Гариф своим родственникам, подготовка к параду занимала несколько месяцев, и каждый ее участник испытывал невероятный груз ответственности. Водители должны были соблюдать не только скоростной режим, но и определенную дистанцию между машинами, нарушение заданных требований даже на сантиметр каралось очень строго.

В армии Гариф постоянно переписывался с бывшей однокурсницей Лидией Маховой, которая впоследствии стала его женой.

Крестьянский род Маховых тоже происходит из деревни Бисерово Ярославского уезда Ярославской губернии, ныне она относится к Ярославскому району Ярославской области. Деревня Бисерово входила в состав православного прихода Медягинский.

По ветви Маховых нашим родоначальником является Никита Махов. Его сын Егор, согласно архивной справке № Т-2977 от 01.11.2016, был женат на Агапии Назаровне. 10 сентября 1836 года у них родился сын Никита. Из архивной справки Т-2732 от 04.10.2016 следует, что Никита, как и отец, был крестьянином деревни Бисерово, состоял в браке с Марьей Михайловной, и 1 мая 1870 года у них родился сын Христофор.

О Христофоре Никитиче Махове (1870-1933) известно, что он был крестьянином-средняком и в 1892 году женился на Анне Тимофеевне (1870-1928), которая всю жизнь вела домашнее хозяйство и растила шестерых детей: дочерей Евдокию и Елизавету и сыновей Николая, Тимофея, Михаила и Александра. Николай Махов (27.07.1902–09.04.1987) является моим родным прапрадедом.

Николай окончил начальную школу (4 класса). В 11 лет начал работать в катальной мастерской. Юношей Николай часто ходил на праздники в соседнее село Кузьмино, именно там он заметил красивую девушку Зою Колобову.

Прародителем линии Колобовых является крестьянин Григорий Колобов. Его сын Стахий так же был крестьянином и всю жизнь прожил в деревне Кузьмины. Кроме земледелия он занимался также плотницкими работами. В браке с Эпистимией Ивановной он имел двух сыновей Василия (1869 г. р.) и Давыда (1873 г. р.). Всю эту информацию мы почерпнули из копии Переписного листа Первой всеобщей переписи от 1897 года, полученного из государственного архива Ярославской области. На момент переписи Давыд находился на военной службе, а в доме Стахия проживали также невестка (жена Василия) и двое их детей Надежда (1895 г. р.) и Виталий (1897 г. р.). В архивной справке Т-2854 от 14.10.2016 указана точная дата рождения Давыда — 21 июня 1873 года.

11 декабря 1899 года в семье запасного рядового Давыда Колобова и его жены портнихи Анны Ивановны родилась дочь Зоя. Первый ребенок у четы оказался единственным — когда малышке исполнилось два года, Анна скоропостижно скончалась. Зимой во время пожара женщина кинулась в горящий дом за единственной ценной вещью — швейной машинкой (ведь только с ее помощью молодая портниха могла заработать деньги на пропитание семьи). Когда она выскочила из пламени, ее одежда горела; Анну тут же окатили ведром ледяной воды, а через несколько недель она умерла от воспаления легких. Перед смертью женщина просила своих родных лишь об одном — позаботиться о маленькой Зое, понимая, какая тяжелая жизнь ждет бедную сироту среди чужих людей.

Жизнь шла своим чередом, и через несколько лет отец снова женился на молодой крестьянке Евгении. У Зои появились два единокровных брата Иван и Владимир и сестра Клеопатра. После эпидемии сыпного тифа Зоя потеряла отца. На тот момент ей едва исполнилось 13 лет. Со смертью отца единственным кормильцем в семье осталась именно Зоя, так как мачеха не могла работать, а братья и сестры были еще слишком малы. Поэтому с юных лет Зоя работала «в людях», чтобы прокормить семью.

В январе 1926 года Николай и Зоя поженились, а в июне 1927 года в молодой семье появился первенец Борис.

Закрытие катальной мастерской, в которой работал Николай, подтолкнуло супругов отправиться в Ярославль, чтобы искать ра-

боту на недавно открывшемся лакокрасочном заводе. В 1931 году Николай получил направление на учебу в ленинградскую школу ВПО ОГПУ № 1 им. В. Куйбышева, которая выпускала военных техников. Пройдя двухгодичное обучение, молодой специалист был направлен на работу в пожарную охрану, а в 1939 году переехал в село Пречистое начальником местной пожарной части.

К началу Великой Отечественной войны Николаю было 39 лет. В Советскую Армию он был призван 30 июня 1942 года и до конца войны служил в 615 гаубичном артиллерийском полку. Рядовой Николай Махов вместе со своим полком участвовал в освобождении Украины, Польши, Праги.

После войны прадед продолжил свою службу начальником пожарной охраны в родном селе Пречистое. Дочь Лидия тем временем стала совсем самостоятельной: окончила 8 классов средней школы, а затем Даниловское педагогическое училище.

В студенческие годы Лидия жила в общежитии училища, которое находилось в доме бывшего помещика Тихменева (ныне это школа № 3). В общежитии располагались спальные комнаты, в подвале — столовая. В комнате Лидии жили 18 девушек. Кроме кроватей в центре комнаты стоял большой стол со скамьями. Так как места для всех за столом не хватало, то домашнюю работу приходилось выполнять по очереди. Часто очередь Маховой наступала часа в 2 ночи.

С 1950 года Лидия Николаевна работала воспитателем в детском доме Ильинского сельсовета деревни Багряники (в 12 км от Пречистого). Девушка жила в деревне Багряники, а на выходные приезжала домой к родителям: летом — на велосипеде, зимой — на лыжах. По возвращении Гарифа из армии молодые люди поняли, что любят друг друга, но не могли сразу пожениться — просто не было денег.

Официально Гариф и Лидия стали мужем и женой в декабре 1955 года. Через год после свадьбы, 23 июля 1956 года у молодой семьи Ковальковых родилась дочь Светлана (моя бабушка), а на следующий год они переехали в город Волжский. Армейский друг деда написал ему письмо о грандиозной стройке Волжской ГЭС. В Волжском Лидия работала учителем в детском доме, а Гариф, как первоклассный шофер, работал водителем «Скорой помощи».

В 1972 году, окончив институт и получив специальность инженера, Гариф отправился на покорение Севера. Через несколько лет к нему присоединилась и Лидия.

Согласно трудовой книжке прадеда, сначала он работал шофером и линейным трубопроводчиком дизелистом, с 1977 года — старшим инженером-механиком на нефтеперекачивающей станции «Юган».

Дочь Ковальковых Светлана окончила школу в Волжском и Волгоградский техникум советской торговли, работала продавцом. 3 июля 1976 года она вышла замуж за Виктора Коробейникова, а 10 мая 1977 года у молодой пары родилась дочь Виктория (моя мама).

В 1984 году тяжело заболел отец Светланы Гариф Павлович Ковальков, живший вместе с женой в маленьком северном поселке Тюменской области ХМАО СУ-54. Светлана отправилась на Север помогать матери, через полгода к ней присоединились муж и дочь. После смерти Гарифа в 1985 году Светлана и Виктор приняли решение остаться на севере в городе Лангепас, который находился около СУ-54.

В Лангепасе их дочь пошла в первый класс, окончила школу с золотой медалью, в 1994 году отправилась на учебу в Уральский государственный экономический университет в город Екатеринбург, вернулась с красным дипломом в 1998 году и начала свою трудовую деятельность.

Через год по окончании института, 25 сентября 1999 года Виктория вышла замуж за Максима Васильевича Завадского.

Следующему поколению предстояло родиться в XXI веке.

* * *

Составляя и описывая свое родословное древо, я всё больше и больше понимала, что исследование истории своей семьи — процесс увлекательный и бесконечный. Его можно продолжать и вглубь, потому что в архивах хранится множество документов, в том числе в неаннотированных фондах, которыми по этой причине сейчас практически невозможно пользоваться, и вширь, потому что каждое лицо в родословной — это судьба.

Большая часть моих предков — это все предки отца и предки по отцовской ветви матери — родом из Украины. Некоторые представители этих ветвей и сейчас проживают на Украине: в Житомирской, Кировоградской, Донецкой и Одесской областях.

Наши отношения с родственниками-украинцами не изменились и после политического кризиса на Украине 2013–2014 годов.

К сожалению, видется мы стали гораздо реже, но постоянно созваниваемся и общаемся через социальные сети. Когда в апреле 2014 года начались боевые действия на территории Донецкой и Луганской областей, я была поражена масштабом катастрофы, постигшей родину моих предков. Мне не верилось, что в нашем развитом обществе возможны такие варварские проявления борьбы власти со своим народом.

Нашу семью, как и многие другие, у которых есть украинские корни, не миновал разлад между родственниками на этой почве. Конечно же, большинство из них отрицательно относились и относятся ко всем событиям, постигшим народ Украины за последние три года, все едины во мнении о необходимости скорейшего прекращения военных действий на востоке Украины, люди устали от политического передела власти и мечтают лишь о налаживании мирной жизни. Хотя процентов 30 наших родственников винят Россию во всех бедах Украины. К счастью, острые политические споры всё реже и реже поднимаются в нашей семье, так как всем стало ясно, что проблему спорами разрешить невозможно, а разрушить тесные семейные связи очень даже легко. Поэтому наша родня из Украины старается не затрагивать острые темы во время семейных торжеств и не конфликтует с родственниками из России.

Многие украинские по происхождению родственники живут и в Прибалтике, и в Канаде, и в России: в Москве, Волгограде, Нижневартовске, Архангельске, Санкт-Петербурге. Но на семейные юбилеи стараются приехать все без исключения, чтобы увидеть друг друга, обнять и поделиться своими новостями.

Занимаясь историей рода и пытаясь осмыслить судьбы людей XX века, я поняла, что такие глобальные события века — Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней гражданская война совсем не отложились в памяти моих предков. Меня это очень удивило. Я пыталась понять: почему? Может быть, это связано с тем, что подавляющее большинство предков по социальному происхождению были небогатыми крестьянами? И революционные перемены открыли для них новые возможности: в получении бесплатного образования для детей, освоении новых специальностей (трактористы, водители)? Но почему совсем не осталось воспоминаний о гражданской войне? Ведь она затронула всех, не могла не затронуть? Остался только смутный эпизод о том, как житомирский мещанин Киприан Ватульев в сердцах сжег деньги, утратившие ценность в советское время. Может быть, современни-

ки событий не могли рассказать в советское время, как всё было на самом деле? Может быть, благодаря этому молчанию поколения, родившиеся после революции, принимали советский образ жизни со всеми провозглашаемыми ценностями, искренне трудились на благо страны, растили детей с надеждой на их и свое светлое будущее. А когда пришла Великая Отечественная война, все, кто мог, с оружием в руках отстаивали Родину, не жалея здоровья и жизни...

Мои предки, так или иначе, были участниками многих значительных исторических строек. Это и строительство Волжской ГЭС, и возрождение Донбасса, и восстановление Сталинграда.

Составляя родословную и собирая материалы к ней, я отмечала, что мои предки и по отцовской линии, и по материнской очень любят близких и дорожат семейными отношениями. Например, род Завадских настолько тесно поддерживает отношения внутри семьи (несмотря на значительные расстояния, которые отделяют их друг от друга), что о любом событии, случившемся с одним из нас, через несколько часов знает уже вся родня. Я знаю, что могу позвонить каждому родственнику с любой просьбой, и он обязательно поможет мне, поддержит в трудной ситуации или даст мудрый совет. Работа над родословной помогла мне глубже понять, насколько ценны и важны сплоченность, дружба и любовь внутри семьи. Меня переполняет гордость, когда я ощущаю свою причастность к нашему огромному роду!

Исследуя род Коробейниковых, я особенно часто с благодарностью вспоминала прабабушку Лидию и деда Виктора, от которых получила в наследство воспоминания. Они мне помогли выйти на архивные документы и убедиться, что мой интерес к генеалогии не случаен. Мои предки желали знать своих предшественников и хотели, чтобы и их имена знали потомки. И я благодарна им за это! Только теперь я понимаю, как быстротечно время, как быстро забываются факты недавнего прошлого, если кто-то не возьмет на себя труд записать их на бумагу.

нельзя забыть

«Нам об этом забывать нельзя»: Репрессии в судьбах жителей села Поливянского

Екатерина Путилина
школа № 29, с. Поливянка, Ростовская область
научный руководитель Татьяна Николаевна Балык

В нашей семье бережно хранят память об истории рода. Это и фотографии (самая старая из них относится к 1870 году), и предметы быта (свадебное платье моей прабабушки), и воспоминания, которые бережно сохранила и передала нам — своим детям, внукам и правнукам, моя бабушка Анна Иосифовна Путилина. Сейчас ей 92 года, но она, несмотря на преклонный возраст, многое помнит и рассказывает нам. Благодаря бабушке все внуки и правнуки знают свою родословную, любят слушать ее рассказы о прошлом нашего рода.

Моя бабушка — настоящий хранитель истории села. Она хорошо помнит войну и послевоенное время. Анна Иосифовна записала свои воспоминания и поделилась ими со школьным краеведческим музеем. Она — частый гость в школе. Все с большим интересом слушают ее рассказы о нашем селе Поливянке и его людях. Именно от бабушки в 13 лет я услышала трагическую историю своего прадедушки Иосифа Федотовича Галыгина. Тогда его трагическая судьба потрясла меня, захотелось узнать ещё больше об этом. Руководитель краеведческого кружка, в котором я занимаюсь уже несколько лет, мой интерес поддержала и помогла составить план поиска материала. Я задала себе вопрос: неужели мой прадедушка был единственным, кого арестовали в 30-х годах? Кто еще из жителей Поливянки пострадал в те годы?

В 30-х годах XX века в селе Поливянском Развиленского района Азово-Черноморского края было арестовано несколько десятков человек. Сегодня не только трудно установить фамилии репрессированных поливянцев, но и назвать точное количество арестованных и осужденных не представляется возможным. В ходе поисковой работы мне удалось выяснить несколько фамилий, и я связалась с оставшимися в живых родственниками, чтобы попытаться получить какую-либо информацию.

Первым человеком, открывшим страшный список невинно осужденных поливанцев, стал Архип Васильевич Воронков. О его судьбе я узнала из беседы с его невесткой Л. А. Воронковой. Она рассказала, что Архип Васильевич был спокойным и очень добрым человеком. В его семье воспитывалось пять детей. В колхозе им. Штейнгардта Архип Васильевич занимался валянием, то есть делал валенки. Увидев однажды беспризорного мальчишку, прибывшего к селу, скорее всего, из города, Воронков взял его к себе. Он не только кормил мальчика, но и стал приучать к ремеслу. Однако на него донесли, что он держит работника.

В 1935 году Архипа Васильевича арестовали и осудили на 3 года лагерных работ. Попал он в Омскую область, Тевризский район, деревню Усть-Туй. Работал в сельхозартели «За освоение Севера». Родные терпеливо ждали его возвращения, а жена, собрав с помощью родственников денег, поехала к нему в Сибирь.

Но 6 марта 1938 года Архип Васильевич был снова арестован и осужден 12 марта 1938 года тройкой при УНКВД по Омской области. Он был обвинен по статье 58-10, 58-11 УК РСФСР (Статья 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений». Статья 58-11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой...»)¹. Архип Васильевич Воронков был приговорен к расстрелу, который приведен в исполнение 21 марта 1938 года в поселке Тара. Он был реабилитирован 20 июня 1964 года президиумом Омского облсуда за отсутствием состава преступления.

Семье Архипа Васильевича пришлось очень тяжело. Но его сыновья выросли достойными людьми. Два его сына воевали на фронте, один из них, Андрей Архипович, геройски погиб.

О судьбе Петра Васильевича Воронкова, брата Архипа Васильевича, я узнала от его внука, который поделился с нами архивными документами и фотографиями.

¹ Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями на 1 июля 1938 г. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 27–32.

Петр Васильевич родился в 1894 году. С 1916 по 1918 год участвовал в Первой мировой войне, а позже попал к деникинцам, служил в Алексеевском полку рядовым. Из армии Деникина Петр Васильевич дезертировал и вернулся домой. Но через несколько месяцев (1920 г.) его арестовали за контрреволюционный саботаж продразвёрстки и осудили на 3 месяца исправительно-трудовых работ.

В 1929 году Петр Васильевич вновь был осужден на 1 месяц ИТР, а в 1931 году «арестован за саботаж госплатежей и осужден на 2 года»². В протоколе допроса я прочитала, что социальное положение П. В. Воронкова — «крестьянин-кулак». Только не совсем понятно, когда он успел стать кулаком? Отбыв наказание, он работал конюхом в колхозе им. Штейнгардта Поливанского сельсовета. У него была семья, в которой росли трое детей.

5 октября 1937 года Петр Васильевич вновь был арестован. В обвинительном заключении по делу Воронкова сказано: «Воронков вместе с кулаком Путилиным среди колхозников восхвалял и идеализировал врагов народа, расстрелянных фашистских шпионов и убийц Тухачевского, Якира и др. бандитов в контрреволюционных целях»³. Он был обвинен в контрреволюционной деятельности и осужден тройкой при УНКВД по Ростовской области 20 октября. Его расстреляли через несколько дней, 27 октября 1937 года.

Из документов, которые содержались в деле П. В. Воронкова, я узнала о том, что органы РО НКВД привлекли к оговору Петра Васильевича его земляков Лесного, Ермолова, Кандабарова, которые «дали письменные подтверждения о его контрреволюционной деятельности». Так Лесной письменно подтвердил, что Воронков «имел арендные участки земли, а также наёмную рабочую силу». В другом документе эти свидетели показывают, что «в сентябре 1936 года П. В. Воронков высказывал клевету по адресу тов. Сталина», «восхвалял среди колхозников врага народа, германского шпиона, диверсанта и шпиона Троцкого». Был составлен «меморандум о контрреволюционной деятельности кулака Воронкова В. П.», где записаны факты его «контрреволюционных» высказываний, указаны конкретные даты, начиная с 26 июня 1936 года.

Для семьи арест Петра Васильевича был очередным страшным потрясением. Но никто из близких не думал, что больше он

² Из протокола допроса П. В. Воронкова.

³ Из обвинительного заключения по следственному делу П. В. Воронкова.

не вернется. О том, что Петра Васильевича расстреляли, родные узнали лишь через несколько лет. В 1957 году его вдова Федора Григорьевна обратилась с заявлением в прокуратуру Ростовской области о пересмотре дела. В процессе пересмотра люди, оговорившие Воронкова, отказались от своих «свидетельств». Так в протесте и. о. прокурора Ростовской области государственного советника юстиции 3 класса Иванова указано, что «будучи передпрошенным при проверке дела в 1957 году свидетель Ермолов показал, что антисоветских выступлений он не слышал!» Из этого можно сделать вывод, что репрессивная машина не только физически уничтожала одних, но и калечила души других, которые из страха не могли выдержать давления и писали оговоры и доносы на односельчан.

В декабре 1957 года семья получила справку, в которой было написано: «Постановление тройки УНКВД по Азово-Черноморскому краю от 20 октября 1937 года в отношении Воронкова Петра Васильевича отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Воронков Петр Васильевич реабилитирован». Такие короткие строчки — но человека-то уже не вернешь.

Имя Ивана Мартыновича Безгодько, 1883 года рождения, тоже репрессированного в 1937 году, я нашла в Книге памяти Ростовской области, размещенной в интернете. Я обратилась за информацией об этом человеке к его родственникам. Сейчас в селе живут только правнуки. Они рассказали, что Иван Мартынович учился в церковно-приходской школе, окончил два класса. Во время Первую мировую войну ему не пришлось, так как он был хромым с детства. Когда в Поливанском были созданы колхозы, Иван Мартынович работал сторожем в колхозе «Новый путь». Старожилы села рассказывают, что около него всегда крутились чужие ребяташки: он мастерил им всякие свистульки. Правнуки Ивана Мартыновича знали, что прадед их был арестован, но не знают, по какой причине. Старшие никогда об этом не говорили. Из электронной Книги Памяти я выяснила, что арестовали Ивана Мартыновича Безгодько 7 октября 1937 года, 20 октября Тройкой при УНКВД был вынесен приговор — он был обвинен в контрреволюционной деятельности, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 27 октября 1937 года в один день с Петром Васильевичем Воронковым.

В. Воронков (в центре)

И. Ф. Галыгин
(второй слева)

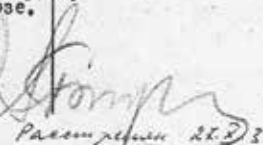

П. В. Воронков

Выписка
из протокола
заседания
тройки УНКВД
по делу
П. В. Воронкова

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
Тройки УНКВД по Аз.-Черн. Краю
От . . . 20 октября 1937 г.

20

С Л У Ш А Л И:	П О С Т А Н О В И Л И:
<p>205.-</p> <p>Дело Сальской Сп. Пр. ЧУВЕ № 27236 по обвинению ВОРОНКОВА Петра Васильевича, 1894 г.р. урож. и жителя с. Подивлянского, Развиленск. р-на РО, бывш. кулака, белоохранца трижды судимого пр. СССР, с/п. до ареста колхозника.</p> <p>Обвиняется в том что среди колхозников вел к-р террористич. агитацию, восхвалял врагов народа, вел разложеч. работу в колхозе.</p> <p>(Докл. тов. "рошунин").</p> <p style="text-align: center;"></p> <p style="text-align: center;">Верно: Секретарь Тройки</p>	<p>ВОРОНКОВА Петра Васильевича -</p> <p>РАССТРЕЛЯТЬ с концами цели лично принадлежа- щего немецкого.</p> <p style="text-align: center;"> Расстрелян 22.10.37.</p>

УТВЕРЖДАЮ:

Нач. Сальской
Спецгруппы УНКВД
Ст.-лейтенант Гос-
безопасности

18
По делу от обвинителя по делу №.....
по обвинению ЗОРНИКОВА Петра
Васильевича

Б И С К

..... 1937 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Нач. Развильевского РО НКВД Мл.-лейтенант Госбе-
зопасности ПРОПУНИН, рассмотрел 11 октября 1937 г. следдело, по
обвинению ЗОРНИКОВА Петра Васильевича 1894 г. уроженец и житель

с. Покаянского, Развильевского района, Ростовской Н/Д
области, русский, г.р. СССР, видовой колхозник, женат, 6 и
грамотный КУЛАК-ЗЕМЛОВАР, ДЕНЕЖНИК, ТРИДЦАТЬ СУДЕМ;
1920 г. за саботаж продовольственную на 8 м-ца ИТР,
1929 г. по ст. 112 УК на 1 м-ц ИТР и в 1931 году за са-
ботаж госпоставки на 2 года.

УСТАНОВИЛ СЛЕДУЮЩЕЕ:

ЗОРНИКОВ П.В. активный к-р, боролся против диктатуры про-
летариата в годы гражданской войны, с момента разгрома белогвар-
дейщины и ликвидации фронтов, активную роль борю в мирных усло-
виях против Советской власти, по делу ареста /д.д. 14, 14 об. 2/

В книге с.г. ЗОРНИКОВ П.В. совместно с кулаками ШТИЛИНЫМ
среди колхозников восстал и идеализировал врагов народа, рас-
стрелянных капиталистических шпионов и убийц Тухачевского, Якира и др.
бандитов, одно время осуждал в к-р целях, внесенного приговора
/д.д. 4, 4 об. 6, 15 об./

ЗОРНИКОВ П.В. будучи не примиримым к-р высказывал к-р
террористические настроения по отношению к жене ЗИД' и Соле-
тского правительства /д.д. 6, 7, 15 об./ Кроме этого агитировал
к-р разложенческую агитацию в колхозе /д.д. 15/

ЗОРНИКОВ П.В. виновным себя признал, в силу этого.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е:

Следдело по обвинению ЗОРНИКОВА П.В. направить для рас-
смотрения тройки УНКВД Ростовской Н/Д области.

Нач. Развильевского РО НКВД
Мл.-лейтенант Госбезопасности

Пропунин
Пропунин

СИЛАЗКА: ЗОРНИКОВ П.В. арестован 5/10-37 года и содержится
под стражей там в тюрьме Ст. Пролетарской.

Нач. Развильевского РО НКВД
Мл.-лейтенант Госбезопасности

Пропунин
Пропунин

ПРОКУРАТУРА
Российской Федерации

ПРОКУРАТУРА
Ростовской области

344021, г. Ростов-на-Дону,
ул. Социалистическая, 164/35

СПРАВКА о РЕАБИЛИТАЦИИ

26. 06.95 № 13-959-95

На № _____ от _____

Дело по обвинению Галыгина Иосифа Федотовича, 1903 года рождения, уроженца с. Поливянское, Развилинского района, Ростовской области, русского, до ареста 11 июля 1938 года проживавшего по месту рождения и работавшего в колхозе "Новый путь" хлеборобом, пересмотрено.

Постановление тройки УНКВД по Ростовской области от 26 июля 1938 года, по которому он нес обоснованно был признан виновным в проведении контрреволюционной деятельности и подвергнут расстрелу с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества, на основании ст. I Указа ПВС СССР от 16 января 1989 года "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов", отменено и дело о нем производством прекращено 29 июня 1989 года прокуратурой Ростовской области.

Галыгин Иосиф Федотович реабилитирован.

А.А.
прокурор Ростовской области
государственный советник юстиции
2 класса

А.А.Посиделов

Все аресты происходили тайно, ночью, когда люди отдыхали, не подозревая о грядущей беде.

Мой прадед, Иосиф Федотович Галыгин, тоже был арестован такой же ночью. Об этом хорошо помнит его дочь, моя бабушка, Анна Иосифовна Путилина. Иосиф Федотович родился в 1903 году в семье Федота Федоровича Галыгина и Пелагеи Агафоновны. У них было четыре сына (Иосиф, Павел, Михаил, Петр) и пять дочерей (Ульяна, Прасковья, Нина, Любовь, Мария). Кроме того, в семье жили тети и дяди. Жили не богато и не бедно — «средняки», как их называли в селе. У Галыгиных было свое небольшое хозяйство: три коровы, четыре быка, шесть лошадей, около 30 овец, птица.

В Гражданскую войну Иосиф Федотович вместе с другими поливьянцами воевал в Красной Армии, участвовал в боях под Лежанкой. В 1924 году женился на Пелагее Степановне Криушечевой, которая была на год моложе его. Ее отец был служащим, значит, получал стабильный доход. В молодой семье родилось пятеро детей, но выжили только две старшие дочери, двойняшки Анна и Ольга, которые родились в 1926 году.

Когда начали создавать колхозы, Иосиф Федотович вступил в колхоз «Новый путь» (на территории Поливянского сельсовета было создано 5 колхозов). В 1931 году его направили учиться в Новочеркасск на агронома-садовода. После окончания учебы работал в колхозе «Новый путь» и руководил посадками лесополос. В 1933 году Пелагея Степановна умерла, и в 1935 году Иосиф Федотович женился во второй раз: подрастающим дочерям нужна была хозяйка в доме.

В 1938 году на колхозном собрании, которое проходило в начальной школе, Иосифа Федотовича выдвинули в президиум. Но он, будучи очень скромным и стеснительным, отказался занять это место. А на следующий день, около 4 часов утра, когда вся семья спала, из района приехала машина, которую все называли «черный ворон». Его дочь, Анна Иосифовна, вспоминает, как раздался страшный стук в дверь и в хату ворвались трое вооруженных людей. Они заломили руки полуодетому Иосифу Федотовичу, который растерянно смотрел, ничего не понимая. Двое обыскали вещи в сундуках, забрали все документы, фотографии, личные вещи хозяина. Потом поволокли Иосифа Федотовича на улицу, бросили в машину и увезли в тюрьму в село Развильное. Он находился там три дня, а затем был перевезен в Ростов.

О его судьбе родные ничего не знали, а спрашивать никого было нельзя, потому что все понимали, чем это может обернуться. После войны его дочери написали запрос в Москву, на который пришел ответ, что их отец не числится ни в живых, ни в мертвых.

В 1995 году его дочь Анна вновь сделала запрос в прокуратуру Ростовской области. Через несколько месяцев она получила справку о реабилитации. В ней было указано, что ее отец был репрессирован по постановлению тройки УНКВД по Ростовской области «за проведение контрреволюционной деятельности и приговорен к расстрелу с конфискацией лично ему принадлежавшего имущества». Там же сообщалось, что дело по обвинению Иосифа Федотовича Галыгина, 1903 года рождения, уроженца с. Поливянское, Развиленского района, Ростовской области, русского, до ареста 11 июля 1938 г. проживавшего по месту рождения и работавшего в колхозе «Новый путь» хлеборобом, пересмотрено и прекращено 29 июня 1989 года. Он реабилитирован на основании ст. 1 Указа ПВС СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

В память о моем прадеде Иосифе Федотовиче Галыгине остались только три справки, полученные в 1995 и 2002 годах и одна фотография, на которой он запечатлен вместе с другими красноармейцами-односельчанами. Она нашлась случайно в семье родственников.

Трагически сложилась судьба еще одной поливянской семьи — Клименко. Мне удалось встретиться с Анастасией Карповной и Евдокией Карповной. Анастасия Карповна рассказала о своей жизни и жизни близких.

В их семье было трое детей: сын Иван и дочери Евдокия и Анастасия. Отец, Карп Иванович, держал семью в строгости, детей воспитывал в вере и преданности богу. В колхоз не вступали, жили обособленно на Вершине, самой крайней улице села. Отец умер в 1933 году. Мать работала на людей. Дети нанимались на поденную работу к людям. Иван читал молитвы, все строго придерживались веры. В 1939 году был арестован Иван и осужден органами УНКВД за то, что не хотел отречься от церкви. Его сослали в Сибирь, в Томскую область, на 5 лет, а провел он в лагерях 8 лет. После войны, осенью 1945-го, была арестована Анастасия и приговорена к 3 годам лагерных работ. Попала она тоже в Томскую

область и в тот же район, где отбывал срок старший брат. Анастасия мечтала встретиться с ним, но этого так и не получилось. Вместо 3 лет Анастасия провела в лагерях 6 лет. Вернувшись из ссылки, Иван Клименко забрал всю семью и уехал в Крученую Балку, где впоследствии и умер. А Анастасия вернулась лишь в 1951 году. Матери уже не было в живых. Замуж Анастасия так и не вышла. Еще до войны за ней ухаживал Владимир Худяков, тоже верующий. Его арестовали и приговорили к 5 годам лагерей, а отбывать пришлось 8 лет. Вернувшись, он болел несколько лет и умер.

Евдокия вышла замуж, овдовела. Детей у нее не было и она вернулась в Поливянское. Сестры Анастасия и Евдокия, которых все называли «богомолками», «единоличниками», стали жить вместе. У этих женщин не было никаких документов, а когда председатель сельсовета предложил оформить паспорта, они отказались. Пенсию они тоже никогда не получали. Долгие годы Анастасия и Евдокия нанимались на поденную работу, люди платили продуктами и вещами: денег сестры не брали. Анастасия была «читакой», т. е. читала молитвы и отпевала покойников, поэтому ее часто звали в дома, куда приходило горе, платили тоже продуктами. Сейчас Евдокии 92 года, а Анастасии 88 лет. В маленькой хатёнке несколько икон, старинная Библия и Евангелие. Женщины очень одиноки и больны. Им помогают соседи, да раз в месяц приезжает из Ростова-на-Дону племянник Николай. Я слушала рассказ Анастасии Карповны и удивлялась какой-то ее смиренности. Она ни на кого не обижается, никого не винит в том, что так трагически сложилась их жизнь. Говорит, что, наверное, так Богу угодно проверить стойкость их веры.

Об Иване Максимовиче Мизюкове мне рассказала его племянница Мария Федоровна Толстая. Он родился в 1909 году, получил 3 класса образования. Когда были организованы колхозы в Поливянском сельсовете, он был назначен бригадиром одной из бригад в колхозе «Новый путь». Во время войны, когда село оккупировали фашисты, Ивана Максимовича заставили работать тоже бригадиром. Но, по словам односельчан, он ничего плохого не сделал, а старался помочь людям. После освобождения района от фашистов Иван Максимович был арестован. Приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 28 февраля 1943 года, обвинен по ст. 58-3 УК РСФСР. Ивана Максимовича на 8 лет отправили в лагерь, который находился в Коми АССР.

После освобождения приезжал в село погостить, но очень переживал, стыдился того, что сидел. Уезжал всегда со слезами.

Реабилитирован Иван Максимович 11 февраля 2004 года.

Пострадал от репрессий и Иван Петрович Путилин, 1900 года рождения. Воевал в Красной Армии, потом активно участвовал в создании колхозов. В 30-х годах в колхозе «Новый путь» был назначен бригадиром. Лошадей согнали в базы, а корма не заготовили, поэтому кормить было нечем. Дождь со снегом, пустые кормушки сделали свое дело: начался падеж лошадей. Ивана Петровича арестовали и посадили на 10 лет. Домой он не вернулся, умер в лагерях в Иркутской области.

Наталья Никитична Мизюкова родилась в 1896 году в с. Поливянском. Ее муж служил в царской армии, участвовал в Первой мировой войне. После революции бежал за границу, в Венгрию. Жену бросил в России. Наталью Никитичну арестовали. Она была приговорена Особым совещанием при НКВД СССР 31 марта 1940 года. Приговор: высылка в Красноярский край на 3 года. После войны Наталья Никитична вернулась домой, вышла замуж, родила детей. В 1995 году она была реабилитирована.

В ходе поисковой работы мне удалось составить список жертв политических репрессий из моего родного села Поливянского:

Безгодько Иван Мартынович
Воронков Архип Васильевич
Воронков Петр Васильевич
Галыгин Емельян
Галыгин Иосиф Федотович
Галыгин Михаил Фёдорович
Галыгин Петр Гаврилович
Ермолов Захар Лаврентьевич
Клименко Иван Карпович
Клименко Анастасия Карповна
Кандабаров Иван Иванович
Куриленко Тимофей Илларионович
Мизюкова Наталья Никитична
Мизюков Иван Максимович
Неживой Семён Максимович

«Нам об этом забывать нельзя»

Путилин Никита Григорьевич
Путилин Иван Дмитриевич
Худяков Владимир Иванович

Я уверена, что это далеко не полный список арестованных, расстрелянных и высланных поливянцев. Надеюсь, что работа будет продолжена и судьбы моих земляков станут известны не только их родственникам, но и односельчанам.

* * *

Проведя исследования, я изучила историю жизни односельчан, подвергшихся политическим репрессиям, узнала много неизвестных ранее фактов, в том числе из жизни моего прадедушки. Самое важное открытие для меня — это то, что мой прадед Иосиф Федотович Галыгин был расстрелян без оснований, не совершив никаких преступлений. Точно так же, без всякой вины были расстреляны или сосланы многие поливянцы. Родственники некоторых репрессированных были счастливы получить справку о реабилитации своих мужей, отцов, дедов: ведь теперь никто не посмотрит на них с осуждением. Но в то же время каким страшным потрясением для них стали строки о том, что их близкие пострадали несправедливо. Я узнала, что такая же участь постигла миллионы людей в 30-е — 50-е годы XX столетия, в период политических репрессий.

Я уверена, что записанные мною воспоминания, найденные документы и фотографии имеют большую ценность, так как это живые свидетельства людей, переживших тяжелый этап в жизни страны. Материалы переданы в районный краеведческий музей, а в нашем школьном музее оформлен стенд «Мы не забыли», рассказывающий о репрессированных жителях села Поливянского.

Не стоит село без праведника: Страницы жизни М. Н. Басова

Владимир Сынков

школа № 4, г. Вельск, Архангельская область

научный руководитель Алла Петровна Загоскина

В 2012 году моя семья приняла решение съездить на родину наших предков — в Вологодскую область, деревню Наумовскую (около 100 км от Тарноги). Еще до поездки мы знали о том, что сохранился дом, в котором проживал мой прадед Михаил Никонорович Басов с семьей. В этом доме родилась и моя бабушка — Галина Михайловна Афанасьева. Житель этой деревни Александр Николаевич Угрюмов, рассказал нам, что во время перестройки дома были обнаружены записные книжки М. Н. Басова, и теперь они находятся в фондах краеведческого музея села Тарнога. Записные книжки прадеда меня очень заинтересовали.

Эта работа написана на материале архивных документов, бесед с жителями деревни Наумовская и воспоминаний моей бабушки, Г. М. Афанасьевой, и мамы, В. А. Афанасьевой.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мой прадед, Михаил Никонорович Басов, родился 13 октября 1887 года в деревне Петровская Вельского уезда Вологодской губернии в многодетной крестьянской семье. После окончания Пежемской начальной школы Михаил поступил в Тотемскую учительскую семинарию. В 1907 году, после семинарии, он был направлен в деревню Наумовская.

10 лет М. Н. Басов посвятил тому, что учил и воспитывал сельских детей. Думаю, что прадед в своей профессии был человеком не случайным. Видно, что он тщательно готовился к учебным занятиям, используя при этом различные методики обучения. Залог успеха своей работы видел в использовании индивидуального подхода к каждому ребенку. Главными составляющими своей успешной работы прадед видел в том, что учитель должен любить, понимать детей и прислушиваться к ним. Вот что по этому поводу пишет прадед в своих записях: «внимательно присматриваться к ребенку...» Он придает большое значение детской самостоятельности: «чтение должно быть громким, правильным. Переучивать

детей говорить так, как интеллигентная Москва, нет возможности и добиваться этого было бы бессмысленно. Научить сознательно относиться к читаемому».

К каждому ребенку он старался относиться нестандартно, с учетом индивидуальных особенностей личности, пытался развивать детей по интересам. Вовлекал всех в учебный процесс, добивался, чтобы дети думали и делали свои выводы, что способствовало развитию свободной, развивающейся личности.

Из записной книжки: «Учитель должен выбрать ближайшее к истине, а никак не свое, чтобы у учеников было больше бодрости и уверенности в работе. Путем объяснения чтения мы должны добиваться, чтобы дети самостоятельно могли извлекать из книг всё, что дает она каждому образованному человеку. Отсюда важность библиотек при училищах. Необходимо организовывать внеклассное чтение. Для этого некоторые статьи дети прочитывают дома и на следующий день учитель беседует с детьми о прочитанных статьях. Нужно раньше вести детей к книжкам».

Большое значение прадед уделял изучению истории. Известно, что народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего. Это было очевидно и для прадеда.

Из записной книжки: «Человек не должен обойтись без исторических знаний. Запоминание истории, именно хронология истории собственно способствует развитию памяти только специальной. Способствует развитию воображения». Дальше прадед указывает: «Первые уроки истории должны познакомить учеников с прошлым истории того места, где находится школа. Нужно связывать курсы истории с курсом родоноведения. <...> Результативно было бы введение в курс начальной школы обязательного преподавания истории».

Мне очень понятны эти записи о преподавании истории в школе, я абсолютно с ними согласен, потому что нельзя стать настоящим гражданином, не зная своей малой и большой Родины.

Когда Михаил Никонорович стал учителем, территория Намовского земского начального училища значительно преобразилась — были посажены липовая аллея и фруктовый сад. Жительница Нижнего Спаса Мария Осиповна Шаманина, 1922 года рождения, рассказала, что липовая аллея до сих пор жива, в саду растут яблони-дички (культурные выродились).

Прадед был человеком разносторонне развитым и всегда стремился к расширению познаний, любил архитектуру и живо-

пись. Будучи в Вологде, Ярославле, Москве сразу после окончания учительской семинарии, он старался как можно полнее изучить достопримечательности этих городов, посетил много экскурсий. Как видно из его записей, полученная информация приносила ему огромное удовлетворение: «Пошли осматривать церковь Христа Спасителя. <...> Внутри храм поражает своей красотой и грандиозностью, пол сделан из мрамора. Стены тоже покрыты разноцветным мрамором. Вообще в храме очень хорошо. Храм этот в худом городишке мог бы подавить своей грандиозностью, но в Москве среди тоже громадных зданий он все-таки показывается очень большим». Безусловно, Москва была для него одним из самых сильных впечатлений. В записной книжке он подробно описывает то, что ему удалось узнать при посещении Исторического и Геологического музеев, картинной галереи Румянцевского музея, Третьяковской галереи. Мне кажется, что прадед, столь подробно фиксируя увиденное и услышанное во время проведенных экскурсий, пытался таким способом сохранить полученную информацию, с тем чтобы «донести» ее в деталях до своих земляков. Ведь для сельских жителей в 1907 году экскурсионная поездка в Москву вряд ли была по карману, а других доступных информационных средств было явно недостаточно. Широта интересов моего прадеда огромна, но самое главное в том, что всеми своими знаниями он делился с односельчанами, помогая им стать образованнее и культурнее.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С 1915 года Михаил Никонорович Басов являлся членом Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края. Общество активно занималось исследованием истории, культуры, экономики и географии Русского Севера. Проводилась просветительская и воспитательная работа. Для этого организовывались экскурсии, лекции, доклады и сообщения членов общества не только в самой Вологде, но и в уездных городах губернии.

Предположительно, что именно в этот период времени, в 1914–1917 годах, прадед помимо учительской занимался общественной деятельностью. Из перечисления посещенных волостей видно, как много он ездил: Вожбалская, Куракинская, Мосеевская, Погореловская, Устьпеченгская, Никольская, Трофимовская, Фетишинская, Бережнослободская, Шевденицкая, Долговицкая, Бро-

довская, Юркинская, Харинская, Миньковская, Спасская. Прадед активно занимался общественной жизнью села, вопросами его преобразования. Старался принимать деятельное участие в судьбах нуждающихся. Вот подтверждающая запись: «Справиться в попечительстве, почему долго нет пособия матери призванного Ивана Осиповича Попова».

В ходе проводимых проверок прадед принимал все возможные меры для того, чтобы устранить те нарушения, которые он выявлял. Так, он записывает: «Сходов было три. Смета не составлена. Вообще всё счетоводство и делопроизводство почти не велось. Повинности не собирались и раскладки не делалось. Приговоров еще не представлено из Куракинского волостного правления». Далее прадед пишет: «Комитет работает плохо и жалованья получает мало. Милиционер плохо исполняет обязанности и берет взятки. Вожбальская волость». Наряду с вопросами сельского хозяйства прадеда волновали задачи образования и самообразования. Есть запись: «д. Расловская Юркинской волости. Нужно открыть земскую школу».

Однако не всегда удавалось выполнить задуманное, добиться желаемых результатов. Отсюда и чувства неудовлетворенности и разочарования: «Надоело ездить. Очень хочется убраться опять в Кокшеньгу и заняться пчеловодством. Чувствую себя беспокойно. Долго ли так протяну. Главное чувствую везде себя чужим».

Понимая, что общественная работа уже не приносит ему удовлетворения, в марте 1917 года прадед оставил школу на попечение другого учителя и выехал в город Тотьма. Его душа рвалась к земле, к конкретным делам. Прадеда и раньше интересовали вопросы пчеловодства, агрономии и селекции. Хотелось многое освоить и внедрить в производство, но не хватало конкретных знаний, навыков, опыта. Требовались консультации специалистов, без которых выполнить поставленные задачи было просто невозможно. Так он познакомился с преподавателем ботаники Вологодского молочно-хозяйственного института Николаем Васильевичем Ильинским.

Но это имело и другие серьезные последствия. Ильинский занимался политической деятельностью и склонил прадеда к вступлению в члены партии социалистов-революционеров.

Решение оказалось непростым. Из записей видно, что прадед много читал, изучал различные документы политического характера, размышлял о роли и месте партии в жизни человека и обще-

ства, взвешивал все «за» и «против» прежде чем принять окончательное решение. Вот записи: «Для чего нужно объединяться в партии? Как смотрят на партийность у нас ранее и отчасти теперь. Опасность от нашей неподготовленности к вступлению в партии и выборы в Учредительное Собрание. Наконец если граждане не могут найти для себя партии, которая совпадет с его убеждениями, то придется всё же объединяться в партию беспартийных <ых>. Устраивая собрания члены партии воспитывают себя». Далее прадед размышляет о народных социалистах: «Кто такие народные социалисты. Для чего новая партия. Какова ближайшая задача н.с. Ведь идеал еще далек от осуществления».

Партия социалистов-революционеров занимала одно из ведущих мест в системе российских политических партий. В короткий срок после Февральской революции она превратилась в крупнейшую политическую силу. Эсеры были сторонниками демократического социализма, то есть хозяйственной и политической демократии. Оригинальность эсеровского социализма заключалась в теории социализации земледелия, состоявшей в том, что социализм в России должен начать произрастать раньше всего в деревне. Почвой для него, его предварительной стадией, должна была стать социализация земли, превращение ее в общенародное достояние. Политическая демократия и социализация земли были основными требованиями эсеровской программы-минимум.

Видимо, эти идеи были близки и понятны моему прадеду, который многие годы жил и работал в селе и являлся активным сторонником преобразования деревни, ее укрепления и развития. Для прадеда было очевидно, что создание сильного и независимого государства невозможно без укрепления деревни, ликвидации ее отсталости и бедности.

В период выборов в Учредительное собрание Тотемское бюро партии эсеров выдвинуло прадеда в качестве кандидата в депутаты. Большинство избирателей Спасской волости (по месту прежней работы) отдали свои голоса за тот список кандидатов, в который он был внесен. Однако даже при такой поддержке земляков прадед не набрал нужного количества голосов и в состав Учредительного собрания не попал.

Партийная деятельность также не увлекла его надолго, учитывая и то, что свои программные требования партия эсеров реализовать не сумела. Период пребывания его в членах партии социал-революционеров был непродолжительный и составлял менее года,

Михаил Никанорович Басов

Выпускники Тотемской учительской семинарии
(М. Н. Басов 4 справа в 1 ряду), июнь 1907

Михаил Никанорович
с женой Анной
Александровной
в липовом саду.
Деревня Наумовская

М. Н. Басов
среди спасской
интеллигенции,
1 справа во втором ряду

Не стоит село без праведника

с мая 1917 по январь 1918 года. Эти сведения получены мною из протокола допроса обвиняемого М. Н. Басова от 14 октября 1937 года (уголовное дело № 6269).

ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС МИХАИЛА НИКОНОРОВИЧА БАСОВА — УЛУЧШЕНИЕ ЖИЗНИ СЕЛЬЧАН И ЗАБОТА О ЗЕМЛЕ

Деятельная натура моего прадеда не знала покоя. После выхода из членов партии все силы он обратил на хозяйственную работу: занимался пчеловодством, агрономией, другими сельскохозяйственными вопросами.

Интерес к пчеловодству был огромен. Прадед много читал, общался с коллегами, участвовал в работе семинаров и совещаний по пчеловодству. Полученные знания использовал в практической работе. Охотно делился с другими своими наблюдениями, экспериментами, приобретенными навыками. Много ездил по Вологодчине, агитировал население заниматься пчеловодством. Пчеловодство стало частью жизни прадеда, его второй профессией.

В 1927–1929 годах советское руководство разработало комплекс мероприятий по переходу к сплошной коллективизации сельского хозяйства. Весной 1929 года Наркомземом и Колхозцентром РСФСР был подготовлен проект пятилетнего плана по коллективизации крестьянских хозяйств, согласно которому к 1933 году предполагалось объединить в колхозах 1,1 млн хозяйств. Намечаемые высокие темпы коллективизации предполагали (ввиду неподготовленности как основных масс крестьянства, так и материально-технической базы сельского хозяйства) такие методы и средства воздействия, которые вынуждали бы крестьян вступать в колхозы. Такими средствами являлись увеличение налогов на единоличников, усиление репрессивных методов воздействия на крестьянство и в первую очередь на его зажиточную часть.

Складывающаяся обстановка не оставляла прадеду никакого выбора — в 1930 году он вступил в колхоз «Гигант», при этом передал колхозу 50 ульев. Однако методы организации и хозяйствования в колхозе прадед разделял не по всем позициям. Форма добровольно-принудительного объединения колхозов собрала под одну «крышу» работников, среди которых было немало нерадивых, ленивых и безответственных людей. Соответственно и трудовой вклад колхозников был далеко не одинаков. В то же время распределение результатов труда определялось общим собранием

участников колхоза, без учета личного вклада каждого, что прадед считал несправедливым. Возможно поэтому моя прабабушка Анна Александровна Басова продолжала заниматься личным хозяйством. Работа в колхозе налаживалась медленно, мероприятия по развитию пчеловодства, предлагаемые прадедом, тормозились. Фактически пчеловодство в колхозе разваливалось. Всё это не устраивало прадеда. Из материалов его уголовного дела (допрос обвиняемого) я узнал, что в 1936 году прадед находился в поиске другого места работы, намеревался трудоустроиться в Молочно-хозяйственный институт в городе Вологда. Однако судьба распорядилась иначе.

Работа хозяйственника требовала определенных знаний в сфере экономики. Видимо, имеющихся знаний по этим вопросам прадеду не хватало. Не случайно в своей записной книжке он пишет: «На Земское Собрание внести предложение, чтобы в Учительской Семинарии преподавали кооперацию и счетоводство».

В 1937 года он с семьей переехал в город Вельск и одновременно окончил курсы бухгалтеров.

СЛЕДСТВИЕ, ПРИГОВОР, РЕАБИЛИТАЦИЯ

Уже на новом месте жительства, в Вельске, 17 сентября 1937 года Михаила Никоноровича арестовали по подозрению в «антисоветской агитации и террористических намерениях». Уверен, что прадеду, все дела и помыслы которого были направлены на преобразование и улучшение окружающей его жизни, арест казался страшной ошибкой. Предъявленное обвинение настолько не соответствовало его жизненным принципам и правилам, что вряд ли могло уложиться в его сознании. Как это следует из материалов уголовного дела, прадед давал показания по существу обвинения, представлял доказательства своей невиновности. Он и предполагать тогда не мог, что его доводы для органов следствия не имеют никакого значения и учитываться не будут. Следствие проводилось по установленной процедуре только с обвинительным уклоном и заранее известному результату: найти и обезвредить «врагов народа». Вот под эту акцию, организованную государством, и попал мой прадед. Несмотря на отсутствие объективных доказательств вины Михаила Никоноровича Басова в преступной деятельности, его признали виновным в контрреволюционной деятельности и антисоветской пропаганде.

Не стоит село без праведника

Оказавшись заложником судебно-следственного произвола, прадед не дрогнул, не сломался, отверг все ложные и клеветнические измышления.

4 декабря 1937 года Михаил Никонорович Басов был приговорен к высшей мере наказания по решению тройки НКВД при Вологодской области, 15 февраля 1938 года приговор приведен в исполнение.

В 1956 году по жалобе сестры М. Н. Басова Ю. Н. Цывелевой производство по уголовному делу было возобновлено и проведено дополнительное расследование, в ходе которого были передопрощены свидетели. Расследование показало: «Дополнительной проверкой установлено, что следствие по делу в 1937 году проведено необъективно. К моменту ареста Басова объективных доказательств, подтверждающих преступную деятельность в распоряжении следствия не было. По существу показаний свидетелей Басов не допрашивался, очных ставок не проводилось».

12 марта 1957 года Военным трибуналом Северного военного округа Басов Михаил Никонорович был реабилитирован, уголовное дело в отношении его прекращено за отсутствием состава преступления.

* * *

Короткую, но яркую, интересную и насыщенную жизнь прожил мой прадед. У него стало трое детей, которые всегда гордились своим отцом.

В далеком 1937 году с Тарногской земли Михаил Никонорович Басов в разобранном виде перевез дом. Он планировал восстановить дом в Вельске, сделать его пригодным для постоянного проживания большой и дружной семьи Басовых. Строительство дома целиком легло на плечи моей прабабушки Анны Александровны Басовой. Этот дом под № 19 по улице Пушкина в городе Вельске сохранен и сегодня. И я считаю, что указанный адрес по праву является последним адресом моего прадеда.

После опубликования Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» в 1994 году моя бабушка Галина Михайловна Афанасьева обратилась в суд с исковым заявлением к органам КГБ о взыскании материального и морального вреда за незаконное осуждение своего отца Михаила Никоноровича Басова. Окончательного судебного решения по делу так и не было принято. По-

видимому, судебные органы до сих пор не могут оценить масштабы причиненного вреда отдельным гражданам своей Родины, а также экономического ущерба, нанесенного государству. Да и вряд ли подлежит материальной оценке массовое истребление собственного народа, постоянный страх членов семей репрессированных, их боль и страдания.

Можем ли мы сегодня перечеркнуть или закрыть, предать забвению истинные страницы истории? Жизнь, будущее не простят этого, потому что в лавину террора 30-х — 50-х годов попадали лучшие, достойнейшие люди. Пример тому — жизнь и преданное служение своему народу моего прадеда Михаила Никоноровича Басова.

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

Екатерина Гречко, Яна Зимовская, Екатерина Майорова
школа, д. Верхняя Троица, Тверская область
научный руководитель Наталия Александровна Чижова

*Всем, безвинно расстрелян-
ным, погибшим и выжив-
шим в годы сталинских ре-
прессий, посвящается*

Наш рассказ — это трагическая история Александры Ивановны Березиной, жертвы политических репрессий, имя которой занесено в Книгу памяти жертв политических репрессий Калининской области. Александра Ивановна Березина, уроженка деревни Филитово Кашинского района Тверской области, была арестована в 1939 году, осуждена по ст. 58-14 УК РСФСР («контрреволюционный саботаж») и приговорена к 10 годам лишения свободы. Из мест заключения она не вернулась. На протяжении многих лет родственники А. И. Березиной пытались узнать о ее судьбе, причинах ареста, месте отбывания наказания. Что-то удалось выяснить по отрывочным воспоминаниям ее детей, но узнать *все* не удавалось. Это постарались сделать мы — правнучка А. И. Березиной Наталия Александровна Чижова, руководитель нашей исследовательской деятельности, и мы, авторы этой работы.

«ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ...»

Александра Ивановна Березина родилась в 1896 году в селе Савцыно Кашинского района Тверской области.

Судьба Александры трагична. Она стала одной из тех, кто попал в жернова политических репрессий и кого эти жернова безжалостно перемололи, как перемололи они тысячи ни в чем неповинных людей.

После революции, скорее всего в 1918 году, Александра вышла замуж за Александра Матвеевича Березина, 1889 г. р. Вскоре у них родился мальчик-первенец, который умер во младенчестве. Затем родились дети: Клавдия (р. 31.03.1921), Евдокия

(р. 15.03.1923), Анна (р. 08.12.1925), Василий (р. 15.04.1930), Николай (р. 08.05.1932).

О жизни Александры Ивановны до ареста известно немного. Скорее всего, она была такой же, как и у многих жителей довоенной деревни. В 30-е годы началась коллективизация, Александра Ивановна и Александр Матвеевич Березины отказались вступать в колхоз, оставшись крестьянами-единоличниками. К началу 1-й пятилетки (1928 г.) в сельском хозяйстве преобладали именно такие мелкие единоличные крестьянские хозяйства (до 25 млн хозяйств).

Кто такой «единоличник»? Единоличник — это крестьянин, не вступивший в колхоз, живущий самостоятельно, ведущий свое хозяйство, не получающий ни финансовой, ни технической помощи от государства, вообще мало от него зависящий. Единоличные хозяйства сами обеспечивали себя продовольствием, сырьем для пошива одежды и обуви, сами ткали и шили обувь, сами строили, производили хозяйственный инвентарь.

Крестьянин, не пожелавший вступить в колхоз, был для советской власти как бельмо на глазу. Он никак не вписывался в большевистскую модель социалистического хозяйства. И потому его следовало выкорчевать, уничтожить, загнать в колхоз. Как только советская власть ни измывалась над ним, всячески третировала, душила повышенными налогами и твердыми заданиями по сдаче государству зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, сена, соломы и т. д., принуждала весной-летом-осенью работать в колхозе. Когда единоличнику свой участок пахать, сеять, убирать, ухаживать за скотом.

Из воспоминаний сына и дочери Александры Ивановны Василия и Евдокии: «Жили очень плохо. Отец покупал овец, чтобы заплатить налог с единоличников. Однажды уже после ареста мамы пришли за налогом. В доме было нечего брать — гольтьба. Пошли в сельник, увидели приличную женскую пальтушку и еще что-то. Всё забрали. Мяса мы не видели...»

Отказ вступить в колхоз, ведение единоличного хозяйства — это, на наш взгляд, стало первой причиной конфликта между Александрой Ивановной и советской властью. Первой, но не единственной.

Александра Ивановна была верующим человеком. Вспоминает сын Василий: «Мама всё время сидела на печи и читала Библию без обложки». По данным переписи 1937 года, в СССР верующих

среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих, и получалось, что в стране «воинствующего атеизма» собственно атеистов-то почти и нет. Пришедшие к власти в 1917 году большевики объявили религию «опиумом народа». Гонения на церковь на долгие годы стали составной частью внутренней политики страны Советов. Уже в январе 1918 года был опубликован декрет «Об отделении церкви от государства», а последовавшие за ним инструкции лишили все религиозные организации юридических прав и объявили их имущество народным достоянием. Эти акты положили начало массовому разграблению и разрушению храмов, репрессиям против священнослужителей и преследованию верующих за религиозные убеждения. Александра Ивановна видела в советской власти власть гонителей веры, безбожников, и это стало второй причиной конфликта между нею и властью, переросшего в последующие, трагичные и для нее, и для семьи события.

Вот и всё, что мы узнали о жизни Александры Ивановны до ареста, но даже такие скудные сведения позволяют смело утверждать, что Александра Ивановна воспринимала власть большевиков как власть безбожников, «антихристов» и жить под этой властью она не хотела: не хотела вступать в колхоз, участвовать в переписи населения и выборах.

АРЕСТ

И наказание последовало. Александру Ивановну арестовали 24 июня 1939 года.

Во время ареста она не задала ни одного вопроса, в том числе и вопроса «За что?». Сын Василий, которому на тот момент было 9 лет, так вспоминал арест матери: «Накануне ареста случился в Филитове пожар у кого-то. Родители на пожарище пилили обгоревшие бревна, я крутился около них. Подъехал возок, не телега, домой зайти не разрешили. Мама вытерла руки о фартук, села в возок, запела “Христос Воскресе”. Всё, больше я ее никогда не видел. Отец несколько раз навещал маму в Кашине. Ему сказали, что она отказывается выполнять порученную ей работу (чинить мешки). Он пытался уговорить маму работать, в ответ она сказала: “Нет, не буду”. Позднее отцу намекнули, что не надо больше ее навещать, чтобы не накликасть беду на всю семью. Больше он ее не навещал и при жизни ничего о ней не знал».

Интересно, что Александра Ивановна запела тропарь «Христос Воскресе» — самое главное и торжественное песнопение праздника Пасхи, прославляющее и призывающее на помощь Иисуса Христа. «Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» (перевод: Христос воскрес из мертвых, смертью смерть победив, и находящимся в гробах жизнь даровал). В народной традиции, как и в церковной практике, тропарь «Христос Воскресе» исполнялся в течение всего пасхального сезона — от Пасхи до Вознесения. Его пели в любой обстановке: расхаживая по улицам села, по дороге на поле или с поля, в домах, во время работ и праздничных застолий. Почему Александра Ивановна запела «Христос Воскресе»? Попробуем объяснить, истолковать это, опираясь на христианское учение.

«Христос Воскресе» — тропарь, то есть краткое молитвенное песнопение, в котором прославляется и *призывается на помощь* священное лицо, в нашем случае Сын Божий. Возможно, исполняя это песнопение, Александра Ивановна призывала Христа на помощь, чтобы дал силы душевные и физические перенести всё, что будет с нею дальше.

Может быть, исполняя «Христос Воскресе», она хотела выразить свою беспредельную, ничем непоколебимую веру в Бога или находила некое сходство между судьбой Его Сына и своей, и это придавало ей силы. Конечно, это всего лишь предположения, но нам кажется, в них есть доля истины.

Александра Ивановна не плакала, смиренно села в возок. Почему? Почему не зашла в слезах, не бросилась обнимать детей, не стала звать на помощь, одним словом, не стала делать всего того, что в этом случае обычно делали арестованные? Ведь она женщина, мать! Почему не проявила слабость? Изучив материалы дела, мы не нашли ни одного свидетельства слабости Александры Ивановны. Она была очень твердым по характеру человеком, умеющим держать себя в руках и, как нам кажется, твердость эта и смирение были воспитаны в ней верой в Бога.

Нам кажется, она была готова к аресту и всё, что делала, делала осознанно и уверенно, потому что говорила: «При советской власти жить не хочу и не буду». Так она скажет мужу и дочери на свидании в Кашинской тюрьме. Она по-христиански смиренно приняла всё происходящее с ней, и помощью ей была поговорка, родившаяся из библейского сказания о муках Христа: «Бог терпел и нам велел».

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

Александрю Ивановну увезли, а «для оставшихся остался после ареста — долгий хвост развороченной опустошенной жизни» (А. И. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»). Александре Ивановне было в это время 43 года, ее мужу — 50. Детям: Клавдии — 18 лет, Евдокии — 16, Анне — 14, Василию — 9, Николаю — 7.

Глубокой душевной раной на протяжении всех лет жизни отзывались в сердцах детей события 24 июня 1939 года. Все они, став взрослыми, пытались узнать о судьбе матери после этого страшного дня, но узнать удавалось немного.

Дочь Анна вспоминала: «Когда я училась в школе, меня никогда не спрашивали к доске. Папа вырастил нас один, он больше не женился. В колхоз так и не вступил. Был хорошим плотником. В войну папу кто-то устроил в славковский леспромхоз. Там на него и нас, детей, регулярно выдавали американскую сухую яичную смесь. Разводи водой и жарь. Вкусотища. Филитовские завидовали, называли нас “буржуи Березины”. Но были и те, кто сочувствовал и как мог помогал, приносили молоко». Сын Василий вспоминал: «Коровы после ареста мамы у нас уже не было. Когда бабы шли с полей, я подбегал к ним и просил молока попить. Они давали пить молоко прямо из ведра». Больше детская память воспоминаний о маме не сохранила.

«НО КРЕПКИ ТЮРЕМНЫЕ ЗАТВОРЫ...»

Первый приговор — 6 месяцев исправительно-трудовых работ — был вынесен в феврале 1939 года, но что же стало причиной ареста? Как отказ от участия в переписи и выборах мог привести к тому, что Александра Ивановна была осуждена по статье 58-14 к 10 годам лишения свободы?

Об этом мы узнали из материалов уголовно-следственного дела № 244, которое хранится в Тверском центре документации новейшей истории. Найти дело удалось в 2016 году. Изучив его, мы восстановили события 1939 года и узнали, что происходило с Александрой Ивановной далее.

18 февраля 1939 года Александра Ивановна Березина была приговорена Кашинским Народным судом 3-го участка по ст. 16-73 УК к 6 месяцам исправительно-трудовых работ на общих основаниях. За что? Об этом она сама рассказала в ходе заседания Судебной коллегии по уголовным делам Калининского областного суда от 8 августа 1940 г.: «Судил Нарсуд меня за то, что я не проходила

перепись населения и не участвовала в выборах в Верховный совет... Я не проходила переписи, потому что боялась Бога. Я в коммунизме жить не желаю, а потому не участвовала в выборах»¹. Наказание это постигло ее через месяц после переписи 1939 года, проходившей 17 января, и выборов в Верховный Совет, на которые она не пошла 24 декабря 1939 года. Статья 73 УК РСФСР 1926 года: «Сопrotивление отдельных граждан представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей, не сопряженное с насилием, — лишение свободы или принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф до пятисот рублей». То, что Александра Ивановна не пошла на выборы и не стала участвовать в переписи, было расценено как «сопротивление власти» и она была приговорена Нарсудом к шести месяцам исправительно-трудовых работ (сокращенно — ИТР).

Что представлял собой Народный суд, который приговорил ее к ИТР? Это советский суд, избираемый непосредственно населением района. Он был основным звеном советской судебной системы и осуществлял социалистическое правосудие, рассматривая уголовные и гражданские дела, возникающие в районе его деятельности.

Исправительные работы — вид уголовного наказания, заключающийся в принудительном привлечении осужденного к труду с вычетом из его заработка в доход государства определенной части. Этот вид наказания устанавливался на срок от 2 до 6 месяцев. Обычно исправительно-трудовые работы назначались лицам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, если будет признано, что их исправление может быть достигнуто без изоляции от общества и удаления из привычной среды обитания, лишь средствами трудового воздействия, работой в коллективе.

Осужденный не имел права отказаться от предложенной ему работы. Невыход на работу без уважительных причин в течение пяти дней со дня получения предписания уголовно-исполнительной инспекции являлся нарушением порядка и условий отбывания осужденным исправительных работ.

Александра Ивановна на работы не ходила, «от отбывтия наказания уклонялась, от подписи отказывалась и на медицинское

¹ Уголовно-следственное дело № 244 по делу А. И. Березиной и др. Протокол судебного заседания от 8.08.1940. Л. д. 361.

освидетельствование идти также отказывалась». Поэтому Бюро исправительно-трудовых работ при Кашинском отделении НКВД направило ходатайство в Кашинский народный суд, уведомив о вышеупомянутых обстоятельствах.

4 июня 1939 года Кашинский народный суд определил: «6 месяцев исправительно-трудовых работ на общих основаниях», к которым была приговорена Александра Ивановна ранее, «заменить лишением свободы на тот же срок — 6 месяцев лишения свободы и заключить под стражу, направить в Кашинскую тюрьму»².

24 июня Александру Ивановну привезли в Кашинскую тюрьму, в которой она содержалась до июля 1939 года. Тюрьма в Кашине существовала с давних времен и называлась Дом заключения, а с 1930 года числилась как Тюрьма № 5. Существует она и сейчас как Следственный изолятор № 2.

В конце июля Александра Ивановна была отправлена в исправительно-трудовую сельскохозяйственную колонию № 2 «Кесова гора», где находилась до 25 сентября 1939 года. Колония находилась в 20 км от поселка Кесова гора (Тверская область) в деревне Смутьиха. Почти никаких материалов о колонии не сохранилось, но, изучив материалы уголовного дела, мы попробуем восстановить о ней некоторые сведения.

Это была колония общего режима, заключенные которой трудились на сельскохозяйственных работах. В 1940 году под руководством начальника Федосеенко колония получила 700 тысяч прибыли. В ней имелись столовая и прачечная, где трудились сами заключенные. В колонии служили вольнонаемные: врач, начальник культурно-воспитательной части, начальник охраны, стрелки, сотрудники бухгалтерии.

Александра Ивановна находилась там два месяца. Читая показания свидетелей на суде, можно воссоздать события, происходившие в течение этого времени. Свидетель К. рассказывает: «...когда Березину привезли из Кашинской тюрьмы, она не хотела садиться в машину, и ее на руках внесли на машину... Березина совсем не работала в колонии, а когда ей предлагали работать, она отвечала: “Я на антихристов работать не буду”. Такие слова я неоднократно слышала от Березиной... Л-ва и Березина говорили: “Мы подчиняемся Богу”. В колонии было семь женщин, которые никогда не

² Уголовно-следственное дело № 244 по делу А. И. Березиной и др. Приговор № 117 Кашинского народного суда. Л. д. 26.

работали, а собирались, писали, говорили, жили все подсудимые в вместе одном общежитии»³.

Из показаний Ц., 1911 г. р., ответственного дежурного по колонии: «Я считаю, что приезд в колонию Березиной повлиял на невыход других заключенных на работу. Когда Березину привезли в колонию на машине, то она не шла в зону и ее вынуждены были на руках внести, но она все время не работала в колонии. Когда я спрашивал Березину, почему она на работу не выходит, она отвечала: “Я на вас антихристов работать не буду, я буду работать на Бога”. Березина имела влияние на других заключенных, таких в колонии было семь женщин. Когда придешь к ним и станешь что-нибудь спрашивать, если отвечает на вопросы Березина, значит отвечают и другие женщины. Л-ва и Ф-на были вместе с Березиной, и они имели влияние на других заключенных. Говорили, что подчиняться администрации колонии не надо, а надо подчиняться Богу, что в их веру работать не надо и надо Богу молиться и Бог их прокормит»⁴.

Свидетель П., 1909 г. р., командир взвода военизированной охраны ИТК «Кесова гора»: «Березина прибыла в ИТК в июле 1939 года, когда Березина приехала с поездом, мы ее вывели, на машину она не садилась, и мы ее вынуждены были внести на руках. Когда мы приехали в ИТК, Березина опять не выходила из машины, и нам пришлось ее опять нести на руках, так как она не шла в зону колонии, говоря: “Я не пойду к антихристам работать”. В конце августа 1939 года в бараке в разговоре с Березиной я ее спросил: почему она не хочет работать. Она мне ответила: “По божьему заключению в местах заключения работать нельзя, пусть работают антихристы”... Когда Березина находилась в карцере, к ней на свидание приехали ее муж и дочь. По закону у нас лицам, находящимся в карцере, свидание не разрешалось. Но мы Березиной разрешили свидание, думали, что она после этого будет работать в колонии. Но Березина говорила своему мужу не отдавать детей учиться в советскую школу, не разрешать им вступать в комсомол. Саботаж в работе был в течение августа–сентября 1939 года, и дело доходило до того, что на работу не выходило до 60 человек заключенных».

Можно ли верить показаниям П. о невыходе на работу 60 заключенных? Думаем, что нет. Как нам кажется, эти показания

³ Уголовно-следственное дело № 244 по делу А. И. Березиной и др. Протокол Судебного заседания Судебной коллегии по уголовным делам. Л. д. 307–308.

⁴ Уголовно-следственное дело № 244 по делу А. И. Березиной и др. Протокол Судебного заседания Судебной коллегии по уголовным делам. Л. д. 312–317.

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

были ложными, так как необходимо было доказать массовый невыход заключенных на работу, чтобы «подогнать» происходящее под статью.

Из показаний свидетеля П., 1905 г. р., осужденного в 1939 году по ст. 109 УК РСФСР: «В колонию я прибыл 20 июля 1939 года и работал там воспитателем. С подсудимыми Ф-ной, Березиной, Л-вой я познакомился в начале августа. Они при мне не выходили ни разу на работу. Я как воспитатель беседовал с ними и слышал от Ф-ной с Березиной такие слова, что “на антихристов работать не будем”. Был случай, когда я от Ф-ной слышал такие слова в бараке: “при советской власти сидим в холоде и голоде”. Были случаи, они, когда вместе собирались и шептались друг с другом, Ф-на пела молитвы. В общем, эти подсудимые считали, что они прибыли отбывать наказание, а на антихристов они работать не будут. Такое поведение подсудимых повлияло на остальную массу заключенных».

За отказ от выхода на работу Александра Ивановна неоднократно помещалась на разные сроки в карцер. В уголовном деле имеется несколько постановлений.

29 августа 1939 года: «Березина отказывается от работы и разлагает трудовую дисциплину... Заключенную Березину за нарушение установленного режима выразившегося в систематическом отказе работать и разложение трудовой дисциплины в колонии среди заключенных изолировать в карцер на трое суток».

2 сентября 1939 года: «за нарушение установленного режима выразившегося в невыходе на работу со дня прибытия изолировать на 5 дней».

8 сентября 1939 года: «Березина со дня прибытия в ИТК № 2 не работает и не подчиняется режиму колонии. Не отвечает на заданные вопросы ответственного дежурного. А поэтому на основании вышеизложенного постановляю: Березину А. И. за невыход на работу, за нарушение режима колонии за неподчинение ответственному дежурному в карцер на 15 суток. Постановление объявлено 8 августа. От подписи отказалась».

2 октября 1939 года: «Заключенная Березина на почве религиозных убеждений с 15/VIII 1939 не выходит на работу... Березину А. И. за отказ от работы без уважительных причин перевести в карцер на 20 суток с 2/X по 23/X 1939 г.»⁵.

⁵ Уголовно-следственное дело № 244 по делу А. И. Березиной и др. Постановления. Л. д. 22–26.

В общей сложности в карцере Александра Ивановна провела 43 дня. В колонии она находилась с 24 июля по 25 сентября 1939 года — 60 дней, то есть получается, что почти всё время она находилась в карцере и ни разу не выходила на работу.

Из показаний свидетелей известно, что на протяжении всего времени нахождения в колонии Александра Ивановна и еще семь заключенных женщин отказывалась работать.

25 сентября ей было предъявлено обвинение по ст. 58-14, а 28 сентября избрана мера пресечения содержание в тюрьме г. Кашин, в которую она и была отправлена из ИТК № 2 «Кесова гора».

16 ноября 1939 года Александре Ивановне и другим заключенным было вынесено обвинительное заключение: «В 3-е отделение ОИТК УНКВД по Калининской области поступили сведения о том, что в ИТК “Кесова гора” группа заключенных на почве религиозных убеждений систематически отказывается от работы, призывая на невыход других заключенных. Произведенным расследованием установлено: заключенные Березина, Л-ва и Ф-на, отбывая срок наказания в сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии “Кесова гора” являясь активными руководителями среди религиозной части заключенных, систематически отказывались выходить на работу. Объединив вокруг себя группу религиозных заключенных И-ну, Ф-ву, П-ву и А-ву с целью сорвать уборочную компанию полевых работ в колонии под предлогом разных религиозных убеждений, направленных на дискредитацию существующего строя Советской власти и колхозного строительства, открыто призывая остальную часть заключенных на невыход на работу. Будучи неоднократно выведены командованием колонии на общие работы Березина и др. от работы категорически отказывались, разлагающе действуя на остальную часть заключенных. Допрошенные в присутствии прокурора в качестве обвиняемых заключенная Березина виноватой признала себя в том, что она неоднократно отказывалась от работы на почве религиозных убеждений, поясняя свое убеждение верой в Евангелие.

Однако преступная деятельность Березиной как активной организаторши отказов от работы на почве религиозных убеждений подтверждается показаниями свидетелей...

На основании вышеизложенного обвиняются Березина А. И. в том, что отбывая срок наказания в сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии “Кесова гора” явно выражая недовольство против существующего строя Советской власти на почве религиозных убеждений, объединившись в группу возглавляемой

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

Березиной, Л-вой и Ф-ной с целью срыва уборочной компании в колонии, систематически отказывались и не выходили на работу, одновременно на почве религиозных убеждений призывали заключенных женщин к массовым отказам от работы, высказывая при этом недовольство к существующему строю советской власти и колхозного строительства, т. е. преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 14 и п. 11 УК РСФСР».

Обвинительное заключение и уголовное дело было направлено прокурору, а затем в суд.

14 января 1939 года состоялось Подготовительное заседание по делу Березиной А. И. и других обвиняемых по ст. 58-10 и 58-14. Суд заслушал прокурора, зачитавшего обвинительное заключение. Содокладчик «считает, что дело является не доследованным и подлежит возвращению на дополнительное расследование».

В результате коллегия вынесла определение: «Совершенно материалами дела не доказан групповой отказ от работы и организованный саботаж с контрреволюционной целью как предъявлено обвиняемым обвинением, упомянутые показания характеризуют недобросовестное отношение периодически обвиняемых к работе по отдельности на разных работах и в разное время. Совершенно не исследован вопрос имелись ли последствия от отказа от работы обвиняемых как то дезорганизация труда, ослабление дисциплины, материальный ущерб и т. д. и в чем конкретно оно выразилось. Без чего нельзя проверить насколько правильно обвиняемым предъявлено обвинение, тем более, что контрреволюционный саботаж материалами в деле не доказан. В деле имеются только доказательства, характеризующие плохое отношение обвиняемых к работе, за что обвиняемые могут быть привлечены к ответственности в административном порядке администрацией колонии.

По делу совершенно недостаточно произведены предварительные следствия по изложенным выше вопросам и поэтому оно не может быть принято к производству областного суда. Руководствуясь ст. ст. 226 и 238 определяет: обвинительное заключение отклонить и дело для производства дополнительного предварительного следствия по изложенным выше обстоятельствам вернуть прокурору Калининской области. Мэру пресечения всем Березиной А. И. и др. обвиняемым оставить содержанием под стражей»⁶. Дело было отправлено на дополнительное расследование.

⁶ Архивное уголовное дело № 244-с. Протокол судебного заседания. Л. д. 179.

17 января 1940 года заместителем областного прокурора по спецотделам и помощником областного прокурора *секретно* был направлен протест по определению подготовительного заседания Калининского облсуда в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда в Москву. В протесте читаем: «Данное определение является неправильным и подлежит отмене по следующим обстоятельствам: Содокладчиком на Подготовительном заседании выставлены мотивы к возвращению уголовного дела на следствие, то что следствием не установлено наличие группового сговора заключенных об отказе от работы в ИТК, тогда как по делу в достаточной мере следствием установлено, что вдохновителями организованного отказа от работы являются Березина и Л-ва, которые не только признали себя виновными в отказе от работ, и подтверждено, что они сагитировали отказаться от работ и других обвиняемых при чем последствия от этого имели место, что на работу не выходило 70 человек. Меры административного воздействия к заключенным принимались. Неоднократно.

Определением обязывается следственный орган установить размер нанесенных убытков ИТК ввиду отказов от работ заключенных. Эти моменты для суда совершенно являются необязательными, т. к. в условиях мест лишения свободы достаточен факт наличия дезорганизации трудовой дисциплины или отказ от работ, чтобы привлекать к строжайшей ответственности заключенных... Просьба определение У.С.К. Калининского суда отменить и дело направить по подсудности для рассмотрения согласно обвинительного заключения»⁷.

11 февраля 1940 года прокурору Калининской области было *секретно* возвращено уголовное дело Березиной А. И. и других и дан ответ на протест: «Ваш протест поддержать нельзя, так как дело полностью не расследовано. По делу необходимо дополнительно допросить свидетелей... с целью уточнения, где и при каких обстоятельствах Березина и Л-ва и кому конкретно из заключенных говорили, чтобы не выходили на работу. Допросите работников КВЧ и заведующего производством, как относились обвиняемые к работе до приезда в ИТК Березиной. По вопросу установления суммы причиненных убытков невыходом обвиняемых на работу, если этих данных добыть не представляется возможным, то к делу приложить справку бухгалтерии или хозчасти. Из материалов дела

⁷ Архивное уголовное дело № 244-с. Протокол судебного заседания. Л. д. 180–182.

Александра Ивановна
Березина
с мужем Александром
Матвеевичем
и его матерью

А. И. Березина
с сестрой
и племянницей

видно, что Березина и Л-ва среди заключенных проводили агитацию за невыход на работу. Следовательно, Березина и Л-ва должны быть привлечены по ст. 58-10 и по ст. 58-14 УК. Остальным обвиняемым преступление квалифицировать по ст. 58-14 УК, исключив ст. 58-11 УК».

После получения ответа на протест было возобновлено дополнительное расследование по делу, повторно допрошены обвиняемые и свидетели. 29 февраля 1940 года на допросе Александра Ивановна вину свою по-прежнему не признала, от подписи отказалась. (В деле нет ни одного документа подписанного ею, она всегда отказывалась от подписи).

При чтении материалов повторных допросов создается впечатление, что дело намеренно «раздували». Из показаний одного из свидетелей, работника колонии, узнаем о том, что в результате саботажа в колонии, организованном Березиной, Л-вой и Ф-ной, на работу не выходило около 60 человек! Можно ли верить этим цифрам? Да это уже целое восстание!

По окончании дополнительного расследования 29 февраля 1940 года Березиной А. И. и другим заключенным вновь было предъявлено обвинение по ст. 58-10 и ст. 58-14 УК РСФСР. Далее дело было отправлено областному прокурору по Калининской области для направления по подсудности.

31 марта 1940 года фигурантам дела было предъявлено обвинительное заключение: «Произведенным расследованием установлено: заключенные Березина и др., будучи антисоветски настроенными, на почве религиозных убеждений, имея между собой договоренность, сорвать уборочную компанию в колонии под предлогом разных убеждений, направленных на дискредитацию существующего строя и советской власти систематически отказывались и не выходили на работу. Неоднократно выводимые командованием колонии на общие работы Березина и др. категорически отказывались работать, разлагающе действуя на других заключенных колонии.

Кроме этого заключенные Березина и Л-ва среди заключенных проводили антисоветскую агитацию, высказывая при этом религиозные убеждения, призывая других заключенных не выходить на работу. Заключенная Березина вину свою отрицает, но в ранее данных показаниях виновной себя признала в том, что она отказывалась от работы на почве религиозных убеждений, поясняя свое убеждение Евангелием и верой. Однако преступная деятельность

Березиной как активной организаторши отказов от работы и высказываний недовольства существующим строем подтверждается показаниями свидетелей. На основании вышеизложенного обвиняются: Березина А. И. и Л-ва П. С. в том, что отбывая срок наказания в сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии «Кесова гора», явно выражая недовольство против существующего строя и советской власти с целью срыва уборочной компании в колонии, систематически отказывались и не выходили на работу, высказывая при этом религиозные убеждения и недовольство существующим строем, призывая заключенных к массовым отказам, нанесли ущерб колонии 518 рублей, т. е. совершили преступление, предусмотренное ст. 58 п. 10 ч. 1 и 58 п. 14 УК РСФСР»⁸.

И-ной Д. И., Ф-вой Е. И., П-вой Т. П., Ф-ной Л. К., А-вой А. А. было предъявлено обвинение по ст. 58-14.

1 апреля 1940 года состоялось подготовительное заседание судебной коллегии по уголовным делам. Заслушав обвинительное заключение, содокладчик вновь заявил, что «дело является не доследованным и подлежит возвращению на доследование». Народные заседатели «согласны с предложением содокладчика и о возвращении дела к доследованию». Прокурор не согласен, но, несмотря на это, коллегия выносит определение: «Проверив материалы дела суд находит установленным: всем по делу обвиняемым предъявлено обвинение в том, что они отбывая сроки наказания... производили организованный контрреволюционный саботаж, что кроме того обвиняемые Березина и Л-ва проводили антисоветскую агитацию. По делу видно, что обвиняемые в разное время в течение 1939 года периодически отказывались от работы, находясь на разных работах каждая и, как правило, совсем не работали. Это подтверждается Постановлениями администрации колонии, составленными в разное время по отдельности по каждой обвиняемой о привлечении к административной ответственности. Совершенно материалами дела не доказано групповой отказ от работы и организованный саботаж с контрреволюционной целью как предъявлено обвиняемым обвинением и материал на них объединен в одно дело, а упомянутые данные характеризуют недобросовестное отношение периодически обвиняемых к работе каждой в отдельности и при разных работах и в разное время».

⁸ Архивное уголовное дело № 244-с. Обвинительное заключение. Л. д. 259.

Определением коллегии областного суда от 14 января 1940 года ввиду недоследованности данное дело было возвращено вновь прокурору Калининской области для производства дополнительного предварительного следствия: «...несмотря на указание прокуратуры СССР от 11 февраля 1940 года дело до сего времени не исследовано. На предварительном следствии обвинение всем обвиняемым предъявлено на основании показаний свидетелей. Эти свидетели показали, что обвиняемые производили контрреволюционный саботаж. Впоследствии эти свидетели свои показания изменили... Непонятно также, при каких обстоятельствах обвиняемые производили организованный саботаж и в чем заключается их связь, так как материал объединен на всех обвиняемых в одно производство. Кроме этого не выполнены указания прокуратуры СССР от 11/II 1940 года по данному делу. Все обвиняемые по делу виновными себя не признают. Упомянутые недочеты предварительного следствия не могут быть заслушаны на судебном следствии, а лишь только в предварительном следствии. Судебная коллегия находит установленным, что дело недостаточно исследовано и поэтому не может быть принято к производству областного суда»⁹.

22 апреля вновь были допрошены свидетели. Из их показаний мы узнали о том, что во время нахождения Александры Ивановны в тюрьме г. Кашина к ней на свидание приезжали муж Александр Матвеевич с дочерью Клавдией. Из показаний П-ва, начальника охраны ИТК: «Заклученная Березина прибыла в ИТК “Кесова гора” из Кашинской тюрьмы в конце июля 1939 года. По прибытии ее на станцию Кесова гора она из вагона выходить отказалась, но была выведена физически. Когда производилась посадка на автомашину заключенных, то последняя также отказалась, но была посажена на машину с привлечением физического воздействия, по прибытии в ИТК Березина категорически отказалась пойти в зону, в зону Березина была внесена стрелками, за что была посажена на 20 суток в карцер. По отбытию срока наказания Березина категорически отказалась выходить на работу. За время ее пребывания в колонии с июля по ноябрь месяц ни одного раза не выходила на производство. В конце августа или в начале сентября 1939 при обходе мною барачков я спросил: “Почему вы не выходите на работу?” Последняя ответила, что по божьему закону в местах заключения работать

⁹ Архивное уголовное дело № 244-с. Протокол подготовительного заседания по делу от 1 апреля 1940 г. Л. д. 223.

нельзя, пускай работают антихристы... Когда я Березиной сказал, кто не работает, того не будут кормить, последняя ответила: "Христос терпел и нам велел терпеть"... больше их на работу не вывели, а периодически сажали в карцер за отказ от работы.

В сентябре месяце к Березиной на свидание приехали муж и дочь. Березина в это время находилась в карцере. По положению заключенным, находящимся в карцере, свидания не разрешались, но с той целью, чтобы муж и дочь подействовали на нее, свидание было разрешено. Во время свидания ее упрашивали муж и дочь, чтобы она пошла работать, но Березина заявила, что работать всё равно не пойду, что не велено Богом, и после мужу сказала, чтобы детей в школу учиться не пускал, а также дочь предупредила, чтобы она не вступала в комсомол»¹⁰.

Из показаний свидетеля Ц-ва: «Во время свидания Березиной с мужем и дочерью я проходил мимо и остановился. В этот момент дочь уговаривала Березину, чтобы она ходила на работу и побыстрей отбывала срок наказания. Березина ей ответила, что я работать не буду, потому что не велит Бог, и на антихристов Бог мне не велит работать. Я вас теперь не знаю, вы теперь советские люди и изучаете советские законы, а мне советская власть не нужна, меня и Бог прокормит»¹¹.

Возможно, Александра Ивановна действительно решила разорвать все нити, связывающие ее с семьей. А может быть, она твердо решила идти до конца, а для этого надо устоять.

Интересен и тот факт, что все свидетели, в показаниях которых описывается свидание Александры Ивановны с мужем и дочерью, во время которого она выражала антисоветские настроения, являются работниками колонии и ранее эти люди вообще не привлекались как свидетели. Почему? Как нам кажется, всё это подтверждает ложный и специально сфабрикованный характер их показаний и то, что дело, говоря словами А. И. Солженицына, было «дудное» и подстраивалось под статью 58-10 и 58-14.

18 мая 1940 года было вынесено Постановление, что «виновность в групповом контрреволюционном саботаже по уборке урожая 1939 года в сельскохозяйственной ИТК Кесова гора Березиной и Л-вой вполне доказана и преступление предусмотрено ст. 58 п. 14 УК, что же касается обвинения по п. 10 ст. 58, считать не до-

¹⁰ Там же. Протокол допроса. Л. д. 237.

¹¹ Архивное уголовное дело № 244-с. Протокол допроса. Л. д. 242.

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

казанным. Обвинение Березиной А. И. и Л-вой П. С. квалифицировать по ст. 58 п. 14, исключив п. 10 ст. 58»¹².

Таким образом, п. 10 ст. 58 («Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений») был исключен, а п. 14 ст. 58 («Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата») оставлен.

20 июля 1940 года Березиной А. И., Л-вой П. С. и Ф-ной Л. К. было вручено обвинительное заключение. В деле имеется Акт (л. д. 291), составленный ответственным дежурным старшиной П. М. Осиповым: «1939 года дня 20 июня в 13 часов 15 минут ... мной были вручены обвинительные заключения з/к Березиной А. И., Л-вой П. С., Ф-ной Л. К., каковые категорически отказались приять обвинительные заключения... Мной обвинительные заключения были оставлены в камере, когда я стал уходить из камеры вместе с уполномоченным, з/к Березина взяла все три обвинительные заключения и выбросила из камеры, но я взял обвинительные заключения и положил в камеру»¹³.

В чем же состоял «контрреволюционный саботаж»? Из обвинительного заключения по обвинению Березиной А. И., Л-вой П. С., Ф-ной Л. К. по ст. 58-14 УК РСФСР: «В Кесовогорской исправительно-трудовой сельскохозяйственной колонии НКВД заключенные Березина, Л-ва и Ф-на активно группируют вокруг себя заключенных женщин на саботаж в работе по уборке урожая и в течение двух месяцев не выходят на работу. Произведенным расследованием установлено: Березина А. И., будучи враждебно настроена к существующему строю Советской власти, 22 июля 1939 года с прибытием ее вместе с другими заключенными для отбывания срока наказания отказалась добровольно следовать в зону колонии и открыто заявила, что к «антихристам не пойду и на них работать не буду». К этим враждебным настроениям сразу присоединились заключенные Л-ва и Ф-на и приняли активное участие в группировании заключенных женщин, работающих на уборке урожая, в результате образовалась группа заключенных женщин с количеством 7 человек, которые на

¹² Архивное уголовное дело № 244-с. Постановление. Л. д. 254.

¹³ Там же. Акт. Л. д. 292.

протяжении двух месяцев с 22 июля по 7 октября 1939 года сознательно саботировали в работе по уборке урожая, чем и нанесли убыток сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии НКВД “Кесова гора” в сумме 2665 рублей 74 копейки.

Березина А. И. вину свою в контрреволюционном саботаже в работе по уборке урожая не признает и заявила, что весь период отбывания срока наказания в колонии “Кесова гора” не работала и работать не будет из-за религиозных убеждений. Однако показания свидетелей полностью уличают ее со дня прибытия в колонию в организованном группировании заключенных женщин в количестве 7 человек против работы по уборке урожая, говоря что “на антихристов работать не надо”. В результате в течение более двух месяцев август и сентябрь 1939 г. группа заключенных женщин, ранее работавших ежедневно не стали выходить на работу... На основании вышеизложенного обвиняются: Березина А. И. 1896 г. р., уроженка д. Филитово Кашинского района Калининской области, из крестьян, единоличница, русская, грамотная, беспартийная, осуждена 4 июня 1939 года по статье 16, 73 УК на 6 месяцев лишения свободы обвиняется в том, что с 22 июля 1939 года, в день прибытия в колонию для отбывания срока наказания открыто проявила враждебное настроение, что работать на “антихристов не будет” и занялась группированием заключенных женщин, до ее прибытия работавших на уборке урожая, призывая последних не работать на “антихристов”, в результате группа заключенных женщин 7 человек ежедневно вместе с Березиной в течение августа и сентября 1939 года проявляли саботаж в работе по уборке урожая, чем нанесли убыток сельскохозяйственной колонии в сумме 2665 рублей 74 копейки... Руководствуясь статьей 208 УК следственное дело по обвинению Березиной А. И., Л-вой П. С., Ф-ной Л. К. с обвинительным заключением направить прокурору Калининской области на утверждение и направление по подсудности»¹⁴.

Следствие по делу было закончено 20 мая 1940 года.

ПРИГОВОР

8 августа 1940 года Судебной коллегией по уголовным делам Калининского областного суда в закрытом судебном заседании было рассмотрено дело по обвинению Березиной А. И. и других

¹⁴ Архивное уголовное дело № 244-с Л. д. 301.

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

и вынесен приговор. Заседание проходило в поселке Кесова Гора и длилось 8 часов: с 12 ч. 05 мин. до 20 ч.10 мин.

Многие из допрошенных ранее свидетелей по делу не явились в суд. На суде Александра Ивановна, отвечая на вопрос о партийности, ответила: «...моя партия оружие и крест, свободная апостольская церковь, поэтому я в колхозе никогда не работала». Вопрос: «Понятно ли вам, в чем вы обвиняетесь? Ответ: «В чем обвиняюсь мне понятно. Виновной себя не признаю. Когда меня перевели в колонию Кесова гора и заставили работать, я отказалась от работы и согласилась идти в карцер, потому что не хочу переходить господний закон, т. е. по своим религиозным убеждениям. Дома я работала, но в колонии не работала из-за религиозных убеждений, т. к. в колонии нет никаких праздников, всегда работают. Антихристами я никого не обзывала, Л-вой и Ф-ной я ничего не говорила, чтобы они не работали в колонии».

На другой вопрос государственного обвинителя (текст в протоколе плохо читаем) Александра Ивановна ответила: «До ареста я жила с мужем и детьми. Семья вся наша состояла в колхозе (это не соответствовало действительности — по воспоминаниям детей Александры Ивановны, они не вступали в колхоз ни до ее ареста, ни после. — Авторы). Переписи я не проходила, потому что боялась Бога. Я в коммунизме жить не желаю, а поэтому не участвовала в выборах. За свою жизнь никогда нигде не расписывалась, т. к. боялась Бога. Когда меня выпустили из карцера, я жила вместе с другими людьми колонии, была здесь и Л-ва. Таких слов женщинам “не ходить работать на антихристов” я не говорила. Я считаю, что колония это совхоз, а я не хочу работать ни в совхозе, ни в колхозе, т. к. не хочу переступить христову исповедь... Судил нарсуд меня за то, что я не проходила перепись населения и не участвовала в выборах в Верховный совет. В колонии я не болела»¹⁵.

Судебная коллегия, «руководствуясь ст. ст. 310 и 320 УПК, приговорила Березину А.И. по ст. 58-14 УК подвергнуть тюремному заключению на десять (10) лет».

Другие женщины, проходившие по этому делу, были приговорены: Л-ва П. С. к 7 годам тюремного заключения, Ф-на Л. К. — 5 годам. Когда было предоставлено последнее слово подсудимым, то Александра Ивановна ничего не сказала. После суда она была снова отправлена в тюрьму г. Кашина.

¹⁵ Архивное уголовное дело №244-с. Приговор. Л.д. 319

По делу проходили 7 человек, но после дополнительного расследования делопроизводство в отношении других заключенных «за недостаточностью улик к обвинению было прекращено» 18 мая 1940 года.

Заседание 8 августа 1940 года поставило точку в долгом расследовании по уголовному делу № 244. Этот день стал рубежом в судьбе Александры Ивановны. До этого дня о ее судьбе родным и близким было хоть что-то известно о том, где она и что с ней.

К сожалению, на этом материалы уголовного дела, начатого 28 сентября 1939 года и законченного 16 ноября 1939, заканчиваются. О судьбе Александры Ивановны после 16 ноября 1939 года удалось узнать немного.

Отправив запросы в Центральный архив Министерства внутренних дел Российской Федерации и в Государственный архив Тверской области, мы получили приблизительно одинаковые ответы: «...архивных материалов в отношении Березиной А. И. на хранении не имеется».

Из запросов, отправленных в разное время внучкой и правнучкой Александры Ивановны в 1995 и 2016 годах в Информационный центр УМВД России по Тверской области стало известно, что она, «возможно», отбывала наказание в Соль-Илецкой тюрьме УНКВД Чкаловской области (ныне Оренбургской) и умерла 12 мая 1946 года (по данным запроса 1995 года) или 12 мая 1942 года (по данным запроса 2016 года).

Нам кажется, дата смерти 12 мая 1942 года больше соответствует истине. Почему?

Александра Ивановна после вынесения приговора, как мы думаем, действительно была отправлена в Соль-Илецкую тюрьму, которая с 1917 по 1942 год являлась Илецким концентрационным лагерем, а с 1942 по 1953 год — Соль-Илецкой тюрьмой УНКВД № 2 для содержания подследственных. С 1988 года это тюрьма для пожизненно заключенных, знаменитый «Черный дельфин».

1942 год. Шла война. Самой тяжелой фазой для отбывающих наказание в лагерях и тюрьмах стали 1942 и 1943 годы, когда умер каждый пятый заключенный. В общей сложности один миллион человек в ГУЛАГе умер во время войны от истощения и голода. Может быть, одной из миллиона и была Александра Ивановна Березина.

Когда все средства были брошены на поддержку фронта, и без того тяжелое положение заключенных ГУЛАГа ухудшилось. Воен-

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

ные действия привели к тому, что из районов, которым угрожала оккупация, было эвакуировано 27 лагерей и 210 колоний ГУЛАГа с общим числом заключенных 750 тыс. человек.

«Соль-Илецкая тюрьма не была приспособлена для заключения людей на длительные сроки. Это тюрьма пересыльного типа. В камерах не было коек, были только нары... Здесь были другие порядки. Надзиратели редко заглядывали в “глазок”. Никаких номерных мест не было, каждый мог располагаться, как хотел. Даже карантин, обязательный для всех тюрем, здесь не соблюдался. Надзиратели были пожилые люди, часто они приходили на работу в штатском. В камере нас было 20 человек»¹⁶.

Узник ГУЛАГА В. И. Крапивин вспоминал, что когда началась Великая Отечественная война, всех заключенных развезли по разным тюрьмам. Крапивин попал в небольшую Соль-Илецкую тюрьму, которая находилась недалеко от Оренбурга. «Камера была рассчитана на 12 заключенных, но туда загнали 40 человек. Спать приходилось под нарами, на полу, в проходе».

Выдержать такое мог не каждый. Возможно, голод, холод, издевательства, тяжелый труд, плохое питание, болезни, отсутствие медицинской помощи истощили физические силы Александры Ивановны и она умерла. Смертность среди заключенных в ГУЛАГе в 1942 году составила 248 877 человек (20, 74% контингента).

После вынесения приговора она прожила 22 месяца, т.е. 1 год и 10 месяцев. Умерла в возрасте 46 лет.

Изучив исторические материалы, воспоминания бывших заключенных, мы попробовали пролить свет на судьбу Александры Ивановны после вынесения приговора. Правы ли мы или нет — скорее всего, об этом нам не дано узнать никогда. Многие архивы репрессированных уничтожены, и подтверждение этому то, что в Информационном центре УВД Оренбургской области, куда в 1995 году внучкой Александры Ивановны был отправлен запрос, «личного дела, умершей в Соль-Илецкой тюрьме Березиной А. И., не имеется».

21 февраля 1965 года дочь Александры Ивановны Анна обращалась в Кашинское районное отделение милиции с заявлением: «Прошу найти мою арестованную маму... Я мать троих детей и хочу знать судьбу моей матери, за что и как ее осудили и где

¹⁶ Газарян С. О. Это не должно повториться: Документальная повесть // Литературная Армения. 1988. №№ 6–9.

она в настоящий момент. Невольно текут слезы, припоминаю, как я в 11 лет до Кашина шла пешком, а нам не дали свидание... Прошу очень вас, пожалуйста, сообщить подробнее обо всем, не откажите моей просьбе. К сему Голикова»¹⁷.

Заявление дочери Анны стало началом процесса реабилитации Александры Ивановны. 11 мая 1965 года заместитель прокурора РСФСР отправил в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР протест по делу Березиной А. И. и других с просьбой по заявлению дочери осужденной пересмотреть дело и отменить приговор.

22 июня 1965 года Александра Ивановна Березина была реабилитирована. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 22 июня 1965 года вынесла определение и приговор Калининского областного суда от 8 августа 1940 года в отношении А. И. Березиной, 1896 г. р., был отменен и делопроизводство прекращено за отсутствием состава преступления.

Так через 25 лет после приговора Александре Ивановне был вынесен окончательный, теперь уже оправдательный приговор: ПРИЗНАНА ПОДВЕРГШЕЙСЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕПРЕССИЯМ. НЕ ВИНОВНА.

26 февраля 1969 года муж Александры Ивановны Александр Матвеевич умер.

В 1995 году их дети, «как оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения матери: Березиной Александры Ивановны, необоснованно репрессированной по политическим мотивам», также были признаны «пострадавшими от политических репрессий».

В 2016 году правнучка Александры Ивановны, Наталия Александровна, вместе с нами, ее учениками, решила продолжить поиски сведений о судьбе прабабушки, пропавшей в водовороте сталинского террора. Нами были написаны запросы в Государственный архив Тверской области, в Главный информационно-аналитический центр МВД России, в Информационный центр Управления МВД России по Тверской области, Управление Федеральной службы безопасности РФ по Тверской области. Все запросы не были оставлены без внимания. Отовсюду были получены ответы. Мы нашли и внимательно изучили уголовно-следственное дело Александры Ивановны. Спустя 76 лет после вынесения ей приго-

¹⁷ Архивное уголовное дело № 244-с. Заявление А. А. Голиковой. Л. д. 336.

«Признана подвергавшейся политическим репрессиям...»

вора появилась возможность приоткрыть завесу секретности и узнать главные обстоятельства страшной трагедии простой русской женщины-крестьянки, матери пятерых детей, без вести пропавшей в водовороте сталинского террора. Что мы и сделали.

* * *

Мы узнали историю Александры Ивановны из материалов личного архива ее внучки — Елены Александровны Березиной, которой она стала собирать с 90-х годов XX века, еще при жизни своей мамы, Евдокии Александровны Березиной, дочери Александры Ивановны. В 2016 году правнучка Александры Ивановны, Наталия Александровна Чижова, которая сейчас ровесница своей прабабушки, продолжила поиски информации.

Сегодня память об Александре Ивановне Березиной, как и память о тысячах невинно репрессированных, увековечена в «Книгах памяти».

Память о ней жива и в сердцах ее внуков и правнуков и, хочется верить, ее сохранят и следующие поколения ее потомков.

Жители Китая в СССР в статусе «жертв политических репрессий»

Анастасия Хмара

школа № 3, п. Абан, Красноярский край

научный руководитель Надежда Васильевна Калякина

По итогам последней переписи, в нашем районе живут представители 150 национальностей. Если во времена столыпинской аграрной реформы переселенцы ехали в Сибирь добровольно, то в середине XX века сюда отправляли депортированных и ссыльных. История депортации немцев и ссылки представителей других национальностей в Абанский район изучалась краеведами. Но в этом году в местной газете впервые было опубликовано интервью с Любовью Ивановной Подоляк, жертвой политических репрессий, родившейся в Китае в семье русских эмигрантов и вместе с ними депортированной в СССР после Второй мировой войны. Личный интерес к теме был и у моего руководителя, которая выросла рядом с этой семьей, и у меня. Мой прадед был настоящим китайцем — до 1969 года он считался гражданином Китая, прожил в Абане до 2003 года и тоже имел статус «жертвы политических репрессий».

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ РУССКИЕ ЖИТЕЛИ КИТАЯ

Начало формирования русской диаспоры в Китае было связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1898 году Россия арендовала у Китая на 25 лет Ляодунский полуостров и выторговала право строительства железной дороги. После поражения в Русско-японской войне по решению Портсмутского мира от 23 августа 1905 года за Россией было оставлено право эксплуатации построенной ею КВЖД. И даже в советское время весь обслуживающий дорогу персонал состоял из русских, живших на арендованной двухкилометровой зоне вдоль железной дороги. Право этой аренды СССР отстаивал силой в 1929 году в войне с маньчжурским правителем Чжан Сюэляном и сохранял до оккупации Маньчжурии японцами в 1933 году и в ходе японо-китайской войны в 1937–1945 годов.

Второй поток русских эмигрантов в Китай был связан с событиями гражданской войны 1918–1922 годов. Центром белой эми-

грации стал город Харбин в Северном Китае. Приток эмигрантов в Китай продолжался вплоть до 30-х годов, и связано это было с процессом раскулачивания крестьян в СССР. (Общая численность русской диаспоры за границей составляла 10 млн человек).

Семья Нестеренко попала в Китай в 1930 году, спасаясь от раскулачивания в период сплошной коллективизации. Любовь Ивановна Подоляк (урожд. Нестеренко) родилась уже в Китае и в интервью корреспонденту газеты поведала страшную семейную историю, которую знала со слов своей матери Екатерины Степановны. «Как рассказывала моя мама, всё имущество семьи и дом конфисковали, дедушку, бабушку, ее с мужем выгнали на улицу. Не пожалели даже маленьких детей. У беременной мамы от горя отнялись ноги, и ее просто выбросили за ворота. Сказали: “Ждите, утром за вами придут подводы и увезут вас на Соловки в ссылку”. Но дед ждать не стал. У него был знакомый китаец, который пообещал помочь. И вот ночью вблизи озера Ханка моя семья перешла границу с Китаем. Шли по колено в воде с двумя маленькими детьми на руках, и маму, беременную мной, вели под руки»¹. Так семья Константина Михайловича Нестеренко с семьей его сына Ивана Константиновича и детьми Марией и Сергеем оказалась в Маньчжурии.

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В КИТАЕ

В Китае семья Нестеренко поселилась в Мулине и прожила там 24 года. Уже здесь родилась Любовь Ивановна, а потом ее дочь Галина. Мы встретились с ними, чтобы записать их воспоминания. Они рассказали, что в Маньчжурии русские селились рядом, диаспора помогла беженцам выжить в чужом государстве. Освоиться на новом месте семье Нестеренко помогли русские, работавшие на железной дороге. Любовь Ивановна родилась через две недели после бегства от советской власти. Она рассказала: «По тем временам работавшие на железной дороге много зарабатывали, им платили золотом. Когда я родилась, меня даже не во что было завернуть. И местные русские много чего отдавали нам, не бросали, как говорится, своих в беде».

Когда мы шли в гости к Любови Ивановне, то хотели узнать о культуре русской диаспоры в Китае. Надежда Васильевна Калякина была одноклассницей ее племянницы. И рассказала мне, что

¹ Куковенко Ю. Украденная жизнь // Красное Знамя. 28.10.2016.

уровень жизни семей Нестеренко-Суховеевых был гораздо выше, чем у остальных жителей Денисовки. Для нас открытием стали предметы, вывезенные семьей из Китая и хранящиеся в семье как память о той жизни. Из рассказов хозяев, матери и дочери, мы узнали, что в Мулине была русская православная церковь, ставшая центром жизни русской диаспоры. При церкви была церковно-приходская школа, где учились дети русских эмигрантов. В церкви проводились венчания, крещение детей. В семье хранится копия записи из метрической книги за 1952 год из этой церкви, о крещении племянницы Любви Ивановны. В записи указаны имена восприемников — крестных отца и матери. Из записи от 18 июня мы узнали, что девочку назвали в честь великомученицы Ирины. Русская община отмечала все христианские праздники, все ходили на воскресные службы. Екатерина Степановна пела в церковном хоре. Русские и в Китае сохраняли свою культуру.

Эмигранты общались с местными. На железной дороге китайцы выполняли «черную» работу, русские были для них «начальники». Китайцы к русским относились хорошо. Жили тогда китайцы очень бедно. Дедушка Константин Михайлович имел охотничье ружье и часто с соседом-китайцем делился своей добычей, фазанов дарил. Но китайские блюда в русских семьях не готовили, предпочитали русскую еду. В одежде, еде, традициях эмигранты оставались русскими. Дружили в основном с русскими. Соседи дарили друг другу подарки. На Рождество маленькая Люба всегда ждала в гости своего крестного из железнодорожного начальства, который приносил подарки. Она помнит, как крестный, уезжая, подарил ей черные лакированные туфли и золотой крестик.

Когда в 1935 году железная дорога перешла под управление японцев, многие русские специалисты, обслуживающие железную дорогу, уехали. Люба училась уже в школе, в которой изучала японский язык. С местным населением дети общались на китайском, а между собой — на русском. До сих пор она помнит китайскую разговорную речь. Вспоминает, что она училась вместе с китайскими детьми, но большинство учеников церковно-приходской школы составляли дети русских эмигрантов.

ДЕПОРТАЦИЯ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ КИТАЯ

Этот процесс в исторической литературе не принято назвать депортацией — говорится о «добровольном возвращении» рус-

ских на историческую родину после освобождения в 1945 году советскими войсками Маньчжурии от японцев. Вот как описывает Любовь Ивановна Подоляк эти трагические для ее семьи события: «После победы СССР над Японией пришли русские, собрали всех трудоспособных мужчин и куда-то увезли». Увезли и отца Любви Ивановны. Уже в наше время внуки и правнуки сделали запрос в прокуратуру Приморского края и узнали, что в 1946 году Иван Константинович Нестеренко был осужден специальной комиссией по 53 статье УК СССР на 7 лет. Умер в 1948 году в лагере для заключенных в Кемеровской области от туберкулеза.

Остальных членов семьи депортировали из Китая в 1954 году. В Мулине Любовь Ивановна вышла замуж за местного русского из эмигрантской среды. В 1950 году у них родилась дочь Галя. У старшей дочери Марии Суховеевой было двое детей: Савве было уже 8 лет, а Ире 2 года. Муж Марии Александр Сергеевич Суховеев тоже был из семьи русских эмигрантов. В 1954 году двинулись в путь. На границе обнаружилось, что у дочери Любви Ивановны корь. Ее вместе с ребенком и всей семьей мужа поместили в изолятор, а Екатерина Ивановна Нестеренко с семьей старшей дочери Марии отправилась дальше. После карантина семью Любви Ивановны с мужем и дочерью отправили на Урал, в Курганскую область. «В то время не спрашивали, кто где хочет жить». По воспоминаниям дочери Галины, им дали хорошие новые дома. Запомнилось, что уже тогда стены были оклеены обоями. Нашу героиню в колхозе поставили помощницей на кладку печей, ее мужа — заниматься овцеводством. Только через пять лет им удалось узнать, что остальных родственников в 1954 году отправили в Красноярский край. Они жили в деревне Денисовка Абанского района. И Любовь Ивановна с дочерью решились ехать к ним.

Нас удивило, с каким волнением и слезами Галина Георгиевна рассказывала о возвращении семьи из Китая в Россию, а ведь ей было только четыре года. Не могла она много помнить и понимать. Но она рассказала нам, как им всем приходилось жить, скрывая даже место своего рождения. И даже моя учительница ни разу от своей одноклассницы Иры Суховеевой не слышала, что она родилась в Китае.

Хотя моя учительница, Надежда Васильевна, вспоминая свое детство в Денисовке, рассказала, что уже тогда она заметила, что бытовая культура Суховеевых отличалась от уровня культу-

ры остальных жителей деревни. В доме Суховеевых стулья были в белых накрахмаленных чехлах, у Иры была отдельная комната, где на комод и шифоньере (в ее семье даже такой мебели не было) стояли куклы, статуэтки; даже торт она впервые попробовала именно в их семье. В то время эти различия объяснила себе тем, что Александр Сергеевич работал в совхозе агрономом, потом управляющим фермы.

Только в 2002 году Галина Георгиевна написала в Приморскую прокуратуру запрос, чтобы получить для бабушки Кати компенсацию за дом, который у семьи отобрали в ходе раскулачивания. С этого времени они не скрывали своего эмигрантского прошлого, но только через девять лет Любовь Ивановна согласилась на публикацию воспоминаний в газете.

«СЛУЧАЙНАЯ» ЖЕРТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

По сведениям краеведов, в Абанском районе жило около 50 репрессированных граждан Китая. Одним из них был мой прадед по материнской линии. Родился он в 1915 году в провинции Хэбэй недалеко от Шанхая. Лю Сян Жин был пятым ребенком в семье, в 13 лет ушел из дома, начал самостоятельную жизнь. В Маньчжурии сначала работал на мукомольном заводе, а затем на спиртовом. Его беды начались, когда в 1933 году японцы захватили Северный Китай. Что с ним произошло, как он жил в следующие 70 лет, мы узнали у наших родственников.

В 2007 году Лю Сян Жин оставлся последним репрессированным китайцем, жившим в нашем районе. Судьбу его уже изучала его родная внучка, в 2003 году она написала исследовательскую работу, используя воспоминания дедушки. Для меня источниками информации стали это исследование моей двоюродной тети и воспоминания его детей. Из ее работы я узнала, что Лю Сян Жин (в Абане его звали «китаец Вася») перешел границу с СССР в районе Благовещенска в 1933 году в 13 лет, спасаясь от зверств японцев, оккупировавших Маньчжурию, где он жил. Суд (в форме «тройки НКВД») выдал справку с приговором: 10 лет лагеря за незаконный переход границы и шпионаж в пользу Японии. Своему сыну прадедушка Вася потом признался, что они с другом даже не понимали, что границу переходили. Просто с таким же мальчишкой, убегая от очередной организованной японцами облавы на китайцев, спрятались в зарослях камыша на берегу Амура,

а потом пошли по льду в противоположную от выстрелов сторону. Неграмотные тринадцатилетние беглецы обрадовались, когда их встретили пограничники, которые выдали им по буханке хлеба и селедке и отвели в вагон. Они не знали, что железнодорожный состав специально был сформирован для таких эмигрантов-беглецов, которые должны были стать дармовой рабочей силой на стройках социализма в СССР. Не поняли маленькие китайцы даже, что их уже осудили и везут в Коми, где на реке Ухте они будут работать на нефтедобывающих шахтах. Русскую речь не понимали. Поняли позже, что хлеб с селедкой — эта вся еда на всю дорогу.

По воспоминаниям деда Васи, голод он считал самым страшным испытанием. Наверное, потому каждого, вошедшего в его дом, он всегда сажал за стол и кормил. Его сын говорил: он сначала здоровался, а потом спрашивал: «Кушать хочешь?». О гостеприимстве Васи-китайца в Абане знали многие. Мария Дмитриевна вспоминала, как он виртуозно мог приготовить за 30 минут пельмени и накормить. Нас удивило, что, несмотря на всё пережитое, прадед Вася был добрым, мудрым и даже не затаил на власть обиды. А ведь его, просившего помощи ребенка, осудили на десятилетний срок каторги, а потом, когда закончился первый срок заключения, добавили еще семь лет и отправили работать на соляные копи в районе озера Балхаш. Старший сын Сергей был из пяти детей наиболее близок с отцом, он рассказал нам, что самые страшные его воспоминания были о лагере на соляных копиях. Отец ему говорил, что работали в жару, соль разъедала обувь, многие работали босиком. Часто ноги у заключенных были сплошной раной.

В АБАНСКОЙ ССЫЛКЕ С КИТАЙСКИМ ПАСПОРТОМ

В 1949 году закончился срок заключения, после чего Лю Сян Жин был направлен в Абанский район на лесозаготовки. Везли их по железной дороге до Канска, машиной добирались до Абана. Вместе с ним в эшелоне ехали литовцы, украинцы, немцы. Охраны уже не было, только сопровождающий милиционер. А из Абана они вообще шли самостоятельно (90 км) пешком до поселения Почет. Неужели власть доверяла ссыльным? Или была уверена, что не сбегут «испытавшие заботу государства» каторжане? В дорогу им не дали никакой еды или питья. На середине пути

в деревне Байкан попросились ссыльные заночевать. Хозяйка избушки пустила пятерых путников в недавно истопленную баню и дала им ведро картошки, извинившись, что хлеба у самих нет. Эту картошку, которую они запекли и съели, прадед часто вспоминал. И не потому, что это была первая еда за два дня пути, а как пример человеческой доброты и сострадания. Через несколько лет прадеда вызвали в Абанскую комендатуру, и на обратной дороге он вернулся в Байкан к той женщине, которая дала им картошки, и отблагодарил ее.

В Она-Чунском леспромхозе ссыльных и вербованных распределили по лесоучасткам, и их десятник (тоже ссыльный литовец) направил прадеда на работы в поселок Бугиль. Там Лю Сян Жин валил лес и на санях возил к берегу реки Бирюса, по которой лес сплавляли вниз по течению. На сплаве леса в 1951 году китаец Вася познакомился с будущей женой Юлией Никитичной Беляковой, сестрой моей родной прабабушки. В 1956 году уже с двумя детьми семью Беляковых (дети носили фамилию матери) отправили жить на «Китайскую заимку».

Китайской заимкой в 50-е годы назвали 7 отделение колхоза им. Ленина, потому что там селили ссыльных китайцев. Здесь они оставались жить и после реабилитации. На Китайской заимке для рабочих были построены дома. Дед Сергей вспоминал, как зимой они с сестрой ходили на лыжах в Абанскую школу за три километра.

Благодаря агрономическим знаниям жителей Китайской заимки колхоз Ленина получал большой доход. Весной здесь выращивалась рассада помидоров, капусты, которую охотно покупали не только в Абане, но и в других деревнях. Поэтому на заимке было очень много парников. Навоз для них возили на лошадях с фермы деревни Гагарино. Парники были застеклены и сверху укрыты тканями из соломы матами, они были по 20–30 м длиной и 1,5 м шириной. Днем их поднимали, сворачивая рулонами. За работу на заимке ссыльным китайцам платили деньги. Большие поля засаживали капустой, которую сдавали в районную столовую на засолку. Первые огурцы и красные помидоры продавались на Абанском базаре тоже с Китайской заимки.

Старожилы вспоминают, что культура возделывания помидор в Абанском районе прижилась, благодаря китайцам. До сих пор Чегашет славится ранними помидорами, а в советское время из них даже варенье варили, не знали, куда девать богатый урожай.

АБАКАНСКИЕ КОРНИ КИТАЙЦА ВАСИ

В 1961 году Беляковы семьей переехали в поселок Абан, где купили маленький домик. По рассказам деда Сергея и бабушки Любы семья всегда жила огородом и домашним хозяйством. Прадед Вася был большим тружеником. Приучал к труду детей. Отец всегда для них был примером. Даже в 80 лет вставал в 4 утра и мог за утро прополоть участок картошки. До 70 лет работал кочеваром в больнице.

По воспоминаниям деда Сергея, наш прадед Василий был очень добрым человеком. Сын вспоминал: «Детей отец никогда не бил, не кричал и очень хитро наказывал. Семья жила огородом. Только помидоров садили до 3 тысяч корней. Работы хватало всем. Однажды я не выполнил задание: не прополол грядки. Когда сели ужинать, мать послала меня позвать отца. Я нашел его в огороде, он “мой” грядки полел. Я сказал, что мама зовет ужинать. Отец ответил: “Иди ужинай, я приду, когда доделаю”. Больше я никогда себе не позволял не выполнить какую-то назначенную отцом работу».

Летом все ребятишки собирали в окрестностях орехи, грибы, ягоды. Хозяйство Беляковы в Абане всегда держали большое. Кроме коровы были куры, утки, свиньи, гуси. «Зарплата отца была 78 рублей, а у мамы, технички в роддоме, — 42 рубля. Отец нас приучал к самостоятельности. Приносит зарплату, кладет на стол и говорит: “Сережа, ты месяц кормишь семью”. И так каждого учил хозяйствовать лет с 12». Кулинарные рецепты дети усваивали вместе с отцом уже с 10 лет. Рецепт пельменей китайца Васи вспоминают старожилы в Абане. Он мясо брал непременно двух–трех сортов, рубил в деревянном корытце так ловко, чтобы не доставать ножом до дна. Иначе в фарше могут быть опилки. Необычный вкус пельменям придавала свежая капуста (третья часть фарша и столько же лука). Очень много блюд в семье готовили с тестом (манты, поза, пироги), как блюда русские, так и китайские.

Хотя прадед был неграмотным, но всем своим детям дал образование.

* * *

В 2014 году Беляковы ездили в Китай с целью найти родственников. До 1969 года их отец переписывался с двоюродной сестрой

и двумя племянниками, которые присылали в Абан посылки с пряностями. Письма родственников переводил сосед дядя Коля — китаец. Их отец так и не научился писать ни по-русски, ни по-китайски. После советско-китайского конфликта письма перестали приходиться, именно после 1969 года многие китайцы, жившие в Абане, отказались официально от китайского гражданства и им выдали советские паспорта. Они боялись репрессий со стороны советского государства за связь с китайскими родственниками. До этого прадед числился гражданином Китая, в новом паспорте у прадеда Васи стояла фамилия жены, китайское имя и не было отчества. Прожив всю жизнь среди русских, прадед говорил с акцентом.

В 1992 году он был полностью реабилитирован решением суда Забайкальского округа. Ему было даже выплачено пособие в размере 70 рублей за каждый год каторжного труда.

страницы сельской жизни

Житие двух братьев-близнецов: Альбом жителя горного города Дедюхино Петра Петровича Богомолова

Александра Агишева

школа № 1, г. Усолье, Пермский край

научный руководитель Екатерина Петровна Шириханова

В середине 50-х годов XX века в нашем крае произошло событие, которое коренным образом изменило лицо Прикамья. Была построена КамГЭС и создано искусственное Камское море. Волны нового моря уничтожили некоторые поселения, в том числе горный город Дедюхино, село Лёнву, основную часть Усолья. Усолье пережило великий потоп, от села осталась церковь, город, разрушенный до основания, ушел под воду, лишь часть его заросла осоккой и деревьями. Но город продолжает жить, пока о нем пишутся статьи, издаются книги, хранятся в музеях и архивах реликвии, пока о нем помнят люди.

Одной из таких бесценных реликвий Березниковского историко-художественного музея (БИХМ) является альбом, который автор — житель Дедюхина П. П. Богомоллов назвал «Житие двух братьев Петра и Алексея, близнецы-сиротки, как остались от родителя своего Петра Карповича Богомолова и что видели и что приобрели до 82 лет своей жизни Петр и Алексей».

Альбом создавался в середине 50-х годов для потомков как воспоминание — описание жизни братьев-сирот. Затопление города — это катастрофа для их поколения, но потомки должны знать о том, что здесь жили люди, простые, скромные, трудолюбивые. Автор как смог описал и зарисовал свою жизнь, а вместе с ней жизнь своего города.

Источник представляет ценность еще и потому, что П. П. Богомоллов, изображая свою жизнь, описывает жизнь целого поколения конца XIX — середины XX вв. В нем вырисован образ не только соляного города Дедюхино, но и связанных с ним Лёнвы и Усолья. На основе текста и рисунков можно составить представление о солеварении в городе, трудовой жизни, быте горожан и о некоторых событиях эпохи, например, о гражданской войне.

Источник было важно изучить сейчас, пока еще живы жители Дедюхина, раскиданные по другим городам, а главное, потомки Богомолловых — внучка Петра Зоя и внучка Алексея Людмила Кон-

стантиновна Горохова, хранительница семейных реликвий обоих дедов.

Альбом был передан музею 4 июля 1962 года самим П. П. Богомоловым через краеведа Н. А. Петухова. В альбом вшиты еще два документа и фотокарточка. Директор музея Иван Федорович Коновалов, который принял альбом на хранение, дал и первую оценку этому документу своей эпохи.

Сохранность альбома не очень хорошая, страницы пожелтели от времени, некоторые сшиты, чернила выцвели.

Внешне он похож на детский альбом с пожелтевшими от времени страницами. На них помещены рисунки, выполненные цветными карандашами и красками. Картинки выполнены наивно и неумело. Здесь есть изображения домов, варниц, лошадей, людей, леса. Поначалу кажется, что это плод творчества ребенка, но потом такое впечатление исчезает. На каждом листе рисунок с надписями и сопровождающий текст. Комментарии написаны чернильной ручкой, карандашом; в большинстве это рука автора, но есть несколько страниц, которые написаны другим почерком, явно женским. Скорее всего, эти страницы вписаны дочерью Марией (с ней он проживал в это время), но стиль и язык — те же, что в основной части, видимо, она записывала под диктовку отца.

Подписи и комментарии не могут не взять за душу. Постепенно, картина за картиной, раскрывается жизнь братьев, Петра и Алексея Богомоловых. Есть в альбоме и предупреждение: *«Не читай, заплачешь, что было»*, обращение к тем, кто знакомится с альбомом: *«А что давай читай»*.

Листы не пронумерованы (их всего 75), но последовательность отмечена другим способом — картинками. Некоторые из них названы автором: *«Картина печальная»*, *«10 лет какъ Петръ и Алексей Близнецы ходили помиру»*, *«Стоит завот стоит 3 года работы нетъ»*, некоторые рисунков и названия не имеют.

Открывает альбом картина № 1 — печальная, отмеченная 1873 годом, когда умер отец. Заканчивается альбом последними десятилетиями существования самого Дедюхина — затоплением и ликвидацией города, пуском в 1954 году Камской ГЭС. В конце — *«Печальная картина слезы и тоска нищета жьите 1954 г. 80 и 82 лет»*. В 1954 году Петру исполнилось 82 года. На новом месте — в Усолье — он пишет летопись своей жизни. Почему рядом цифра 80? Сам процесс «переноса города» начался в 1952 году. Можно предположить, что за эти два года Петр Петро-

вич пережил «смерть города», ставшую для него великой катастрофой, большей, чем вся его нелегкая жизнь. Именно поэтому альбом начинается печальной картиной и заканчивается тоже печальной.

Язык, которым солевар Богомолов пишет летопись своей жизни, очень своеобразен. Он пишет с буквой «ѣ» (в старом алфавите она называлась «ер»), принятой в дореволюционном письме. Некоторые тексты трудно понять, потому что употребляются названия незнакомых местностей, диалектные слова и выражения, характерные для жителей Верхнекамья: «*падера*» (метель), «*ладить лодки*», «*морды*» (средство для ловли рыбы), «*припоручено досматривать*», «*надо робить*», «*приблая вода*», «*ворга*», пишет слова так, как они слышатся: *ситсомѣ* (ситцем), *дожѣ* (дождь), путает буквы местами: *мецесѣ* (месяц), пишет предлоги слитно со следующим словом и т. п. Исходя из современной орфографии и пунктуации, ошибок очень много, но даже современному школьнику большая часть текста понятна. Поэтому в своей работе все выдержки я привожу, не пытаясь их исправить.

ОПИСАНИЕ ЖИЗНИ БРАТЬЕВ

Главная тема альбома — описание жизни двух братьев. В октябре 1873 года родились близнецы Петр Петрович и Алексей Петрович Богомолы. Когда им было всего шесть месяцев, они остаются без отца — Петра Карповича. «*Акилина Константиновна Богомолова овдовела осталась после мужа Петра Карповича Богомолова, сиротами остались Петр (6 мес.) и Алексей (6 мес.) близнецы, Степанида (9 лет) Настасья (6 лет), Евдокия (3 лет)*». Именно этим событием начинается альбом. Картина первая — «печальная».

Правда, с датами есть неясности. На странице указан год — 1873, пишется о смерти отца и указывается возраст близнецов — 6 месяцев. На страницах Библии, которая хранится у внучки Алексея — Л. К. Гороховой, указана точная дата рождения близнецов — 5 октября 1873 года. Значит, 6 месяцев им должно было исполниться весной 1874 года!

Акилина Константиновна с пятью детьми на руках устраивается на соляной завод. Трудно пришлось семье, лишившейся отца. Средств, зарабатываемых матерью, не хватало. Петр пишет о том, что иногда приходил отец Акилины — Константин Петрович, приносил крупчатки, рыбу, ткани. Автор постоянно подчеркивает: «*Слезы, тоска, нищета*».

Петр и Алексей ходили в школу и посещали ее всего три года. Автор альбома сам научился читать и писать. *«Петр бегал в школу. На ногах не было, на руках не было, и на себе не было»*. Валенки и сапоги дал ему учитель как сироте.

Когда завод остановил работу на 3 года, мать нигде не работала, и пришлось ей отпустить «близнецов-сироток» по миру. Петр пишет: *«Завотъ стоялъ 3 г. мать неробила заводе не роботы не было пришлось ходить помиру, зимой въ школу иду, милостинку вбегаю, и школы иду другую выбегаю Петръ сказалъ несчастная моя жизнь статся отъ родителя ходить по миру, горко плакалъ Петръ, нечасные мы ребята Петр и Алексей близнецы»*.

В 12 лет Петр и Алексей вынуждены были ходить в деревню на другой стороне Камы и обменивать паклю на хлеб. Однажды они заблудились, и Петр изобразил такую картину: *«Как пошли из деревни ветеръ был и дождь был, ночь холодная и темная, звесь небыло, месяцу небыло, хлодъ былъ, идемъ и плачемъ какъ о дому дойти. На Каме дыры насквозны, время 12 было час дошли доберегу, попась нельзя, вода холодная и перебрели на берекъ, пошли все замерзли и пришли домой, мать пустила насъ, мать заплакала поутру и лет идет, горко заплакали все»*. Близнецы едва не лишились жизни. Иногда такие выходы совершали с матерью. Чтобы приобрести «кусокъ хлеба» обменивали рубашки, ситец на хлеб, *«хлебъ былъ 45 пудъ мука ситесь 10 копекъ и 12 копекъ»*.

В 13 лет пошли братья Богомолковы работать на завод. Петр стал рассыльным, а Алексей был определен возить воду в конюшню и чистить лошадей. За всю свою жизнь Петр работал соленосом, отгребальщиком, унимальщиком (вынимальщиком), лесником¹. Всего Петр проработал на заводе 46 лет и получил *«живыми деньгами»* — 130 рублей; Алексей проработал дольше, 54 года, и получил 175 рублей.

Родительский дом обветшал, и мать продает его своему зятю — Ефиму Семеновичу Лапаеву. После продажи семья покупает новый дом, к этому времени у них уже были хорошие доходы, так как труд унимальщиков ценился высоко. У двух братьев сразу появляется цель — «обжить» новый дом. Когда сыновьям исполнилось 20 лет, мать больше не смогла работать на заводе. Пришлось поднимать хозяйство братьям.

¹ Петухов О. Записки старого солевара // Березниковская неделя. 17.06.2009.

Петр и Алексей повзрослели, уже была пора задуматься о женитьбе. Алексей попросил благословения у матери жениться на Александре Ивановне, на что она сначала обозлилась, а затем высказала требование: *«Без скотины не жить на квартирах не жить один другого слушаться»*. И правда, материнское благословение помогает, Алексей прожил до 87 лет, *«без хлеба не жил, без скотины и на квартире не жывал»*. Свадьба состоялась в 1895 году.

А в 1896 году пошел свататься Петр Петрович к своей невесте Елене Трофимовне Окуловой, но отец ее до осени не разрешал сыграть свадьбу.

Осенью пришла повестка призывникам Алексею Петровичу и Петру Петровичу прибыть в Соликамск *«по воинской повинности»*. Поехали близнецы с матерью, Алексей вернулся *«по глазу»* (видимо, у него было плохое зрение), да и дома с матерью должен был остаться хотя бы один сын. Петр же был оставлен еще на неделю в Соликамске и по жребью возвращен домой. В альбом вклеена единственная фотография, на которой стоят два военнослужащих в форме, подписи — *«Андрей (? Не известно кто) и Петр, 23 года»*. Вернувшись со службы, в октябре 1896 года Петр играет свадьбу.

Петр Петрович честно трудился, налаживал хозяйство, но братья решили жить отдельно друг от друга. Они жили в доме, разделенном на две части, в альбоме имеется рисунок, где изображены эти части.

На следующий год после свадьбы купил Петр дом за 50 рублей. *«Худой домъ ветхий ничего небыло, одна труба. Ни хлева, ни бани не было, но, Петръ казалъ наживу, на то был бы умъ и здоровее»*. Автор употребляет поговорку: *«Пройдет не это, настанет лето, наживу не это»*. Мать сказала: *«Не плачь Петръ на живеш все будет у тебя через 10 лет, Алексей будетъ завидоватъ»*.

Хозяин сользавода Вилесов отблагодарил П. П. Богомолова за то, что он в течение 3 лет возил его на катере во время разлива Камы, 80 деревьями на постройку дома, которые на своей лошади привез Алексей. Вдвоем они сделали сруб и подняли дом. *«Глаза боятся, руки делают»*, — вставляет пословицу Петр Петрович. Купили корову, самовар — символы благополучия. *«Помаленьку наживаю»*, — радуется автор. Но на столе при этом хлеб и молоко, больше ничего нет.

В возрасте примерно 24 лет у Петра рождается сын Андрей, который прожил недолго. В мае 1899 года рождается дочь Алексан-

дра. Роды были тяжелые, Елена Трофимовна оправиться после них не смогла и вскоре умерла. А дочь прожила еще 40 лет.

Петр Петрович сильно горевал: *«Заплачу кокая моя жызъ нечаяная смолодыхъ лет по миру ходилъ хотелъ пожитъ что буду делатъ»*, но вскоре женился на Параскеве Александровне. С ней он проживет 42 года и родятся у них 7 сыновей и 3 дочери. Он по-прежнему работает на солеваренном заводе.

Петру Петровичу 31 год. *«Собрание 850 человек»* избирает его лесником. Об этих годах он вспоминает особенно: *«Жалование было только 10 рублей месяц и можетъ рыбачитьъ и дрова рубитьъ и охотится слободнее время что хочишь то, и дело но быть самостоятельным по даче на деется на васъ... припоручено было на дачей досматривать что пакостей небыло... дали леворвер и клеймо»*.

В 1903 году на страницах альбома появляются записи о том, как Петр научился *«ладить»* лодки. Старика, который научил его, он отблагодарил, *«на дорогу дал хлеба и винца ему»*. Он описывает рыбалку на Чашкинском озере, рисует картину спасения трех лошадей, у которых потом найдутся хозяева. Затем Петр Петрович снова вернется на завод.

События гражданской войны коснулись и Богомоловых. Нарисованы лошади, запряженные в сани, в них — люди в буденовках с винтовками и комментарий: *«картина печальная»*. Братьев Богомоловых принудили явиться на сборный пункт с лошадьми. *«За неявку суд, и стегать будут вас»*. Пришлось им ездить в разные населенные пункты — Веретию, Соликамск, Чердынь.

Потом люди в буденовках сменяются на рисунках людьми в фуражках, но записи не становятся веселей. Опять за неявку — *«суд и стегать будут»*. Брата Алексея белые увели с собой, и месяц его не было дома. *«И что видел дорогой — слезы, тоска, и печаль. ...Хлеба нет, денег нет, домой пришел без лошади»*. Белые, захватив край, потребовали уведомить о наличии скота в хозяйстве и в трехдневный срок представить 2 тысячи рублей. Богомолу пришлось продать корову и лошадь.

А потом вернулись красные: *«Сказывай, сколько у вас, Богомолов Петр Петрович?»* Богомолов Петр Петрович начал сказывать: *2 лошади, 2 коровы и телка 3 лет, 5 штук овец, кур 10 и еще чего. “Сказывай правду, то отдерем, сукин сын, буржуй”*. Петру Петровичу не приглянулись эти слова. *“Ты, буржуй”*. — *“От буржуев слышу”*. — *“Ты сволочь”*. — *“Я труженик, я от кошеля нажил”*. — *“Не может быть!”* — *“Собери соседей, что скажут”*. И собрали со-

седей 10 человек, и сказали: “Два брата по дворам ходили, сиротки, труженики, Петр и Алексей близнецы”». Можно понять, что ни красные, ни белые не вызывали у братьев симпатий. А чтобы написать об этом в 60-х годах, задолго до конца советской власти, нужно было еще и мужество.

Про советские годы в альбоме практически ничего не написано. Только последние дни Дедюхина описаны подробно, и пропитаны эти рисунки и строки огромной горечью. Прожил человек долгую жизнь, прожил честно, работал, растил детей, обзаводился хозяйством, и теперь — на склоне лет, пожилым стариком — лишается всего. *«1953. 80 лет. Живу в зимовке — февраль, март, апрель, май. Избы нет... Много слез, много горя видел Богомоллов... Разорение... Горько заплакали о корове. Но что получилось за свою жизнь 81 год Богомоллов Петр Петрович: телку пришлось заколоть, села нет, дома [нет]»*. Дом решили перенести: *«Стал ломать дом и стал тосковать и плакать о нем»*. С чего начал свою жизнь Петр Петрович, тем и закончил.

Дополняют описание жизни близнецов рассказы родственников. У родственников имеется фотография братьев. На ней мужчины — орлы. Петр по специальности плотник, он держит в руках свой инструмент. Алексей занимался извозом, подковывал лошадей. По воспоминаниям З. А. Богомолловой, жены сына Алексея Петровича, Александра, и пенсию братья получали вместе. И только в этот день, единственный раз в месяц, позволяли купить себе чекушку водки. Братьям было не до выпивки, у обоих были большие семьи, и им приходилось трудиться не покладая рук. Кроме того, братья были набожны и ходили в церковь каждое воскресенье. Алексей Петрович говорил про себя: «Я жизнь прожил от кошеля» (то есть начинал с милостыни). И еще признавался, что за всю жизнь чаю сидя не попил: все время в делах, разъездах. А Петр Петрович как хороший плотник делал лодки. По утрам в паводок сам развозил дедюхинцев на лодке: «Ведь на работу, в школу опаздывают».

После известия о затоплении Дедюхина большая семья Богомолловых решила переехать не в Березники, а на правый берег — в Усолье. Петр Петрович жил до постройки дома в Дедюхине в землянке, сам же дом был перенесен в Усолье и поставлен на пересечении улиц 8 марта и К. Маркса. Он снесен в 80-е годы в связи с расширением улицы 8 марта. В возведении дома принимали участие все дедюхинцы, которые переехали жить в Усолье, а руководил по-

стройкой племянник — Константин Алексеевич. До конца жизни Петр прожил с дочерью Марией в этом доме.

Дом Алексея Петровича перенесен в Семино его сыном — Александром. Другой сын, Константин, с детьми-школьниками жил в землянке в Усолье на улице 8 марта, постепенно на этом месте он построил дом. Здесь жили семья Константина и отец его жены, и Алексей Петрович большую часть времени жил у него, не мог надолго разлучаться со своим братом Петром.

Петр Петрович ненадолго пережил своего брата. Он готовился к смерти: сделал себе гроб и хранил его на вышке дома, но он оказался мал по размерам и его похоронили в другом гробу. Прожил он до 90 лет, похоронен в Усолье².

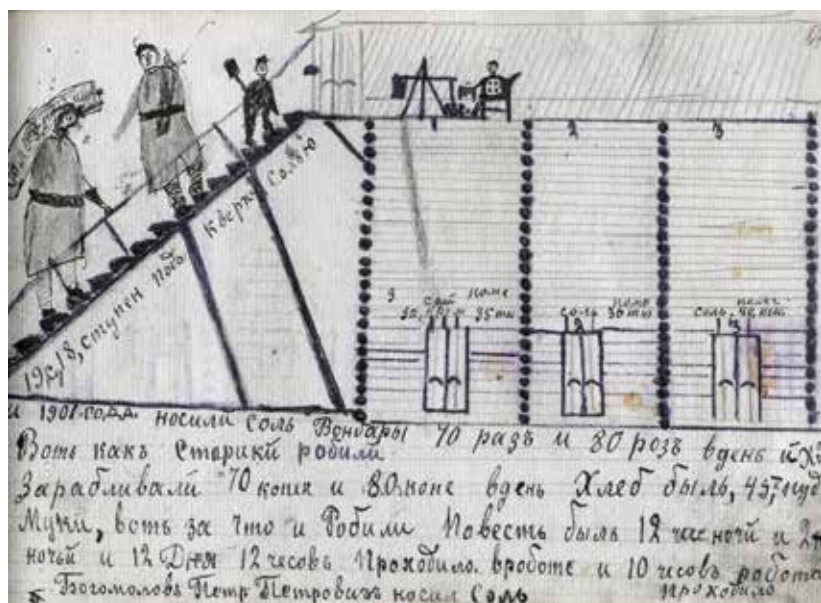
Автор альбома описывает свою жизнь ярко, красочно. В рисунках раскрыты все мелочи его «жития». В них проявляются индивидуальные качества автора, его мировоззрение, политические взгляды.

СОЛЕВАРЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГОРНОМ ГОРОДЕ ДЕДЮХИНО И ТРУД ГОРОЖАН

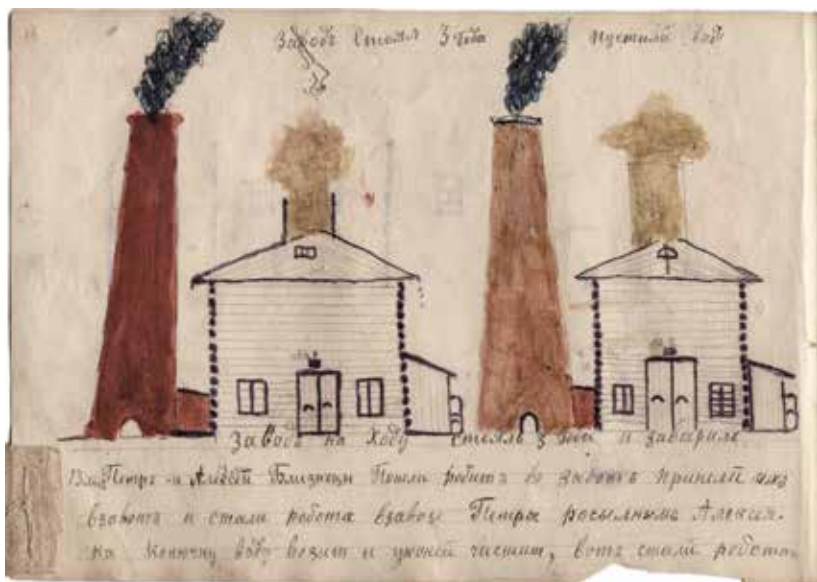
Горный город Дедюхино был наряду с Соликамском, Усольем, Лёнвой, Пыскором, Орлом местом соляных промыслов. Соляные пласты под Дедюхино находились сравнительно неглубоко: на 40–45 саженей от поверхности земли, то есть на 80–85 метров. Самые глубокие из скважин, пробуренные с целью добычи соли в Прикамье в это время, достигали отметки 200 метров. Соляное производство было основным делом дедюхинцев. Именно поэтому автор альбома П. П. Богомоллов с яркостью и точностью описывает труд горожан, рисует картины соляного производства. На заводе соленосом работала их мать Акилина Константиновна, сами братья с 13 лет пошли работать на солеваренный завод. Петр Петрович за свою долгую жизнь работал на заводе соленосом, отгребальщиком, унимальщиком, Алексей еще извозил дрова для солеварения.

Описание трудовой жизни солеваров начинается с 1873 года, когда после смерти мужа 35-летняя мать пошла работать на завод на варницу вторым соленосом. На этой варнице А. К. Богомоллова зарабатывала тем, что «з бабами соль в амбар подымала». В день ходили 25–30 женщин по 75–80 раз. Соль носили в Егорьевский

² Запись со слов Л. К. Гороховой 10 января 2016 г. Архив МБОУ УСОШ № 1.

Страницы из альбома Петра Петровича Богомолова

Страницы из альбома Петра Петровича Богомолова

Страницы из альбома Петра Петровича Богомолова

Страницы из альбома Петра Петровича Богомолова

амбар, в который ведет 20 ступенек. На рисунке изображены женщины, несущие мешки по 3 пуда весом. В 1874 году заработок составлял 35 копеек в день, а хлеб стоил 40 копеек 1 пуд, мука — 45. Мать проработала на заводе всего 17 лет.

В *«13 лет Петр и Алексей близнецы пошли робить въ заводъ»*, Алексей на конюшню, Петр — рассыльным. Видимо, задача рассыльного — отвозить и привозить владельца, бегать за рабочими. Под надписью *«14 лет»* описывается вновь труд солоносов, хотя сами братья в это время еще не работали. Скорее всего эти записи относятся к матери.

«Какъ носили солоносы соль в онбары 5 пудовъ на голове носили и ходили вдень 79 разъ и 80 разъ вдень 4 в онбар и заработка была 70 копе, и 80 копе в ден хлеб былъ, вот така работа была». По сравнению с 1884 годом носить соли стали больше — 5 пудов (80 кг), зарплата стала больше. Возможно, сейчас речь идет о мужчинах — солоносах. Ведь под 1884 годом была четкая надпись — женщины. В 14 лет братья становятся *«соваричами обзгребат соль в онбары»*. На рисунке изображены 4 человека, поднимающихся по 20 ступенькам в амбар: Алексей, Петр — над ними надпись — отгребальщики, 2 других — товарный, амбарный. Задача отгребальщиков — отгребать соль в амбаре. *«Петр и Алексей близнецы пошли соваричами. Вдень заработка была 25 к. вдень какъ обзгребали соль хлебъ в это время былъ 45 к. пудъ»*. Дальше не совсем понятная надпись: *«Повестъ быть 12 часов ночй и вчас ночй боже насъ помилуй насъ, аминь не просыпай 14 лет и повечалй ночью робочих всехъ подварков и унималчико и солоносовы и банто (?) всех робочих»*. Видимо, работали ночью, главное было — не спать, и, скорее всего, перечисляются профессии, на которых работали подростки — подварки, унимальщики, солоносы. В 15 лет Петр и Алексей *«Какъ отъважываютъ золу сварницъ 3, варницъ взимнее время на увалы возят утромъ и вечером поденчина 30 к. вдень работа пыльная но, надо робить хлебъ баль 45 ко пуд»*. Золу с Златоустовских 3 варниц возили на увалы. Зарплата по сравнению с отгребальщиками стала больше на 5 копеек. Интересный рисунок сопровождает эту запись. Наверху, на трубе варницы сидит человек, но надписи к ней нет.

В 17 лет Петр и Алексей носили соль с женщинами. *«Приходило годъ на той работе робит 1 на, другой робитъ куда пошлют на робитэтъ перется нельзя надо робит»*. 35 человек носили соль по 3 пуда в Егорьевские амбары, 10 ступеней вверх и 12

вниз — женщины и подростки-ребята 17–18 лет. За день надо сходить 80–90 раз. Зарплата составляла 35 копеек в день. В 18 лет *«Послали унимат Петра и Алексея, Петра на 2 номер Алексея 1 номер»*, на вторую Предтеченскую варницу. *«Но сперва было тяжело робить апотомъ попривкли и стали робит»*. Петр Петрович Богомоллов проработал 7 лет на одной варнице унимальщиком, а затем кочегаром, Алексей — 5 лет на варнице. *«Унималъ соль 5 лет не покидая рукъ ходили 5 утра 6 часов вечера 2 раза всутки, заработка была 12 руба и 12 р 50 к хлебъ был 45 пуд взапас едовали хлеба крупчатки рыбы сахару»*. Труд унимальщика был очень тяжелый, но и зарплата была намного выше (указана за месяц).

Под 1897 годом упоминается период работы промыслов — «варничный год». На конец апреля — середину мая приходился паводок, именно в этот период *«работниковъ снимал сработы и опять на сторое место посылалъ»* хозяин. А хозяином был предприниматель И. П. Вилесов, но Г. П. Головчанский утверждает на основе других источников, что И. П. Вилесов взял в аренду первый участок только в 1903 году³. Во время паводка три года подряд П. П. Богомоллов с четырьмя товарищами возил своего хозяина на катере «Варяг», за что хозяин рассчитывался с ним 80 деревьями в лесу. 20 деревьев не хватало Петру Петровичу на строительство дома, И. П. Вилесов дал ему эти недостающие деревья, *«хозяин любил таких работников»*.

Алексей Петрович *«везетъ дрова на изгарворницу сперва возилъ на, одной а потомъ и на другой и возилъ все время 42 года и на разных лошадахъ и все вемя возилъ взаводъ 5 сажень и 6 сажон, 4 утросовъ и 12 дня вот какъ робил в заводе Богомолловъ Алексей»*. Брат Петр задает вопрос: *«А сколько в год можно навозить сажень? А за свою жизнь? Тысячу...»* Трудно приходилось брату. *«Буувал й дожд и падеры и морозъ 50 градус есть надо навозить дрова 6 сажен всутки»*. За работу платили: *«муки давали 9 пудъ овса 20 пуд пуд 35 коп»*. Петр Петрович в это время работал соленосом. *«Носили соль в онбары 70 ра и 80 разъ вотъ какъ старики робили зарабливали 70 копек и 80 копе вдень хлеб былъ 45 пудъ муки вотъ за что и робили»*. Работали днем и ночью по 10–12 часов в день.

Таким образом, вся биография двух братьев, матери, деда связана с работой на заводе. Свою жизнь братья начали рассыльным

³ Головчанский Г. П. Дедюхино // Города-заводы. Пермь: Книжный мир, 2014. С. 52. (По городам и весям Прикамья).

и конюхом, работали отгребальщиками, соленосами, унимальщиками, возили золу, дрова. Автор в своем альбоме описывает не только специальности соленого производства, но тяжесть труда, оплату за разные работы, при этом сравнивает стоимость хлеба и зарплату рабочих. На основе описания и рисунков в альбоме можно представить себе производство соли в тот период времени. Отражены также периоды работы и простоя завода, правда, они не всегда совпадают по времени с другими официальными источниками. Имеются также сведения об одном из хозяев завода начала XX века — И. П. Вилесове.

БЫТ И ХОЗЯЙСТВО ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ДЕДЮХИНО

В альбоме Петра Богомолова содержится описание хозяйства и бытовых сцен. Информация отражена не только в текстах, но и в рисунках. Земли в Дедюхино не особенно благоприятствовали земледелию, но огороды были. Весной их затапливало, после этого сразу занимались посадками. Но в альбоме упоминания об этом нет.

Когда Петра Богомолова выбрали работать лесником на казенную Сурмовскую дачу в 15–17 верстах от Дедюхина, ему дали 8 десятин земли — для леса, 5,2 — пахотной земли, 1 — сенокосные угодья. 10 деревьев он продал за 1 рубль 20 копеек, продавал он и скошенную траву, от которой выручил 20 рублей. А жалование его составляло в это время 10 рублей в месяц. Его основная функция была досматривать за крестьянами, что возят. Брату Алексею дали 8 десятин на даче, но земля была не пригодна ни для пахоты, ни для сенокоса. *«Что буду делать сней... надо обработать ее... 3 года сужьльзъ лѣсникомъ Дедюхиномъ 1 годъ служу Сурмовской даче приемке дач ѣ хватитъ сменя сказаль Богомоловъ Петръ Петровичъ, дома хозяйство большое годъ дослужу».* В одной из картин он упоминает *«поле 50 лет 2 новочтй 40, 3 огорода 42 года».* Скорее всего, за 50 лет у него было поле и за 42 года — 3 огорода.

Особое положение в Дедюхино занимало скотоводство. Корова считалась самым распространенным домашним животным. Мать, благословляя своих сыновей на брак, давала наказ: «Без скотины не жить». Первую корову купил Петр Петрович за 17 рублей в 1897 году. Деньги на корову копили постепенно, в это время на заводе жалование было 15 рублей. Встреча матери с коровой была праздником. За всю жизнь *«Было приобретено 2 лошади 2 коровы».*

Последние дни жизни в Дедюхино стали трагедией — с коровой и телкой пришлось проститься. *«1953 ноября 5 числа... повел корову телку 3 лет на Камень из Дедюхино, и с дочерью Марией Петровной облились слезами, горько заплакали о корове и о телке, как расстал телку 3 года, жаль мне ее».*

Без лошади тоже жить было трудно. Первым лошадь купил в 24 года Алексей *«со всемъ збруей заплатил 45 рублей».* *«Матъ сказала Алексею на что такую берешь худую лошадь но я ее справлю она будет робит посмотримъ и спровиль лошади поехалъ взаводъ дрова водит на варницы и возиль 42 года приобретать других лошадей за свою жызьнь».*

Сам Петр в 1905 году (в 33 года) купил лошадь *«как одалй кобылицу сторговъ Богомоллову Петру Петровичу за 50 рублей сторговъ по уплатно (в отсрочку?) Богомолловъ сталъ изаит на ней ... здиль на 3 год когда дровъ волость привезетъ когда домой привезет».*

Интересный случай описывает автор, когда он работал лесничим. Он нашел лошадей в лесу и привел их в волостное правление, информация о найденных конях была напечатана в газете, хозяева нашлись через 7 дней и заплатили деньги. Это свидетельствует о честности и порядочности Петра Петровича. Здесь же он пишет о том, что из лыка сделал аркан и узду и ими поймал в лесу коней. Любовь к лошадям подтверждают и рисунки в альбоме. Лошади изображены достаточно искусно, наиболее встречающиеся лошади — белые в крапинку и рыжие. Рыжий конь Алексея — Ковурый малый и большой, в крапинку конь зятя — Серко и свой.

Кроме лошадей и коров в хозяйстве П. Богомоллова имелись 5 овец и 15 кур.

Дополнительным источником существования были дары природы. В альбоме Богомоллова рыбалке на Чашкинском озере посвящена «картина» с названием *«Весеннее время май»:* *«1 мая 1903 года поехалъ влодке Богомолловъ Петръ Петровичъ влѣсъ по обходу во время разлива воды, на озера рыбачитъ и за охотой и по дрова вновой лодке».* У Богомоллова всё под руками: рыбы привезет, уток и косачей, и дров привезет домой, только не ленись. На рисунке изображена лодка, а в ней автор, собака, топор, сумка, ружье и всё подписано. Рыбу ловили мордами, которые плели из ветвей деревьев, на рисунке изображена технология постановки морд. Нарисован лес, на верхушках деревьев сидят косачи. В Каме рыба ловилась плохо и только во время весеннего спада воды. Чашкинское озеро находилось в одной версте, рыбалка в ней была малодобыч-

ливая, но это лучше *«несоль носить в анбары спянымй работнйком казалъ»*.

В Дедюхино жители старались жить в своих домах. Мать всё в том же благословлении указывает *«не жить на квартирах»*. Первый родительский дом *«на 19 году жизни Петр и Алексей Богомолы с матерью продали»* и приобрели новый, и стали *«поуплатно за него уплачивать мецеса и вгодъ за него»*, скорее всего в кредит. Братья и мать начинают жить по-новому; дом поделили на 2 части: первая часть Петра, посередине — сени и вторая — Алексея. *«Петка дом 3 сажена, сени 1 сажен, Алешка дом 3 сажена»*. Это отражено на рисунке. Дом высокий; по рисунку не понятно, сколько этажей. Обычно для данной местности характерны двухэтажные дома, связано это с отоплением весной. В 1897 году Петр купил для своей семьи отдельный дом за 50 рублей. Дом оказался худой, на что два брата сказали: *«Посмотрим на них, поднимем дом»*. Но весной дом затопило и нижняя часть стала нежилой. Загоревал Петр *«и горко заплакаль домъ старый ветхи и ничего не было»*. Совместно с Алексеем они поставили дом, и он около 80 лет, даже после переноса, прослужил своему хозяину и его дочери.

На одной из страниц альбома автор пишет о том, что ели. *«Петръ Петровичъ пиходитъ сроботы вечеромъ и говорит нетли что поест и попитъ. Мать и говоритъ самоваръ на столе и хлебъ и молоко на столе, пей и ешь больше не чего нету»*. Данную картину сопровождает надпись: *«Хорошее житие Петра Петровича»*, видимо такой стол — для них уже достаток. На праздничных застольях всегда стояло вино, это видно на рисунках. Так же на нескольких рисунках изображено пиво с подписью: *«Выпьем»*.

Символом благополучия, по представлениям Петра Богомолова, являются самовар и часы. И он это постоянно подчеркивает. Когда Петр переехал в отдельный дом, у него: *«Ничего небыло, ни самовару небыло и часовъ небыло ни коровы небыло»*. Поэтому он с особой гордостью пишет о покупке первого самовара: *«Петръ Петровичъ и сходил вУсолье за самоваромъ и купилъ его за 10 руб 50 к.»*.

Среди множества бытовых сцен наиболее ярко, с особой любовью автор описывает сцены сватовства и женитьбы. По старым обычаям парни и девушки, прежде чем играть свадьбу, должны были просить родительского благословения. В альбоме автор рассказывает о трех свадьбах: двух своих и одной брата. Во всех трех случаях мать, Акилина Константиновна, дает одно и тоже настав-

ление: *«Без скотины не жить на квартирах не жить один другого слушаться».*

Первым жениться решил Алексей, на что мать стала возражать: *«Лопата и ухватъ уменя вруках... Я наломаю бокате вам... надо женится по хорошему, а не такъ».* Эту сцену сопровождает интересная надпись: *«Петр взял гармонию. Алексей надумал жениться. Смех и горе...»*

Через год надумал свататься Петр Петрович к Елене Трофимовне Окуловой. Теперь мать не возражала, но отец Елены сказал: *«Знаю парня как себя, парень хороший но, до осени не одамъ девуку, стар стал и сторуха робить не можот вся надежда на девуку жди осени».* Свадебное торжество состоялось 16 октября 1896 года. После совершения обряда венчания молодых встретила мать и благословила всё теми же словами. Из рисунков на нескольких страницах мы узнаем: *«Свахй приезжали отъ венца и все гости едутъ. Поехали. Всех лошадей было 7 лошадей приглошенья певчие 4 человека».* Этот брак был не долгим, в 27 лет Петр Петрович овдовел.

Ярко описывает он и вторую свадьбу с Параскевой Александровной: *«Был сильной дож, все смоклй отъ дождь»*, тщательно вырисовывает коляску, на которой едут молодые. Мать благословляет молодых все теми же словами, поздравляет и желает: *«Вногая лѣта вногая лѣта вногая лѣта Богомолу Петру Петровичу и супруге его Параскове Александровне».* Вторую свадьбу он описывает более красочно, чем первую: *«Гуляемъ и веселимся и будемъ выпиватъ вина все его гости изапевали, внося ета 3 раза вина, было 6 ведеръ 8 рублей, ведро 1,2 рублей».*

Интересно описание детских зимних забав, запечатленных на двух картинках. На первой из них он вспоминает: *«Петр и Алексей близнецы-сиротки вышли огребаться в зимнее время Петр с лопатой, Алексей с санками, а две сестры посмотреть на них что будут дел».* На другой он также пишет о зимних увлечениях, но еще с рисунком горки: *«12 лет Петр и Алексей сиротки вышли покататься в зимнее время... они вышли побаловать, а мать смотрит на них».*

* * *

Дневник солевара из горного города Дедюхино Петра Петровича Богомолова ценен тем, что он не только описывает то, что происходило в его жизни, но и выражает его отношение к этому, его оценки и переживания. В нем есть история, казалось бы,

маленького человека, который прошел долгий путь жизни от сиротки, просящего милостыню, до уважаемого человека в городе. Хороший сын, понимающий брат, глубоко верующий человек, постоянный труженик — таким предстает автор альбома. Делал он свой альбом трепетно и нежно, не очень умело, но зато душевно выписывая каждую картину. Вырисованные фигуры людей и животных, очертания строений, леса, домов сопровождаются комментариями, которые насквозь пропитаны печалью — остались сиротками два брата, просили милостыню, всю жизнь «робили», пережили 3 революции, 3 войны. Лишь одна картина сопровождается надписью: «*Хорошее житие Петра Петровича*», где на столе стоят хлеб и молоко. Тем не менее, судя по картинам и надписям, счастьем для автора были покупка дома, коровы, лошадей, свадьбы, рождение детей, приобретение самовара, гармошки, выборная должность лесничего. В конце альбома — снова печаль и слезы, затопление города — это еще большая боль, это потеря всего. Автор пытается доказать, что его жизнь прожита не зря, и не его вина, что после 80 прожитых лет он оставляет после себя только альбом с рисунками.

Купец, благотворитель, попечитель

Полина Игнатьева

школа, с. Каракулино, Удмуртская Республика

научный руководитель Марина Геннадьевна

Корепанова

СЕЛО КУПЕЧЕСКОЕ, ЦЕНТР ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Столетний юбилей революций 1917 года — знаменательное событие и для старинного купеческого села Каракулино, раскинувшегося на высоких камских берегах. Село жило благодаря купцам, а торговля была основой его благосостояния. Произшедшие одна за другой революции и последовавшая за ними братоубийственная гражданская война не только нарушили привычный уклад жизни села, но и стали причиной трагедии для жителей всех слоев.

В начале XIX века село Каракулино становится многолюдным торгово-купеческим центром и славится на всю Вятскую губернию своими ярмарками. Ему принадлежит первое место по торговле во всем Сарапульском уезде. Этим оно обязано естественному богатству местности — реке Каме. На пристани Любимовская иногда грузили до 200 судов товарами, идущими в Рыбинск, Нижний Новгород, Астрахань. Торговля производилась в основном продуктами земледелия и рыбой. Камскую рыбу (осетр, сазан, стерлядь) отправляли далеко за пределы Прикамья, даже за границу. Ее подавали и к царскому столу.

Каракулинскую волость можно было назвать и хлебной житницей Удмуртии. С пристани ежегодно отправлялось до 2 млн пудов зерна, главным образом ржи, овса и гречи. Рос местный рынок, росла и богатела волость. Место было бойкое, прибыльное, удобное. Чего только нельзя было купить в торговый день! Два раза в год шумели на Камском берегу ярмарки: осенняя — Семеновская и весенняя — Соборная. Оборот денежных средств в течение года на этих двух ярмарках и на еженедельных базарах ежегодно составлял 10 813 рублей.

В 1887 году газета «Московские вести» сообщала, что к торговой пристани прикамского села Каракулино пристают ежедневно до 200 судов, а на ярмарке в том селе «можно купить всё, даже медвежонка».

В Каракулино было 3 церкви, 45 лавок, 25 амбаров для складов хлеба, соли, рыбы, 3 водяные мукомольные мельницы. Большинство из перечисленного находилось на Нижней улице.

Ежегодно по Каме перевозились тонны грузов, для удобства судоходства устанавливались десятки пристаней, из них четыре — на территории современного Каракулинского района. До начала промышленного переворота баржи, груженные товаром, по Каме тянули бурлаки. Самый известный каракулинский купец Илларион Ведерников нанимал в бурлаки жителей села на очень выгодных условиях, платил хорошую зарплату, но и требования выставлял высокие. Брал только самых выносливых, трудолюбивых, непьющих.

Особая гордость села — Базарная площадь. Здесь находились торговые ряды, наиболее богатые торговцы ставили лавки, дома, склады. Некоторые постройки сохранились: дом и лавка купца Трегубова (здание Охотобщества), дома Ведерниковых (здания Музея истории Каракулинского района), дом и лавка купца Вахрушева (спасательная станция).

На углу площади находился магазин купца Трегубова, здание которого было разрушено уже в 90-е годы. Дом за мостом над речкой Каракулинкой, где жил Василий Иванович Трегубов, до сих пор привлекает внимание. Дом был двухэтажный, около дома — склады. Торговали Трегубовы на нижнем этаже железно-скобяными изделиями. После революции в доме на долгое время разместились милиция. Сейчас это дом охотоведческого хозяйства. Территория бывшей Базарной площади заболочена из-за ежегодного подъема воды в Каме.

Судьбы всех каракулинских купцов, доживших до революции, трагичны. Большинство из них были убиты красными в годы гражданской войны. Сын Ведерникова был вывезен за территорию села в куче навоза конюхом Ведерниковых. На заставе красные кололи штыками кучу навоза на телеге, но купеческого сына не нашли.

Легенда о другой купеческой семье — Трегубовых — гласит, что в одну из ночей отец и два сына ушли вплавь через Каму, спасаясь от красных. Дальнейшая судьба их неизвестна, все их считали убитыми. Говорят, что в конце 90-х годов XX века в Каракулино приехала женщина из Америки, она долго стояла и смотрела на трегубовский особняк. Возможно, что кто-то из этой семьи спасся и уехал жить в Америку.

Все эти легенды живут в народе, передаются из уст в уста.

ГЛАВНЫЙ МЕЦЕНАТ СЕЛА КАРАКУЛИНО

Самым уважаемым и почитаемым купцом I гильдии в селе Каракулино Сарапульского уезда Вятской губернии был Илларион Фотиевич Ведерников (1858–1915). Родился он в 1858 году в небогатой семье удельных крестьян.

Краевед-любитель Ольга Епифановна Глезденева рассказала, что православное воспитание, полученное в семье, приучило его к трудолюбию, порядочности, благочестию, навыкам вести личное подсобное хозяйство и работать на земле. Пригодилось это ему и при ведении торговли хлебом, рыбой и другими продовольственными товарами. У него имелись мельница, склады, сеть магазинов, два жилых дома.

Илларион Фотиевич был самым богатым человеком в селе. Но разбогатев, много помогал людям, вкладывал деньги в строительство общественных объектов. Память о нем хранят сохранившиеся здания Никольской часовни (1907 г.), терапевтического отделения центральной районной больницы (1912 или 1914 г.), двухклассного министерского училища; благодаря ему были построены склады, торговая палатка, дорога (спуск с ул. Каманина к реке Кама), возведен памятник императору Александру II на центральной площади (1912 г.).

У И. Ф. Ведерникова и его жены Капиталины Александровны (1856 г. р.) было два сына: Петр (1876 г. р.) и Николай (1880 г. р.) и три дочери: Мария (1879 г. р.), Евдокия (1883 г. р.), Елена (1892 г. р.). С ними жила мать купца, Парасковья Давыдовна Ведерникова (1829 г. р.).

Старший сын, Петр, был расстрелян в родном селе в 1918 году; Николай учился в Петрограде, затем уехал в Германию. Мария вышла замуж за сарапульского купца Курбатова, переехала в Сарапул, затем в Пермь. О младших дочерях не удалось найти ничего достоверного.

Илларион Фотиевич Ведерников похоронен на приходском кладбище села, на могиле был установлен памятник из черного мрамора. Старожилы помнят, что всем людям раздавалась милостыня за упокой души усопшего купца. В советское время памятник исчез с кладбища, в декабре 1976 года на месте кладбища был открыт районный дом культуры, но в 1994 году памятник был найден в деревне Котово Каракулинского района. Сейчас он стоит во дворе перед окнами деревянного одноэтажного дома, построенного Ведерниковым для сына Петра, где теперь располагается музей.

Улица, на которой он жил, до революции называлась его именем — улица Ведерникова, теперь это улица Кирова.

УСАДЬБА ВЕДЕРНИКОВЫХ

Семья Ведерниковых жила в усадьбе, состоявшей из двух домов — кирпичного двухэтажного здания, построенного в 1889 году, и деревянного одноэтажного, построенного в 1904 году для старшего сына.

Когда началась революция, все купечество было «раскупечено». Петр Ведерников был расстрелян в переулке за кирпичным домом. Второй сын укрылся в Петербурге и, говорят, уехал в Германию. Говорят, что в 60–70-х годах одна из дочерей, вероятно, младшая, приезжала в село, осмотрела дома и попросила оставить ее одну в угловой комнате отцовского дома. Возможно, там был в стене тайник и она что-то из него взяла. В то время в доме был райком ВЛКСМ. Это рассказывал человек, который там работал.

В 1989 г. приезжал в село внук Ведерникова, видимо, сын Петра. Это был уже пожилой человек, он приехал на Родину посмотреть на то место, где родился, где жили его предки. Был очень удивлен, что дома находятся в хорошем состоянии и сказал: «Я ровесник деревянному дому. Когда я родился, дед выстроил его».

Вероятно, оба дома сохранились хорошо потому, что долгие годы в них находились райкомы партии и комсомола нашего района. Затем кирпичное здание было передано редакции газеты «Прикамская правда», а деревянное отдано под музыкальную школу.

В 1991 году в деревянном здании открыт Музей истории Каракулинского района (филиал Сарапульского музея истории и культуры Среднего Прикамья).

Каменный особняк Ведерникова очень похож на особняк И. И. Шишкина в Елабуге, который сейчас стал Домом-музеем великого художника. Раньше купцы довольно часто вели сообщение по Каме, и ничего удивительного в том, что строили свои дома по одинаковым проектам.

В Доме-музее Шишкина сохранилось старинное расположение комнат и убранство, хранящее дух давно ушедшего времени. Я предлагаю по образу елабужского особняка восстановить прежнее расположение комнат и убранство особняка Ведерникова. Жители села Каракулино и его гости были бы только благодарны.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. Ф. ВЕДЕРНИКОВА

И. Ф. Ведерников не только успешно вел свои купеческие дела, но и широко занимался благотворительностью. Его огромные взносы и вклады на благотворительные дела были многократны, щедры и бескорыстны.

Он жертвовал свои капиталы на постройку церквей, монастыря, больницы, их ремонт, украшение, на строительство новых школ, училища, помогал потерпевшим от стихийных бедствий, калекам, вдовам, сиротам, просто бедным и обездоленным людям.

На фасаде терапевтического отделения центральной районной больницы с. Каракулино висит табличка: «Здание земской больницы построено в 1912 году под руководством врача Гиршкевича Марка Семеновича на средства купца Ведерникова И. Ф.».

До 1911 года земская больница располагалась по ул. Нижней (ул. Карла Маркса). Сегодняшним жителям Каракулино трудно представить, что там, где сейчас находятся больница и стадион, была дальняя окраина села — там, на Задней улице, и решено было построить больницу, заложить кладбище. Руководил строительством военный врач М. С. Гиршкевич, финансирование шло из средств купца Ведерникова и земства. Рабочими были местные жители. Кирпич изготовляли и обжигали сами, для приготовления раствора использовали куриные яйца. Красивый, изящный корпус больницы является памятником архитектуры Удмуртии.

На средства земства и семьи Ведерниковых в селе было открыто двухклассное министерское училище с ремесленными отделениями. Жителей Сарапульского уезда в нем учили бесплатно.

Начальное мужское училище существовало в селе еще с 1841 года, но ютилось в небольшом, тесном деревянном здании. Планы и сметы предусматривали постройку 2-этажного каменного здания стоимостью, не превышающей 7 тыс. рублей. Строительство началось, но затем в течение более чем 10 лет оставалось брошенным. В 1914 году постройка была передана земству и возобновлена при активном участии Иллариона Фотиевича Ведерникова, являвшегося попечителем училища, но завершена уже после его смерти, в декабре 1916 года. Дело купца довела до конца его семья.

Семья Ведерниковых продолжала участвовать и в других благотворительных проектах, например, в строительстве женского монастыря. На основании указа Сарапульского духовного прав-

Базарная площадь

План
Базарной
площади

Усадьба И. Ф. Ведерникова

Дом, построенный купцом И. Ф. Ведерниковым для сына

Магазин хозяйственных товаров

Здание начального 2-х классного мужского училища

Памятник Александру II

Усадьба И. Ф. Ведерникова. В настоящее время здесь расположен музей истории Каракулинского района

ления от 11 июня 1916 года при кладбищенской Воскресенской церкви создавалось женское общежитие труда и молитв, а 3 января 1917 года создан комитет по строительству здания для проживания сестер. Дальнейшую судьбу этого начинания можно предугадать — на основании постановления Сарапульского окрисполкома от 25 января 1929 года женский монастырь был ликвидирован.

ПАМЯТНИК АЛЕКСАНДРУ II И ЧАСОВНЯ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

Отдельно стоит рассказать об участии купца Ведерникова в создании двух сооружений, связанных с историей и духовной памятью народа.

Илларион Фотиевич был одним из инициаторов установки памятника царю-освободителю Александру II, который в 1861 году подписал декрет об отмене крепостного права, а 1 марта 1881 года был убит революционерами-террористами. Вместе с односельчанами он открывал его в 1912 году на центральной площади села.

На фотографии, запечатлевшей это событие, много людей с иконами, служители церкви держат хоругви — церковные знамена. Площадь красиво украшена. Бюст императора на высоком постаменте обнесен по периметру кованной ажурной решеткой. Эта фотография была воспроизведена в газете «Прикамская правда» от 20 февраля 2002 года в связи с 90-летием открытия памятника.

А в те дни газета писала: «9 сентября 1912 г. в нашем селе состоялось торжественное открытие памятника императору Александру II. При огромном стечении народа, администрации, школьников из окрестных деревень и многих сарапульцев после обедни в церкви перед задернутым пеленой памятником был отслужен молебен при участии прибывшего на торжество Сарапульского епископа Мефодия и соборного храма. Во время молебна пелена спала с памятника, и глазам присутствующих предстал памятник с бюстом императора Александра II. После молебна начались речи. Земский начальник Гусев, отметивший особенные хлопоты по устройству памятника И. Ф. Ведерникова, пожертвовал более 700 рублей.

Торжество закончилось обедом в волостном правлении и в доме Ведерникова и угощением чаем и сладостями от Сарапульского земства собравшихся школьников.

Из Сарапула присутствовали на торжестве заместитель председателя земской управы Попов, исправник Васильев, земские начальники и многие другие» («Прикамский край», г. Сарапул, 12 сентября 1912 г.).

Судьба памятника, к сожалению, неизвестна. Существует версия, что «красные» потопили его в Каме, значит, простоял он всего несколько лет. В лихие годы гражданской войны всё, что было создано «по ту сторону», считалось враждебным и подлежало немедленному уничтожению.

Царя-освободителя в народе высоко чтили. Еще в 1907 году на Базарной площади Каракулино была построена Никольская часовня, посвященная Александру II и освященная именем Святителю Николая Чудотворца. Она отмечает место, на котором стоял пятиглавый деревянный Никольский собор с тремя алтарями, просуществовавший более 100 лет и со временем обветшавший. Ведерников также участвовал в возведении часовни своими финансами.

Часовня органично вписывается в архитектурный ансамбль купеческого села начала XX века, переключаясь с храмовыми сооружениями того периода — Свято-Троицкой и Кладбищенской церковью. Часовня являлась приютом для всех странствующих путников, где они могли помолиться о благополучном путешествии, поставить свечу и согреться, а также переночевать в непогоду.

В годы советской власти храмовые сооружения выполняли различные функции, под которые они совсем не предназначались, служили складами, амбарами и т. п. Никольская часовня после революции превращалась в магазин продажи пирогов и книг, а также там некоторое время была пивная — в святом месте продавали пиво и вино на розлив! Позднее там планировали организовать торговлю рыбой, но видимо, нашлись разумные люди, которые смогли добиться отмены таких планов. На фотографии середины XX века хорошо видна часовня в окружении различных торговых точек, устроенных в бывших купеческих постройках, в ней самой также располагается магазин. В то время она выглядела крайне неприглядно, не было купола, разрушены ступени входа.

В августе 2006 года Никольская часовня была отреставрирована, и купол приобрел первоначальную конструкцию, каким был в 1907 г. В дни памяти — 19 декабря, 21 мая в часовне Святого Николая Чудотворца совершаются молебны, православные верующие 21 мая, почти каждый год, идут крестным ходом к часовне от храма Великомученика и Целителя Пантелеймона с. Каракули-

Купец, благотворитель, попечитель

но (построен и освящен 7 августа 2006 года). Идут тем крестным ходом, той же дорогой, которую построили наши предки во главе с купцом Илларионом Фотиевичем Ведерниковым. Молятся в часовне, которой 23 апреля 2017 года будет 110 лет.

Часовня привлекает жителей села и приезжих, ее рисуют, вышивают на полотнах ткани, фотографируют, о ней сочиняют стихи, ведь часовня — символ Каракулинского района.

Участие Иллариона Фотиевича Ведерникова в церковных делах объясняется тем, что он являлся не только купцом I гильдии, но и церковным старостой, прослужившим в этой должности 26 лет, то есть больше половины своей жизни. Где он служил церковным старостой? Можно предположить, что в Свято-Троицкой церкви (даты постройки и закрытия: 1814–1936 гг.), где в 1871 году было открыто церковно-приходское попечительство.

* * *

Проблема бережного отношения к культурному наследию всегда была и остается в центре всеобщего внимания. Соприкасаясь с памятниками культуры своего народа, своего края, общество формирует в личности наиболее важные ценности — патриотизм, гуманизм, милосердие и доброту.

Многие общественные здания и памятники села Каракулино, среди которых мы живем сегодня, созданы благодаря коммерческой, благотворительной и попечительской деятельности купца I гильдии И. Ф. Ведерникова. Хочется еще раз подчеркнуть, что этот человек был выходцем из удельных крестьян, из простого народа, и цену деньгам знал, как никто другой. Ничто в жизни не доставалось ему даром, но то, что он нажил и заработал, он старался вложить в процветание того места, где родился и жил. Пример купца Ведерникова очень важен сегодня, как путь к тому, чтобы сделать наш край еще более привлекательным, культурным, образованным, процветающим.

Чтобы увековечить память И. Ф. Ведерникова, я предлагаю создать экскурсию по местам его памяти. Я составила маршрут и текст экскурсии для жителей и гостей села и района. Тогда каждый, кто пройдет по маршруту этой экскурсии, подумает, а чем он мог бы поделиться со своим народом и своим краем.

Система поощрений и наказаний в советских колхозах

Анжелика Маторина

школа № 1, г. Кимовск, Тульская область

научный руководитель Светлана Алексеевна Титаренко

А в час, когда смывает тени
Восход потоком багреца,
В поля выходит с нами Ленин...
И счастьем полнятся сердца.

Готовя материал для работы на тему «Поощрения и наказания в колхозах», я обнаружила похвальный лист моей бабушки, Валентины Михеевой. Меня заинтересовало его содержание, и я со своим научным руководителем, Светланой Алексеевной Титаренко, решила обратиться к архивам и газетам советского периода и узнать: как же стимулировали работников в Советской России?

Протоколы собраний колхозников, прочитанные мною в архиве, подтверждают, что стимулирование играло огромную роль в жизни колхозников. Поощрение настраивало на хорошую работу, а следовательно, вело к получению высокого урожая. Высокий урожай был главной целью существования колхозов. После введения паспортной системы крестьяне не получили паспортов, а значит, не могли никуда уехать и оказались прикреплены к своим колхозам.

Встретившись с председателями колхоза «Прогресс», которые руководили им в разное время, я обнаружила, что взгляды их расходятся. Алексей Иванович Чикин работал в 1960-х, в так называемый «расцвет» колхозов, поэтому у него остались теплые воспоминания об этом времени. Так он вспоминает: «Я еще мальчишкой помню, как женщины шли в “Прогресс” с улыбками и песнями». Но, расспросив Владимира Ивановича Драгушина, я поняла, что колхозная система со временем стала рушиться. Работников обманывали, управление пользовалось своим служебным положением. Стимулирование как таковое потеряло всю свою силу. Что же способствовало такому резкому падению авторитета колхоза? Как люди жили в период расцвета колхозной системы?

На эти вопросы я и хочу найти ответы.

* * *

Как только возникли колхозы, потребовались меры воздействия на их членов. Система этих мер определялась Уставами колхозов (сельхозартелей). В советское время действовали положения 1930, 1935 и 1969 годов. Я обратила внимание, что в Уставе 1930 и 1935 годов практически не говорится о возможных мерах поощрения за хорошую работу. Причина этого в том, на мой взгляд, что колхозы создавались насильно, крестьяне всячески пытались саботировать их создание, и нужно было сломить сопротивление единоличников. В Примерном уставе сельскохозяйственной артели 1930 г. нет упоминаний о стимулировании крестьянского труда, только наказания за неучастие в колхозном строительстве. Глава 8 носила название «**Меры воздействия**». Наказывали за неподчинение требованиям устава и нарушение правил внутреннего распорядка; за «бесхозяйственное и нерадивое отношение к обобществленному инвентарю и скоту», что рассматривалось артелью как измена делу коллективизации и практическая помощь врагу-кулаку; за невыход на работу без уважительных причин и другие нарушения трудовой дисциплины¹. Устав предполагал следующие меры воздействия на колхозников: выговор, предупреждение, временное отстранение от работы, штраф. В качестве самой строгой меры наказания — в отношении «неисправимых» — правление ставило перед общим собранием вопрос об исключении из состава артели.

Самые ранние доступные мне в городском архиве документы — протоколы собраний колхоза «Прогресс» — относятся к 1963–1965 годам. Это период, когда действовал Устав 1935 года.

В нем подробно выстраивается система наказаний, которая включала как формальные, так и неформальные санкции. «За бесхозяйственное и нерадивое отношение к общественному имуществу, за невыход без уважительных причин на работу, за недоброкачественную работу и за другие нарушения трудовой дисциплины и устава правление налагает на виновных взыскания, например: переделать недоброкачественную работу без начисления трудодней, предупреждение, выговор, порицание на общем собрании, занесение на черную доску, штраф в размере до 5 трудодней, перемещение на низшую работу, временное отстранение от работы.

¹ Устав сельскохозяйственной артели 1930 г.

В тех случаях, когда все принятые артелью меры воспитания и наказания оказываются недействительными, в отношении неисправимых членов артели правление ставит перед общим собранием вопрос об их исключении из артели»².

Меня заинтересовало, что значит «занесение на черную доску». Черные доски в СССР в 1920–1930-е годы — синоним «доски позора»; они представляли из себя списки, публикуемые в газете. В период коллективизации в СССР повсеместно применялись с целью психологического и административного давления на сёла и станицы, которые не выполняли планы сдачи продовольствия или выполняли их в неполном объёме³. Занесение в список «черной доски» — в противоположность «красной доске» («доске почёта») — означало наложение санкций для провинившихся (от лишения премий до прямых физических репрессий), а для остальных — мерой устрашения. В эти списки вносили как отдельных лиц, так и целые коллективы, населенные пункты и целые районы. Устав 1935 года в качестве меры ответственности предусматривал занесение (помещение) фотографии на черную доску. После такая практика была отменена. Дело о хищении членом артели колхозного имущества, рассматриваемое как помощь врагам народа, в 30-е годы в обязательном порядке передавалось в суд (п. 2 ст. 17 Устава колхоза). Конечно, в 60-х годах такие жесткие меры не принимались, что видно из протоколов, но многие меры наказания были сохранены.

В одном только протоколе от 21 июля 1963 года можно увидеть примеры выговора, штрафа, временного отстранения от работы.

«Протокол № 9 от 21 июля 1963 года. Разбор заявлений:
 Докладная Гусева о плохом состоянии на фермах.
 Постановили: наказать выговорами зав. ферм.
 Докладная Субботиной за самовольное распоряжение лошадьми.
 Постановили: освободить конюха от работы и оштрафовать на 10 руб.
 Докладная Евсеева о невыходе на работу Чикина Н. И.
 Постановили: простой удержать с тракториста»⁴.

² Примерный Устав сельскохозяйственной артели 17 февраля 1935 г.

³ Бондарь И. Ю. Архивные документы о голоде на Кубани 1932–1933 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru/history/1920-1989-ussr/arkhivnye-dokumenty-o-golode-na-kubani-1932-1933-gg>

⁴ Здесь и далее цитируются Книги протоколов за 1963, 1963, 1965 годы колхоза «Прогресс» Львовского сельсовета Новомосковского района, хранящиеся в Городском архиве города Кимовска Тульской области.

«За самовольное взятие колеса из бригады № 2 Климова А. И. оштрафовать на 3 рубля, и если не вернет обратно колесо в бригаду, удержать стоимость колеса» (Протокол № 21 от 3 сентября 1964).

Одним из видов материального наказания была система штрафов за снижение норм выработки. «Если полеводческая бригада в результате плохой работы собирает с закрепленных за ней участков урожай ниже среднего колхозного, или животноводческая бригада в результате плохой работы дает меньше среднего удоя молока, то всем членам такой бригады правление артели производит вычет из дохода в размере до 10% всего числа выработанных ими трудодней»⁵.

Я обратила внимание, что в 1963–1965 годах еще существовало наказание «вычет трудодней». Алексей Иванович Чикин в беседе со мной сказал, что в колхозе устанавливался минимум выходов: 285 выходов в год человек должен был отработать. В протоколах мы читаем:

«Протокол № 4 от 23 апреля 1965 г.

Постановили: оштрафовать Козлову, Шуйцеву, Климову, Романову по 5 трудодней».

За хорошую работу трудодни могли и начислить.

«Протокол № 18 от 16 августа 1965 г.

Решения:

3. За период уборки всем шоферам выплатить по 10 руб. и 15 трудодней за сверхурочную работу».

Размер пенсии напрямую зависел от количества трудодней, занесенных в трудовую книжку колхозника. Следовательно, подобные меры ударяли по будущему положению человека.

Неформальные санкции за некачественную работу я нашла в Протоколе № 1 от 12 февраля 1964 года. Агроном Ерофеева, выступая на собрании, негативно отзывалась об отношении к труду некоторых комсомольцев: «Наши соседи получили по 16 ц с 1 га зерновых, а мы по 10,4. Значит, мы хуже поработали, мало приложили труда, недостаточно внесли органических удобрений. Ведь будущее урожая полностью зависит от наших механизаторов, как

⁵ Примерный Устав сельскохозяйственной артели 17 февраля 1935 г.

они подготовили технику, как обработают землю. А все ли механизаторы добросовестно относятся к своим обязанностям, все ли они знают, что судьба урожая в их руках? Что можно сказать о наших механизаторах как Михеев А., Микешин В., Панферов В. — это наша молодежь — комсомольцы, но свою совесть они видно запахали в борозде. Они не только по-варварски относились к обработке земли, но и не правильно использовали технику».

Устав 1935 года представляет собой некий компромисс с крестьянством, поэтому меры наказания дополнились мерами поощрения. В Устав вводились принципы материальной заинтересованности и ответственности. Поначалу власть пыталась ввести индивидуальное поощрение. Однако колхозники эту систему саботировали, разного рода «добавки», «премии» делились на всех участников трудового процесса, поскольку все утверждали, что «они все работают по-ударному». Поэтому в Уставе было закреплено коллективное премирование: «Если полеводческая бригада в результате хорошей работы собирает с закрепленных за ней участков урожай выше среднего колхозного, или животноводческая бригада в результате лучшей работы обеспечивает больший удой коров, большую упитанность скота, полное сохранение молодняка, то всем членам такой бригады правление артели производит начисление дохода в размерах до 10% всего числа выработанных ими трудодней, выдающимся ударникам в бригаде — в размере до 15%, а бригадиру и заведующему фермой — до 20%»⁶.

Коллективное премирование сохранилось и в 60-е годы.

«Протокол № 26 от 6 ноября 1964 г.

Выдать за хорошую работу свиноферме 20 руб. денег и почётную грамоту.

Пашенцевой Р. Н. — доярке 5 руб.

Шленевой М. А. — доярке 5 руб.

Сергеевой Н. — доярке 5 руб.

Романовой Е. — доярке 5 руб.».

(Именно так, в протоколе работницы свинофермы названы «дойярками»!)

В условиях спада сельскохозяйственного производства исполнительный комитет Тульского Областного Совета депутатов трудя-

⁶ Примерный Устав сельскохозяйственной артели 17 февраля 1935 г.

А. Маторин, мой дедушка

Работники колхоза «Прогресс»

Поездка работников колхоза «Прогресс» в Ленинград

Поездка работников колхоза «Прогресс» в Ленинград

щихся упоминает о необходимости материальных стимулов: «Повысить производительность труда в колхозах на основе правильной организации труда, укрепления и повышения роли трудодня; распределение доходов проводить с учетом урожая, собранного бригадой, а в бригадах — звеньями с тем, чтобы колхозники бригад и звеньев, получивших более высокие урожаи, получали бы соответственно и более высокую оплату»⁷. Данная мера, конечно, действенная, и использовалась постоянно.

«Протокол № 2 от 11 апреля 1965 года

8. Поручить правлению колхоза по окончанию весенне-посевной компании подвести итоги работы. Бригаде, успешно выполняющей задания по срокам сева, добившейся высокого качества работ и занявшей 1 место, вручить переходящее красное знамя правления колхоза и партбюро с выдачей премии 120 руб. Бригаде, занявшей 2 место — 80 руб.».

Это — пример коллективного поощрения.

«Протокол № 23 от 28 октября 1965 г.

Шоферов, обеспечивающих своевременную вывозку зерна от комбайнов, вывозку зерна государству, вывозку картофеля и сахарной свеклы премировать 120 руб. в том числе

1. Фанеев И. П. — 10 руб
2. Кирилин И. А. — 10 руб
3. Козлов И. Д. — 10 руб
4. Утёнкова А. И. — 10 руб
5. Бухонин В. В. — 10 руб».

И вновь здесь мы видим уравнительное коллективное поощрение.

«Было, например, поощрение, если механизатор, работая на тракторе, сэкономил запчасти, ему платили премию. Но потом, к сожалению, это стало отходить. Доярки за надой молока от коровы получали разную оплату. Это тоже стимулировало работников.

Было и духовное поощрение. Были соцсоревнования. Например, механизатор вспахал 8 га, а другой 7 га. Тот, который вспахал 8 га, был отмечен флажком и считался передовиком. Другому же

⁷ ГАТО, ф. 3114, об. 2, д. 31. В книге: Тульская область. Документы и материалы. Тула: Приокское книжное издательство, 1978.

было обидно, и он старался догнать передовика. Дальше. Сеял механизатор и у него огрехи есть, значит, ему задерживают зарплату, заставляли переделывать. Если механизатор посеял, и у него огрехов нет, то он получал премию.

В животноводстве. В группе, допустим, 25 коров. Доярка должна обеспечить сохранность телят 90–95%. Не получала она — была наказана. Так что было всё четко разработано. Точно так же было в свиноводстве. Всё было отработано до мелочей» (Из интервью с А. И. Чикиным).

Воспоминания жителей деревни, работавших в колхозе, часто не совпадают с рассказами председателей.

Из рассказа Валентины Яковлевны Баканиной: «Я работала на свинарнике с твоей бабушкой. Нам за свиноматку по 1 руб. 50 коп. платили, а другой женщине по 2 руб. 50 коп. за свиноматку. Вот это не обидно? Работали вместе, а платили нам по-разному. Кто начальники были, те и получали много. Отхватывали себе».

Из воспоминаний колхозницы Лидии Фанеевой: «Работать было тяжело. Колхоз большой был. Я работать ходила далеко, подниматься рано надо. В нашем колхозе при мне много не награждали, хотя должны были. Всё себе забирали, чего скрывать-то. Ругали нас много. Это я помню. Один раз наградили нашего дедушку. Часы ему подарили. До сих пор работают».

Из разговора с Людмилой Антиповной Маршавиной (стаж работы в колхозе — 29 лет).

— Поощряли за хорошую работу?

— Поощрения были, а как же без этого. Обязательно два раза в месяц давали деньги. То грамоту дадут, то деньги, то на доску почета. Всё нам важно было. За хорошую работу избрали меня депутатом поселкового совета.

— Наказания были? Какие?

— Наказать могли, если на краже поймают и всё. Один раз меня подставить хотели, что, мол, я овес украла. Хорошо, что удалось доказать, что я не виновна, а то был бы штраф.

— Работать было сложно? Отдыхали? Как с домашними делами справлялись?

— Деньги тогда были нужны, поэтому работали без перерыва. Между дойками подрабатывали. То сено разгрузить, то бочки с чем-нибудь. Потом домой шли и домашние дела делали. Убиралась по дому я всегда ночью. А когда ещё? Всех накорми, спать уложи. Дела были.

Самой старой почетной грамоте, хранящейся в нашей семье, больше шестидесяти лет. В 1955 году мою бабушку, Валентину Сергеевну Шилкину, наградили Почвальной грамотой за достигнутые успехи в труде.

Я спросила маму, что она помнит о жизни в колхозе и о том, как моя бабушка, Валентина Сергеевна, работала в колхозе: «Ну, что я могу рассказать. Я маленькая тогда была. Мама работала дояркой. У них в колхозе было 3 дойки. Первая в 5 утра, вторая в 12 дня и третья в 5 вечера. Вот и уходила она еще рано утром. Поощряли их грамотами да вешали на доску почета. Наказывали, если ловили на краже молока или овса. К этому отношению было серьезное».

Перебирая семейный архив, я нашла много интересного. Например, в моей семье сохранилось поздравление с рождением ребенка от колхоза моей бабушке — Валентине Михеевой.

Сельскохозяйственная реформа 1965 года дала мощный импульс развитию колхозного хозяйства. Именно этот период вспоминают жители деревни как наиболее динамичный.

«Жизнерадостные люди были, улыбались. Все шло с удовольствием на работу. Я помню, когда ещё пацаном был, у нас тут женщины шли на покос. И чтобы друг перед другом не стыдно было, надевали лучший сарафан и с песнями шли на покос», — рассказывает А. И. Чикин.

Улучшается быт колхозников, в зимнее время организовывались поездки за счет колхоза, в Москву, например. О такой поездке напоминает фотография. У дома-музея Ленина в Горках на память снялись колхозники — Чикины, Маршавины, Баканины.

Награждались лучшие колхозники и на уровне района. 8 июня 1971 года газета «Районные будни» опубликовала заметку «Конкурс мастериц»:

«На заседании комиссии четверем дояркам — участницам конкурса — присвоено звание “Мастера животноводства первого класса”. Всем остальным — “Мастера животноводства второго класса”. Доярок А. А. Хохлову из колхоза “Свободная жизнь”, занявшую первое место, и Н. М. Гаврюшину, занявшую первое место среди молодых доярок, комиссия решила послать на областной конкурс мастеров машинного доения».

Работа председателя колхоза была сложной, я это поняла из рассказа Владимира Ивановича Драгушина, работавшего в этой должности до начала 90-х годов, до его распада. Отношение колхозников к общему делу часто было негативным, меры наказания

не помогали. «Я от Устава колхоза не отходил, но работали, бывало, так. Если надо было вывозить удобрение из Новомосковска, то машины все были сломаны. Я говорю, чтобы поднимали ребят (там шоферов у нас было много, человек 15). Я говорил: “Надо ехать за удобрением, приезжайте”. Вот, столовая была большая в Апарках. “Режьте овцу”, говорю, ведь надо стол накрыть. Люди сильно удивились, но недостающие детали для машин нашли, и даже в Апарках. И около 10 грузовых машин пошли за удобрениями на химкомбинат в Новомосковск».

Новый Устав колхоза, принятый в 1969 году, уже включал разработанную систему поощрений, а меры наказания были такие же, как в других отраслях хозяйства.

«34. За достижение высоких результатов в производстве, разработку и внедрение рационализаторских предложений, экономию общественных средств, долголетнюю безупречную работу в колхозном производстве и за другие заслуги перед колхозом общее собрание членов колхоза или правление применяют следующие меры поощрения колхозников:

- объявление благодарности;
- выдача премии, награждение ценным подарком;
- награждение Почетной грамотой;
- занесение на Доску почета или в Книгу почета;
- присвоение званий «Заслуженный колхозник» и «Почетный колхозник».

По усмотрению общего собрания членов колхоза могут быть установлены и другие меры поощрения.

Звания «Заслуженный колхозник» и «Почетный колхозник» присваиваются решением общего собрания членов колхоза, согласно утвержденному колхозом положению»⁸.

Система наказаний была приближена к КЗоТу (Кодексу законов о труде), конечно, с колхозной спецификой.

«35. За нарушение трудовой дисциплины, Устава колхоза или Правил внутреннего распорядка на виновных лиц общим собранием колхозников или правлением колхоза могут быть наложены следующие взыскания:

- порицание;
- выговор;

⁸ Постановление Совета Министров СССР от 28 ноября 1969 г. О примерном Уставе колхоза.

строгий выговор;
перевод на нижеоплачиваемую работу;
освобождение от занимаемой должности;
предупреждение об исключении из членов колхоза.

Исключение из членов колхоза может быть допущено как крайняя мера лишь в отношении лиц, систематически нарушающих трудовую дисциплину или Устав колхоза, после применения к этим лицам других мер взыскания».

Владимир Иванович Драгушин комментирует: «Устав колхоза позволял очень сильно наказывать людей, которые провинились. Но дело в том, что людей очень не доставало. Я наказывал за пьянство и прогулы. Отменял премии и т. п. Мы вызывали на собрание, человека ругали. Ругали за кражи. Я говорил, что, если кому-то надо кормить кур, приходите. Мы могли продать по льготной цене. А они придут поздно вечером, ведра два насыпят и идут. А в Апарках же всё на виду было, поэтому сразу же нам докладывали об этом. Но я не отдавал никого в руки милиции. Сами справлялись».

Два председателя колхоза диаметрально противоположного мнения о коллективных хозяйствах. А. И. Чикин работал председателем, когда был расцвет колхозного строя, в конце 60-х — начале 70-х годов, В. И. Драгушин — в период перестройки и начале 90-х годов.

В рассуждениях Алексея Ивановича Чикина чувствуется искреннее переживание за современное состояние сельского хозяйства: «Я вам не своими словами скажу, а есть в Америке такой Гарст. Когда наши к нему приехали (в начале перестройки) фермерство изучать, он говорит: ребят, что вы делаете? Фермерство 200 лет прожило в Америке и уже по-тихому умирает. Ведь надо думать. Река жизни меняется. А у нас как? Колхозы — это по-нашему. Только очень богатое государство может позволить себе фермерство. Так что колхоз и фермерство даже сравнивать не надо. А потом в колхозе был севооборот. А сейчас многие даже не знают, что это такое, а если знают, то поверхностно. Был у нас такой Бычков. Он в то время (до революции) занимался лиманным земледелием. У нас же склоновые земли. Паводковые воды весной смывали чернозем. И чтобы этого не было, он делал насыпные валы. Вот как было. Люди думали тогда о своих потомках. Земля — это наша мать. А сейчас все этой матерью торгуют».

Владимир Иванович Драгушин говорит категорично: «Колхоз — это ошибочное решение партии. Сейчас мы вернулись к ку-

лакам. Фермер — это “кулак” сейчас. Кулаки давали 80% всего. Те, кто работать не хотел, уничтожили кулаков и создали колхозы. Колхозы не сумели дать того, что должны были дать. Фермеры-кулаки знают, что работают на себя, но создают хорошие условия для людей. И у них намного больше результата, чем в колхозах.

То есть колхозы — это ущербный вид организации коллективного труда. Сейчас можно сказать, что они себя не оправдали. Колхозы — это неправильный период в истории страны, который насаждали силовыми методами. Пришли горлохваты, которые говорили: “А, ты кулак! У тебя надо всё отнять. Тебя надо раскулачить”».

Несмотря на тяжелую жизнь и напряженную работу, простые колхозники, в том числе и мои близкие, говоря о колхозном строе, вспоминают всё-таки его по-доброму. Все они говорят, что не отказались бы от работы в колхозе и сегодня.

ЭХО ВОЙНЫ

«Я счастье собираю по крупичкам»:
По страницам жизни
послевоенного поколения

Анастасия Ерина, Эльвира Кинжаева
школа № 3, г. Няндомы, Архангельская область
научный руководитель Галина Николаевна Сошнева

«Я счастье собираю по крупичкам...» Так мы решили назвать свою исследовательскую работу. Автор этих строк, Антонина Тимофеевна Укконен, тоже принадлежит к поколению детей военного-послевоенного времени. Название выбирали долго, но всё же остановились на этом. Человеческая жизнь складывается постепенно, из отдельных событий и обстоятельств, на нее влияет множество людей. И в какое бы время мы не жили, всегда надемся на счастье, ждем его. У каждого человека свое детство, своя юность и молодость, в которой ему приходится сделать выбор профессии и вступить во взрослую жизнь. Дети 40-х не исключение, но им приходилось труднее, чем нам сегодняшним. И они, действительно, счастье свое «собирали по крупичкам».

В ДЕРЕВНЕ

Наши собеседники — люди, родившиеся перед войной или после ее окончания. Так или иначе, в их взрослой жизни отразились последствия Великой Отечественной. Например, Нина Тимофеевна Сошнева (в дев. Королева), 1940 г. р., появилась на свет в деревне Шишково на Смоленщине. Отец, Тимофей Федорович Королев, 1910 г. р., портной (вероятно, самоучка), работал в колхозе. Мама родом из Белоруссии, со станции Темный лес. У нее в Белоруссии осталась большая семья. «Дядя Яша, тетя Нина, дядя Павел, дядя Николай, тетя Маруся — 6 детей было у бабушки», — рассказывала Нина Тимофеевна. Ее семья перед войной тоже была многодетной. «Пятеро, все девочки, а шестая Зина умерла. Тоня, 1931 г. р., Валя, 1934, Галя, 1937, я, 1940, Зоя, 1942. Отец в 1941 ушел на фронт и погиб в 1944 году. После войны мать с дочерьми решила переехать в родные места на станцию Темный Лес. «В Темном Лесу всё-таки родственники, бабушкин дом. Там жили и две мамыны сестры, а братья уже к тому времени не жили с ба-

бушкой. Мы приехали в 1947 году, в этом же году и пошла я в школу», — вспоминала Н. Т. Сошнева.

Поселились они сначала у бабушки. В Шишково продали свой дом, «а у Володьки Новикова купили. Он, с одной ногой, три дома построил, — продолжала она. — А вот мы же привели из Шишково корову, а корова у нас заболела, и пришлось ее зарезать. И потом купили козу вместо коровы, денег не было на новую корову». Да и с козой приключилось несчастье. Ее привязали к колу, чтобы не убежала, а паслась поблизости. Но коза «задавилась», обмотавшись веревкой. И осталась семья совсем ни с чем.

Как и все на селе, Королевы сажали огород: картошку, морковь, огурцы и помидоры, клубнику. Девочки часто ходили в лес. Малину, землянику, чернику собирали, носили к поезду на станцию и продавали, а на вырученные деньги покупали манку, из которой мама варила кашу. Из картошки драники пекли. Для их приготовления необходимо натереть картошку на терке. В эту картофельную массу ничего более не добавляли за неимением. Просто отставивали, сливали жидкость, и, смазав сковороду кусочком сала (если имелось), жарили. Нина Тимофеевна говорила, что в голодные времена эти блины пекли даже из полусгнившей картошки или замороженной, которую удавалось найти на огороде по весне. Она часто вспоминает это, когда сейчас печет драники на масле и подает со сметаной.

Все деревенские жители говорят о наличии хозяйства, без него трудно бы приходилось.

«Были свиньи, корова, теленок, овечки, кролята, гуси, куры. Надо все травинки было скормить скотине. Мы бегали на кукурузные поля, кукурузу полешь, картошку полешь. Всю травку, бурьян, всё собирали. А топили кизяки — коровы пасутся, навозные лепешки засыхают, их складывали и в амбарах хранили.

Уже в 5 лет ребенок считался почти взрослый. И печку топили, и животных кормили, и воду таскали — всё делали», — рассказывала Татьяна Ефимовна Пащенко о своем послевоенном детстве.

В колхозах не хватало после войны рабочих рук, поэтому детей, как и раньше, привлекали к разным работам. Галина Харитоновна Попова (в дев. Титова), 1936 г. р., вспоминала следующее: «Я помню, что когда наступили первые тяжелые послевоенные годы, и мне вот только исполнилось 9 лет, я уже запрягала к тому времени лошадь. Никто не мог этого сделать, потому что лошадь кусалась, я даже помню, что мужики еще носили веточки за ухом, чтобы она

их не кусала. А вот меня она совсем не кусала, а даже наоборот, слушалась. И лошадь эту звали Скорая помощь (смеется). Я возила воду на сырзавод. На сырзаводе директор был из Прибалтики, жена его была фельдшер. Вот этот директор и скажет: «Фруза (мать Г. Х. Титовой), ты сегодня отправь нам хорошие (т. е. чистые) бочки, я вам туда пихну сырковой массы, сыворотку». Вот, можно сказать, этот человек нас и спас от голода». Галина Харитоновна также рассказывала: «Водичку навожу, потом в цеху, там мыли посуду. Какую работу давали — такую и выполняли. Директор давал сыра, молока, еще чего-нибудь». Когда она повзрослела, председатель совхоза доверял подсчитывать трудодни. «Я считала эти палочки-трудодни. Денег не давали, на эти трудодни давали пшеницы или ячменя».

Евгений Степанович Куликов, 1937 г. р., во время войны проживал с семьей в деревне Серегово Железнодорожного района Республики Коми. В его семье в отдельной рамке хранится фотография, на которой изображены его счастливые родители как раз накануне войны. В 1939 году отец ушел на Финскую войну, только в 1945 году вернулся домой. Одно из первых ярких воспоминаний детства Евгения Степановича — это возвращение отца. В качестве гостинца он привез американскую тушенку, которая показалась сыну невероятно вкусной.

Как рассказывает Евгений Степанович, он начал работать еще в детстве, во время войны: «Где-то в 1944 году нас маленьких стали звать работать в колхозы, — говорил он. — Работал я погонщиком. Были такие молотилки, работали чаще всего в гумнах на лошадях, а лошади — как скелеты, кушать-то им нечего. Не хватало урожая, не хватало сена, не хватало ничего. Одни женщины просто не могли работать, поэтому с раннего возраста мы уже работали...»

Утро в деревне начиналось затемно. Женщины доили коров и коз, гнали их на выпас. Потом работы в поле или на ферме, а до этого предстояло истопить печку и приготовить еду на день. Все тяготы легли на их плечи. Мужчины на фронте, а в деревне старики да подростки.

Его детская память сохранила и воспоминания о натуральных налогах: «Власти забирали молоко, мясо, яйца — забирали в качестве налогов, порядком и на военные нужды. Не поспоришь и ничего не сделаешь, я ведь еще маленький был и не совсем понимал, очень злился». У семьи имелся огород, «примерно 14–17 соток, на одной половине высаживали капусту, морковь и прочее, на другой картошку. Семена бабушка сама растила».

В деревне сохранялись патриархальные порядки, когда главным в семье считался старший мужчина — дед. «Я что помню, так это то, что в кухне, в переднем правом углу, находилась молельня, соответственно иконы там были, лампадка и немножко поодаль обеденный стол со скамьями, там же рядом дедова кровать, а справа печь, — вспоминает Евгений Степанович. — Дети спали на печи или на полатах (такой лежанке, которая находилась у русской печки). Стол был большой, очень длинный. Когда обед, во главе стола сидел дед у самовара. А мы все сидели по возрасту, так я был почти чуть ли не в конце. Запомнилось то, что дед мог протянуться через весь стол и деревянной ложкой ударить меня по лбу за плохое поведение, за то, что шалил за столом. Мы должны были понимать, что крошки нужно беречь — это он нам говорил часто».

Эльвина Владимировна Князева, 1947 г. р., хотя и родилась гораздо позже, рассказывая о большом хозяйстве семьи, также упомянула о необходимости обязательной уплаты продовольственного (натурального) налога: «Если у кого-то имелась только одна корова, то тот человек не мог прокормить ни себя, ни свою семью. Государству необходимо было сдавать молоко, сколько-то яиц и т. д. После сдачи налога мы одним молоком и питались, да огородом своим. Картошка, морковка, свекла, капуста — всё росло. Ходили в лес. Уже в три года ходили за ягодами и грибами. Запасали. В магазинах-то ничего не было».

Кроме налогов существовал еще и госзаём в «добровольно-принудительном» порядке. К займу денег у населения через продажу облигаций (с последующей выплатой по ним) государство прибегало еще в годы индустриализации. Наши собеседники упоминают послевоенные годы, когда средства нужны были для восстановления народного хозяйства, а денег в многодетных семьях да при потере кормильца катастрофически не хватало. Поэтому в семье Королевых, когда кто-то из детей кричал: «Дядька с портфелем идет!», Галя, средняя из пятерых сестер, сразу садилась на швейную машину, так как тот начинал увещевать, дескать, нет денег — машинку продайте. А Галя, самая бойкая, ни за что бы не отдала. Ножная машинка, доставшаяся от отца-портного, помогала выживать. Мать обшивала девчонок — трусики, платьица, да и соседкам не отказывала. И в послевоенные 40-е–50-е деревня жила не богато, обходились своим почти натуральным хозяйством. «Денег не было, трудодни, а на эти трудодни дадут зерна. У нас своя мельница была (жернова). Крутили зерно», — говорила Татьяна

«Я счастье собираю по крупицам»

Ефимовна Пашенко. Когда появлялась возможность, резали скот на мясо. «Зарезали поросенка или теленка и мясо складывали в бочки, солили, — продолжала она свой рассказ. — И по весне, и по зиме зарезут — и в кадушки, и оно там лежит. Потом, когда печет солнышко, его вывешивают на солнышко, оно еще подсохнет, проявится. Сало в ящиках деревянных хранили. Раньше еще коробки были, в которых спички привозили. Вот в этих коробках фанерных и хранили».

Деньги на необходимые вещи у деревенских жителей появлялись от продажи продуктов. Как вспоминала Татьяна Ефимовна, «возили в город яйца и молоко, всё это продавали. Мама вставала в три часа, пешком за 25 км снесет в город и продаст». Положенную норму вырабатывали всей семьей, помогая маме: «Когда мы еще маленькие были, сеяли коноплю и лен. Потом шили рубахи, одежду, одеяла. Вязали кружева, полотенца. Из семян подсолнуха делали “олию” [растительное масло]. В селе жил мужик, у которого имелся станок, и все к нему ходили. А жмых использовали для скотины».

Описывая деревенское жилье, Татьяна Ефимовна говорит, что дом был хороший: «На две комнаты разделен. В большой комнате деревянный пол. В другой печка-“грубка”, плита с кружками, пол из глины. Солому, кизяки, глину месили и делали этот пол, а потом разводили глину и каждую субботу печку и полы подмазываешь. Делали такую уборку. Даже дома делали из глины». Как мы поняли, такие земляные полы были обычным явлением.

Наши собеседники, родившиеся даже в конце 40-х, отмечают, что семьи не обходились без обширного подсобного хозяйства и в 1950-х: огороды, коровы, козы.

Как рассказывает Ольга Михайловна Смирнова, выросшая в поселке Вычегодском: «Первое время в поселке было мало магазинов, а точнее, наверное, был один. Помню, за сахаром стояли всё время в очереди. Вот как продают сахар кусковой, и мы стояли вместе с взрослыми обязательно. Если ты уйдешь, а очередь подойдет и тебя нет, на тебя никто не даст. Уходили ненадолго домой отдохнуть или чего-нибудь попить, а обратно возвращались обязательно. И как чувствовали, что уже близко, то родители бежали за нами бегом со словами: “Давай быстрее, быстрее, там очередь подходит!”».

Долгое время после войны сохранялись проблемы с продовольствием. Не хватало таких продуктов, как сахар, масло и даже хлеб.

Эльвина Владимировна Князева родилась в большой деревне Дороватка в Вологодской области. В деревне имелась двухэтажная школа, медпункт, магазин, своя пекарня, также колхозная контора. «Учились в школе там до четвертого класса. Я еще помню, что когда я еще маленькая была, в деревне не было света. Мы сидели с настольными керосиновыми лампами». Даже в 1954–1955 годах она еще уроки делала при таких лампах. «Свет подключили позже, в 60-ые. Свет давался на определенное время, до 10 часов вечера, а затем на ночь выключали его».

Как и все наши деревенские респонденты, Эльвина Владимировна вспоминает, как они еще с детства помогали по хозяйству: «Нас заставляли сразу, маленькие еще мы были, потому что в деревне были у всех овцы, коровы, телята. Вот у мамы всегда была корова, теленок, овцы, поросенок, еще куры. Мы пасли овец. Корову учились доить, но у меня ничего не получалось. Еще я помню, что сидела часто в няньках. Было мне тогда примерно 7 лет [1954 год]. Мама уходила на работу, а я нянчила Вову. Нянчились тогда с младшими все дети, матерям нужно было работать. Они могли не работать только “один месяц до родов и один месяц после родов”».

Любимым деревенским развлечением во второй половине 1950-х было кино. Киномеханик приезжал из другой деревни с аппаратурой, собиралась вся деревня. «Фильмы показывали в клубе. Сценка небольшая, на стене экран, за сценой небольшая киноподставка, в которой находился киномеханик. Ходило народу много, тогда ведь даже радио не у всех имелось. Платили то ли 3, то ли 5 копеек, не больше», — рассказывала Э. В. Князева.

В ДЕРЕВЕНСКОЙ ШКОЛЕ

О послевоенной школе нам много рассказал Евгений Степанович Куликов, который вырос в учительской семье, да и сам стал учителем. Детство его прошло на Севере в большом доме с родителями, бабушкой и дедушкой. В 1945 году, когда война закончилась, его отца направили в город Горький (сейчас Нижний Новгород) преподавать в Военно-артиллерийском училище. Семья переехала вместе с ним, и маленький Женя пошел в 1 класс 22-й мужской школы.

Лишь через год, когда вышел приказ Сталина о «демобилизации педагогов», отец вернулся к работе учителя. «Отца назначили директором обычной сельской школы в Яренске [поселок в Ар-

«Я счастье собираю по крупичам»

хангельской области] и выделили директорскую квартиру прямо в школе, там мы и жили, — продолжал Е. С. Куликов. — Школа двухэтажная деревянная, бывшее здание земской школы, печное отопление. Требовалось дрова колоть, когда мы приехали, дрова не были готовы, холодно. Сами заготовливали дрова, пилили, сами кололи, носили — всё сами делали мальчишки. Во главе с отцом берем топоры и идем в лес, а потом на школьных лошадях возили дрова. (У школы имелись две лошади). Никто не жаловался, все работали. Делали это преимущественно старшеклассники».

Из его рассказа мы поняли, что со школьным питанием было сложно, например, в яренской школе (примерно 1948–1949 годы) им обеспечивали только сирот, чьи родители погибли во время войны. «Сделали во втором здании что-то вроде кухни, отец где-то раздобыл крупу местного происхождения (скорее всего, выпросил у председателя колхоза), для этих ребятешек варили кашку жиденькую, типа супа».

Лишних денег в семье не имелось. «На трудодни давали по 100 г зерна, и то зачастую некачественного, — говорила Нина Тимофеевна Сошнева. — Да и на трудодни зарабатывала практически только мама одна. А пенсия по потере кормильца составляла 172 рубля на пятерых до реформы». На эти деньги покупали какую-нибудь обувь для старших. Мама шила всё на вырост, чтобы подольше хватало. Сразу после войны выдавали какую-то одежду, предположительно, вывозимую из-за границы. Нина Тимофеевна рассказывала, что портфель купили только в 7 классе. Старшие девочки уже работали, а они с Зоей за лето копили деньги — корудрали, металлолом собирали, ягоды. И купили им с Зоей портфели. Когда мы поинтересовались, откуда металлолом, Нина Тимофеевна объяснила, что это тот металл, который остался в лесах после войны.

Ольга Михайловна Смирнова, 1949 г. р., родившаяся уже после войны и проживающая в небольшом городе, получила возможность закончить школу около дома. Строили ее заключенные, жившие в бараках неподалеку. Именно заключенные строили и Больничный городок в поселке Вычегодский, и школы, и другие объекты. Нам удалось узнать, что и кирпич для строительства изготавливался неподалеку, на станции Низовка, заключенными женского лагеря.

На месте строительства были насыпаны кучи песка, и маленькая Оля вместе с другими детьми ходила туда поиграть. Рядом, под

присмотром солдат с собаками, и работали заключенные. «А мы, малышня, всё равно здесь копошились, — вспоминала Ольга Михайловна. — Это было где-то в 1952–1953 году. И вот я помню, что меня один мужчина (у него была такая же маленькая дочка, как я) всё время брал на руки. Берет и несет меня до дому. Помню, что через несколько дней он подарил мне носовой платок, с узором, вышитым иголкой. Он сам вышил этот платок, и он хранился у меня очень долго. А еще он подарил мне сделанную из проволоки детскую кроватку для куклы, и даже сетка в ней была сплетена».

О первом дне в школе она говорит с особым чувством, как будто это случилось вчера: «Помню, первого сентября я шла с букетом цветов, только не знаю, откуда у нас были они. На мне был белый фартук из тонкого батиста, мама с бабушкой сшили мне платье из коричневой такой ткани. Очень красивое. Бабушка была у нас рукодельница, и мама тоже. Первого сентября запомнила то, что была красивая учительница и много ребят. Мы все сидели по три человека на парту. Девочки с мальчиками учились вместе».

А еще Ольга Михайловна поведала нам рецепт особых чернил. «Писали мы чернилами, а их надо было еще развести». Так вот, «специальный чернильный порошок нужно было развести в бутылке, и чтобы он хорошо писал, добавляли туда еще песочку сахарного, чтобы гуще стала жидкость, и еще, чтобы чернила блестели. Когда добавишь туда песочку, то появляется блеск. Нальешь это в чернильницу и сидишь, пишешь, каждую букву выводешь». Пузырек с чернилами носили в школу, поместив в специальный мешочек.

Эльвине Владимировне Князевой приходилось учиться и жить вдали от дома, за 15 км, в деревне Кожухово Вологодской области. Уходили в воскресенье вечером пешком, а зимой даже на лыжах, чтобы быстрее, и жили там неделю в интернате. Там находились дети из всех деревень. С собой носили хлеб или пироги.

Школы, конечно, воспитывали детей как атеистов, но жизнь деревенских жителей была связана с церковью. Например, Нина Тимофеевна Сошнева рассказывала, что жители из Темного леса ходили на Пасху в церковь. Туда обычно направлялась и ее сестра Галя, хотя боялась, что в школе узнают. Но ходили по традиции. Носили куличи, яйца, окорок — в общем, всё, что копили месяцами, чтобы освятить. В домах были иконы, но, как говорит Э. В. Князева, помещали их так, что они были незаметны.

ИЗ ШКОЛЬНОГО КЛАССА — В РАБОЧИЙ КЛАСС

По-разному складывалась жизнь военного поколения после школы. Не всем удавалось получить среднее образование. Очень многие сразу трудоустраивались. Старшие сестры Нины Тимофеевны Сошневой тоже так поступили. Валя после сельхозшколы устроилась официанткой в столовой на станции Темный Лес. Тоня, завербовавшись, уехала на Урал. Галю дядя Яша устроил на фабрику в городе. Из колхоза отпускали или на учебу, или по вербовке.

В 1932 году советская власть ввела паспортную систему, но паспорта выдавали только горожанам. Селяне при этом прикреплялись к своему месту жительства и покинуть деревню не могли, так как не имели удостоверения личности, а без него устроиться в городе и получить работу не представлялось возможным. Даже смерть Сталина и приход к власти Хрущева мало что изменили. Согласно положению от 21 октября 1953 года селяне продолжали жить без паспортов.

Одним из способов вырваться из колхоза оставалась вербовка на какие-либо тяжелые работы в отдаленных районах. Но, правда, паспорт выдавался только на срок договора, который работники всячески пытались продлить. Одним из самых надежных способов оставалась служба в армии, так как завершив ее и получив паспорт, молодой человек часто не возвращался в свое село. А детям такую возможность давало поступление в ФЗО и техникумы.

Татьяна Ефимовна Пащенко тоже отмечала, что многие после 7-го класса разъехались, чтобы не остаться в колхозе. Желая получить паспорт, она решила пойти в 8 класс в городе. А получив его, оставила школу и пошла работать на кирпичный завод в 17 лет. Как она говорит, работа на заводе считалась престижной. «Родителям надо было помогать по дому. Сестры замуж повыходили. Семьи появились».

Работать деревенской девушке приходилось физически, так как специального профессионального образования она не получила. Она перекладывала формованный кирпич «на вагонки» (вероятно, специальные вагонетки) на колесиках. Затем кирпичи помещали в большую круглую печь. Выдавали работницам только рукавицы, остальное всё свое. Работать приходилось в жарком и пыльном цехе, поэтому после работы все отправлялись в душевые, где мылись хозяйственным мылом. Восемь лет она отработала на этом заводе, но после замужества ей пришлось уехать на Север,

где работал ее муж. Это был строящийся военный городок Каргополь-2 в Архангельской области.

«Я редела полгода, — вспоминала Татьяна Ефимовна. — Поросят и огорода нет, жили в общежитии. Через полгода сдали новый дом, и мы поселились на четвертом этаже. Это был 1965 год». В городке она устроилась на котельную. Муж ее тоже окончил 7 классов, работал и шофером, и сварщиком, получив эти специальности в армии. Мы спросили, не жалела ли она, что уехали, Татьяна Ефимовна сказала, что через полгода дали отпуск, и она поехала в родные края. «Я сравнила и перестала думать о возвращении. Люди были веселые такие, простые очень. В городке двери практически никто не запирает. Закрыл и ушел. Соседи приходили проводить, когда маленький болел или когда на работе были». То есть нравы почти как в деревне, да и численность населения небольшая. Даже с семью классами легко можно было устроиться на работу, как почти везде в Советском Союзе в то время. Да и «работа не больно тяжелая», по словам Т. Е. Пашенко, а «в колхозах на полях приходилось жариться целый день». Но «дети появились, огород и хозяйство завели. Поросят держали. Денег не хватало. Поэтому и заводили хозяйство».

Галина Харитоновна Попова воспользовалась тем же способом, что и Татьяна Ефимовна: «Было время, что из колхоза не отпускали никого уезжать. Только если на учебу. Так вот, бывший директор 7-летней школы, Иван Васильевич, когда его направили работать в совхоз, нас и отпустил в Смоленск, чтобы мы поступали учиться. Моя одноклассница Катя Ермолаева закончила строительный техникум. Я поехала в 1952 году и поступила на смоленский льнокомбинат, закончила там курсы ажурниц. Наша готовая продукция — салфетки, скатерти — шла на экспорт».

Трудовая деятельность Галины Харитоновны продолжилась в Няндоме, потому что в начале 60-х она вышла замуж. «Помню, что была в очень хорошеньких туфельках, когда приехала в Няндому. Пожалела, что их надела. Идет дождь, сильный такой, а я в туфельках. Идем на квартиру, которую снял мой муж (оказалось обычная хорошенькая квартирка с неплохими условиями). Вижу много мужчин. Очень много собак. И одна машина легковая». Действительность оказалась не очень романтичной: Няндомы была в то время сплошь деревянной, без общественного транспорта и хороших дорог.

Специального образования у нее не было; в поисках работы она пришла на железнодорожную станцию, где ее и приняли уче-

Группа вожатых.
О. М. Смирнова
в центре

Оля Смирнова,
ноябрь 1959

Студенческие годы Е. С. Куликова. Строительство спортзала

Родители Е. С. Куликова, 1930-е

Е. С. Куликов во время службы в ГДР, 1956—1957

Служба в ГДР. Артиллерийская дивизия у Геринговской казармы, 1956

Н. Т. Сошнева с подругами во время учебы в техникуме

Н. Т. Сошнева перед поездкой в колхоз. 4 курс

«Я счастье собираю по крупичам»

ником. А потом, как говорит Галина Харитоновна, «выявились организаторские способности, и при помощи знакомых» она нашла новую работу в железнодорожном городском профтехучилище, где проработала 10 лет.

Рядом с современным магазином «Лидер» располагался корпус общежития № 2. Здесь Галина Харитоновна работала воспитателем и библиотекарем в 1960-х годах, а затем комендантом общежития. «Общежитие наше постоянно занимало по области первые и вторые места по своим условиям. Белье частенько меняла, белоснежное было. Если у нас кто и болел, то были специальные комнаты — изоляторы. У нас был идеальный порядок, — рассказывала Галина Харитоновна. — Раньше ведь было так: подъем, зарядка, обед, построение, подготовка к занятиям, звончек как в школе. В 7 часов вечера уже все сидят смирно и тихо в своих комнатах, сама видела, когда проверяла. Все учили уроки. Про нас даже в Архангельске рассказывали, какое у нас было аккуратное общежитие». Такая характеристика общежития ГПТУ нас несколько удивила, но первоначально ФЗО (а ПТУ — преемники системы ФЗО, школ фабрично-заводского обучения) носили военизированный характер. Какие-то отголоски той системы еще сохранялись в 1960-х. В столовую, на занятия ученики тоже ходили организованно и одевались в специальную форму, что было весьма привлекательно для многодетных и неполных семей. Ребенка обеспечивали одеждой, обувью, бесплатным трехразовым питанием.

После 1975 года Галина Харитоновна, можно сказать, сделала карьеру в профсоюзе: «Я же была такой общественницей! В отделе рабочего снабжения меня начали агитировать в партию вступать, так как руководитель должен быть партийным человеком. Вступила в партию в 1975 году. Потом меня начали агитировать на профсоюзную работу, я согласилась. Пятнадцать лет работала председателем профкома. Сыграл роль и материальный фактор».

Как мы поняли, карьеру люди в те годы могли сделать и не имея высшего образования, занимаясь общественной работой и вступив в КПСС (Коммунистическую партию Советского Союза). Это отмечали люди, с которыми мы беседовали.

НА СТУДЕНЧЕСКОЙ СКАМЬЕ

Дети военного поколения, особенно из сельской местности, старались пораньше начать трудовую деятельность. Как говорил

Евгений Степанович Куликов, «тогда приоритетнее было уходить после 7 класса и учиться в техникумах. Стипендию платили студентам, плюс они раньше начинали зарабатывать деньги». Сам же он решил продолжить обучение.

Евгений Степанович в 1955 году после 10 класса поступил в военное училище в городе Череповце. В те годы, по его словам, необходима была лишь «хорошая физическая подготовка, а такие экзамены как русский язык и литература мало кого волновали». Но эта стезя оказалось не для него, и Евгений вернулся в Яренск. Затем служил в армии, в ГДР (Германской Демократической Республике), дослуживал в Украине.

После демобилизации судьба его решилась неожиданно. «Приехал я, и в это время начались перемены в школах, кадров не хватало. Призвали меня в военкомат, отметить, а мне военком и говорит: “Слушай, ты иди-ка в школу, там физрука не хватает”. Ну и устроился я учителем физкультуры. Это был уже 1960 год. Не было ни мячей, ни канатов, ни матов — ничего. Послевоенное время. Я проработал так год, а потом решил, что нужно поступать».

Поступал Е. С. Куликов в пединститут г. Архангельска на факультет физического воспитания и спорта (1960–1964 гг.). «Учился я очно, общежития нам не выделили вовсе, жил на квартире с ребятами с моего курса вчетвером. Спали по два человека на кровати. Питались всухомятку. Стипендия была 30 рублей. Можно было прожить, тратя в день по 1 рублю. Пачка пельменей местного производства, помню, стоила 47 копеек. Рядом с институтом находилась столовая, и все студенты питались там. А потом же еще Никита Хрущев ввел бесплатный хлеб в столовых и целый год мы этим хлебом наедались. Факультеты были переполнены, а мест в общежитии не хватало (первокурсникам его вообще не предоставляли). В группе из 12 человек военнослужащих было 5–6». Дело в том, что военнослужащие получили в эти годы преимущества при поступлении в вузы.

«Летом многие студенты не отдыхали, — говорит Е. С. Куликов, — нужно было зарабатывать. Я в каникулы работал шофером в школе, возил дрова». Да и в учебное время «частенько ходили на заработки — на мясокомбинат, например, туши таскали, заработаем немного совсем денег. Могли вместо денег дать палку колбасы и тогда в институте с ребятами праздник был, когда делили ее на всех. Бывало, еще вагоны разгружали, картошку носили и прочие мешки, ну а это осенью. Я даже не помню, сколько и платили. Если

«Я счастье собираю по крупичам»

жить на 1 рубль в день, то стипендии вполне хватит, хотя не всем захочется каждый день кушать пельмени.

Первые два года я солдатскую одежду донашивал, ходил в гимнастерке и галифе с сапогами. А потом после первого или второго курса в каникулы я ездил в Сыктывкар к тете в гости. Там они купили мне костюм за 66 рублей. Хватило мне его до окончания института.

Распределили меня очень интересным образом, — продолжал Евгений Степанович. — Вызвали меня заведующий областного министерства образования РОНО и ректор университета и сказали мне в лоб: “Слушай, Евгений, мы тебе тут место нашли — Няндому надо выручить, поедешь директором”. Согласился, уломали короче меня с комсомольской позиции: “Ты комсомолец, ты обязан”. В комсомол вступил в 1964 году в институте, просто совесть заставляла, обязанность такая была тогда. Не вступишь в комсомол, и будут на тебя все пальцем тыкать. Я в Няндому приехал беспартийным, но комсомольцем. Потом уже, в Няндоме, начали агитацию, чтобы я вступил в партию».

Нина Тимофеевна Сошнева поступила в 1955 году в железнодорожный техникум в городе Орше. Тетя Полина, супруга дяди Яши по маминой линии, очень помогла устроиться в техникум. Не хотели брать, вероятно, поздно уже было, но тетя сказала, что девочка сирота, папа погиб, в семье пятеро детей. И ее взяли. Дядя Яша служил военным прокурором и жил в Витебске, Нина ездила к ним, когда находилась на практике.

Жили они по тем временам хорошо, по сравнению с деревней. «У нас было всего две железных кровати, — рассказала Нина Тимофеевна, — матрасы, набитые соломой, даже в 1950-х. Жили в общежитии по пять человек. В техникуме платили стипендию, но всё зависело от оценок. Ее хватало на мелкие расходы, потому что всё равно какие-то вещи покупала мама. Пальто, помню, мне купили такое голубое. Румьинки бордовые, я даже зимой их носила. Румьинки — это такие полусапожки, сшитые из кожи коричнево-красного цвета. Они были очень теплые, но короткие». По 5 рублей к тому времени присылала старшая сестра Тоня. А позже Нина посылала деньги и вещи младшей сестричке Зое.

Почти каждую неделю Нина приезжала домой, благо студентам железнодорожного техникума полагался бесплатный билет на поезд. «Мама в деревне жила уже хорошо во второй половине 50-х. Свинью и коровку Малютку держала. Делала сыр. В общежитие

привозили с девчонками картошку, сколько могли, кусок сала, лук. А потом сами готовили по вечерам».

Стали одеваться лучше, чем после войны. Но, как говорит Нина Тимофеевна, платьев было не много. «Сарафаны двоюродной сестры Зины, еще что-то давала тетка. Платье было в клетку, не сама шила, юбка, которую сшила мама, белая блуза, черный пояс. Прически носили одинаковые, у всех почти косы, а некоторые завивку делали. Городские одевались лучше».

Осенью студентов Оршанского техникума отправляли на месяц в колхозы на сельхозработы. Там расселяли по частным домам (хатам), где спали на полу и питались с хозяевами, которым выделяли продукты из колхоза, и хозяева готовили.

Об этом же рассказывала и Эльвина Владимировна Князева, которая после 8-го класса поступила учиться в Тотемский политехнический техникум (1961–1965 гг.). Хотя на дворе уже стояли 60-е, студентов по-прежнему по осени отправляли в колхозы на уборочную, как и в последующие советские годы. «После поступления всех студентов сразу отправили на картошку. Там все перезнакомились и подружились».

Многие наши собеседники упоминают бесплатный хлеб в столовых. Эльвина Владимировна рассказывала: «Я же поступила в 1961 году в техникум, и мы (студенты-то вечно голодные) ходили в столовую в городе, где был бесплатно хлеб. Покупали стакан чаю, который стоил буквально 1 копейку, и наедались чаем и хлебом бесплатным». К сожалению, осенью 1962 года постановлением ЦК КПСС и правительства «О наведении порядка в расходовании ресурсов хлеба» бесплатный хлеб в столовых отменили.

«В столовой техникума кормили, женщины там нас жалели — продолжала Э. В. Князева, — копейки там всё стоило. Двадцати рублей стипендии хватало нам протянуть месяц. Иногда дед помогал. Он посыл мне в техникум бывало 3 рубля, бывало 5. Это были для меня большие деньги. А из дома я часто привозила картошку, иногда мама еще булочек испечет. А дедушкины деньги помогали, я, бывало, откладывала на покупку платьев. У меня было такое темно-синее платье, шерстяное, с белым воротником. А обычно то штапельные платья, то ситцевые. Это синее платье я долго носила». Студентки часто чтобы разнообразить наряды, носили платья с различными воротничками — просто белыми, вязанными крючком.

Дети относительно самостоятельно выбирали свой путь после школы, конечно, учитывая семейные обстоятельства. Напри-

мер, в детском доме, где жила Ирина Федоровна Поздеева, мало кто заканчивал 10 классов. «Человек по 5–6 в каждый год. Кто-то в техникумы поступал, в сельскохозяйственный в Вельск, в Холмогоры, в зоотехникум, девочки, помню, на птичниц, — рассказывала она. — Государство до 14–16 лет кормило, учило, а потом нужны были трудовые руки на заводах на фабриках, и отправляли учиться, а потом уже на лесопункты, на станции».

Когда мы поинтересовались, почему не все заканчивали среднюю школу, Ирина Федоровна пояснила, что это вызвано платным обучением, «не каждый мог поступить и оплатить». Как мы узнали, плата за обучение в старших классах была введена 26 октября 1940 года. Ирина Федоровна поступила в 1959-м году в Архангельское педучилище на дошкольное отделение. Ей, как воспитаннице детского дома, предоставили место в общежитии на Ленинградском проспекте и платили повышенную стипендию. Но всё равно «на еду хватало, а на покупки оставалось мало».

Ольга Михайловна Смирнова, рассказывая о выборе своей будущей профессии, упомянула, что на него повлияли события детства. «К нам в поселок приезжала женщина, которая работала конструктором, и она привозила с собой чертежную доску и всё время чертила. И мне так нравилось, как она чертила, я могла часами сидеть и смотреть. И когда мы начали изучать черчение в 7 классе, я к тому времени точно была уверена, что я обязательно буду чертежницей».

В результате, закончив 8 классов, Ольга Михайловна поступила в Котласское педучилище на худграф (художественную графику). Она рассказывала об этом так: «Я хотела стать чертежником, но учиться в Ленинград меня не пустили. Мама отправила меня в Котлас, там только-только открывалось училище. Поступление было, можно сказать, лояльное, потому что это был первый набор и боялись, что если будет очень строго, то окажется недобор. Были и те, кто рисовал плохо, кто завалил математику, русский, ведь экзамены были только по двум предметам — русскому и математике, а потом уже ИЗО».

Помню, экзамен уже начался. Я села, передо мной ваза гипсовая, а я сижу и думаю, что же рисовать. Подходит преподаватель, у него глаза такие веселые и усы смешные, ну, вот он и говорит: «Не умеешь рисовать?», я отвечаю: «Умею, не знаю только, с чего же мне начать», а он: «Ну, ладно, подвинься, я сяду рядом». Сел он и помог мне. Он у нас вел черчение, начертательную геометрию

и рисунок. Потом, когда уже обучение закончилось, нашу группу выпускали, а он сказал: “Я же тебя помню, маленькая такая, нос курносый, сидит такая красотуля, надо чтобы училась у нас”. В итоге этот рисунок я сдала на “4” и сказала маме, что не буду чертежником. А она мне: “Будешь сдавать все экзамены”. Там было много ребят, кто написал и математику, и русский на пятерки. А у меня четверки. В группе 60 человек, из которых возьмут на худграф только 30. Я и говорю: “Меня не возьмут, не-не”. Прихожу, а я четвертая в списке поступивших».

Ольга Михайловна с воодушевлением рассказывала, как студенты ездили в соседнюю Коряжму за лимонадом. «В поселке у нас его не продавали, а там он был. Ехали на поезде до Низовки, покупали две бутылки лимонада, потом опять на автобус, на поезд и домой. Пол-литра стеклянная бутылка. А на железнодорожном вокзале собирали всю мелочь и покупали кофе с молоком и бутерброд с колбасой. Это было очень вкусно, и нравилось нам. Это было что-то!»

ЗАОЧНИКИ

Не все могли учиться очно, посвятив этому от 3 до 5 лет. Многие зависело от материального достатка и количества детей в семье. Некоторые, как Кира Ивановна Яковлева, получали образование заочно, то есть совмещали работу и учебу.

Кира Ивановна пыталась поступить в электротехникум связи в Архангельске, но не прошла по конкурсу. И в 1963 году вместе с подругой Ириной Федоровной Поздеевой она поехала в Вологду поступать в педагогический институт. «У нас была льгота для тех, у кого два года трудовой стаж. Но сдавали на общих основаниях: историю, сочинение. Конкурс составлял 4–5 человек на место. Льготы имели военные и стажисты (те, кто имел какой-то стаж работы на производстве).

Так как девушки поступили учиться заочно, они лишь 2 раза в год ездили на сессии в Вологду без видимого ущерба для своего бюджета и интересов учебного заведения, где работали, так как государство поощряло совмещение работы и обучения в вузах. Таким студентам предоставляли оплачиваемый учебный отпуск.

Вологда, как вспоминают И. Ф. Поздеева и К. И. Яковлева, тогда была меньше Архангельска, всё рядом. Когда мы поинтересовались, дорого ли обходились поездки, они отвечали, что денег хва-

тало. Покупали местные молочные продукты, которые славились и за пределами Вологды. «В основном питались в институтской столовой. Проблемы с питанием не было. Всё было не так дорого и денег вполне хватало».

Наши собеседницы говорят, что очень многие в 60-х учились заочно, где-то около половины обучающихся уже имели стаж работы. Например, на селе не хватало учителей, поэтому «закончит ученица школу и там же преподает». Да и материальное положение было трудное, поэтому не каждый мог поступить на очное обучение. Вот и Кира Ивановна тоже работала пионервожатой в школе без специального педагогического образования. На заочном отделении вместе с ними учились молодые люди в основном с «периферии», как тогда говорили (то есть не из крупных городов).

Побывать за границей в 1960-х–1970-х годах было исключительным везением. Кира Ивановна получала путевку в райком комсомола, где в то время работала. «Сначала заявку рассматривал райком (районный комитет ВЛКСМ), затем обком (областной комитет). Первый раз я ездила в 1968 году в Чехословакию по молодежной путевке с 50%-й оплатой. Тогда как раз произошла Пражская весна. Когда наша путевка закончилась и мы выезжали, советские войска были введены в Чехию, чтобы подавить ее самостоятельность. По всей дороге стояли или двигались нам навстречу танки и солдаты — не очень приятное зрелище». «Пражская весна» была общественным движением чехов и словаков, целью которой являлась демократизация общества и борьба со сталинизмом. Но ее подавили советские войска и войска других социалистических стран.

Десятилетием раньше, в 1956 году, похожая ситуация была в Венгрии. Евгений Степанович Куликов как раз в это время начал служить в ГДР. Он рассказывал нам: «Мы, толком не обученные, и нам всем сразу же показали, как стрелять. Кому винтовку дадут, кому пистолет — у всех по-разному. Сказали, что пойдем в Венгрию, но приказа артиллерийской бригаде не поступило. Мы были все в огромном напряжении. Спим в шинелях, бушлатах. Дней 7–10 в таком нервном состоянии находились. Ну, а потом всё стихло, пошла уже реальная военная служба».

В Германии Евгений получил возможность свободного передвижения по городу, так как его назначили посыльным между офицерами. «Весь Росток нужно было обежать, а город этот не маленький. Приходилось бежать по трамвайным путям чаще всего, чтобы

не заблудиться. Так и знакомился с городом. Росток — типичный немецкий город, опрятный, не очень большой. Местные жители относились к нам нормально, хотя и побаивались. При виде советского солдата старались обходить его стороной. Видимо, так на них повлияли события Второй мировой», — пояснял Евгений Степанович.

МОЛОДЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА РАБОТЕ

Все наши респонденты, где бы они ни родились, оказались в Няндоме в 1950-х–1960-х годах. Многие по направлению от учебных заведений. Евгений Степанович Куликов, несмотря на молодость, сразу оказался на должности директора самой в те годы большой школы города.

Свой приезд он вспоминал так: «Я приехал, на вокзал вышел и не знаю, куда мне идти, куда ехать. Ну и пошел я в райисполком, председателем его была Третьякова Елизавета Филипповна. Она отдала мне ключ от кабинета директора».

Пару недель он пожил у знакомых, затем месяц в интернате, располагавшемся около школы. В нем проживали дети из отдаленных поселков. Потом ему выделили квартиру на Садовой. «В ней ничего не было, лишь печка, затем заказал машину дров, ту, которая возила дрова в школу, и начал ремонт. Сестренка на помощь приехала, помогла, обои поклеили».

На посту директора Е. С. Куликову пришлось решать одну задачу за другой. Не последней была проблема с питанием. Так как имелся интернат, «то худо-бедно была столовая. Там работала тетя Нюша, которая в гордом одиночестве должна была накормить 120 ребятишек, живших в интернате. Шожма, Бурачиха, Андреевская, Шултус, все деревни, которые были в округе, были у нас. Вот она и кормила всем тем, чем могла, в том числе и меня. Даже в расход оставляла — по-армейски, это означает оставить готовую пищу. Кашки оставляла похлебать или чайку попить, а так в столовую ходили “райповскую”. В эту столовую ходили все, пока я не сделал свою в школе. А сделал я ее на третий год».

В 1967 году Е. С. Куликова перевели в РОНО (Районный отдел народного образования). Он всячески отказывался, но его вызвали в райком КПСС и сказали, что если он хочет жить в дружбе с руководством (а он уже являлся членом партии), то нужно идти. Десять лет он там отработал.

Ирина Федоровна Поздеева тоже по распределению оказалась в Няндоме в 1961 году. Она неплохо училась и могла выбрать по собственному желанию, куда поехать. Выбрала Няндому, так как там жили родственники. Первоначально квартиру не предоставили, поэтому она два года жила на частной. Зарабатывала 45 руб. в месяц, за квартиру платила 5 руб. Но через два года квартиру всё-таки дали. «Пригласил председатель горсовета, узнал, что я из детского дома, и мне дали комнату на улице Советской. Комнатка 9 кв. м. Печку помню. Дрова надо было колоть, мне их привозили, хорошо так было. Жила неплохо, справлялась».

Работать ей предстояло в детском саду № 2. Помещение было небольшое, а в группе 20 детей. Спали вплотную друг к другу на раскладушках, а днем их складывали и убирали в кладовку. После четырех лет работы ее тоже перевели в РОНО, где зарплата была чуть больше.

Именно в Няндоме И. Ф. Поздеева познакомилась с К. И. Яковлевой, жили по соседству. В 1963 году они вместе поступили на исторический факультет.

К. И. Яковлева после института продолжала работать пионервожатой в школе до 1968 года. Потом отработала два года в райкоме, а после этого ее пригласили в Пушкинскую школу. Здесь Кира Ивановна уже стала работать учителем истории.

Нина Тимофеевна Сошнева после выпуска из железнодорожного техникума из наших респондентов отправилась дальше всех от родных мест. «Из нашей группы я попала на Северную железную дорогу вместе с подружкой Светой. Сначала мы приехали в Ярославль, в управление, и меня отправили на Няндомское отделение, в Междудворье (между Лепшей и Шалакуше) в районе Няндомы. Здесь имелась казарма, где жил бригадир, дом начальника станции, дом для путевых работников. В нем две комнаты: в одной жила стрелочница, в другой мы — дежурные».

Это было примерно в 1959 году, обустроивалась вчерашняя студентка как могла. С собой привезла чехол, который набили сухой осокой, железная кровать уже стояла в комнате. «Рядом находился ларек, в магазине ничего почти не было, хлеб привозили в железных ящиках» специальным хлебным вагоном. В магазине покупали кое-какие консервы, «молоко в деревне, там его парили хозяева в русской печке». Вода на станции была привозная, не было своей колонки. После Междудворья перевели Нину Тимофеевну на станцию Пукса, переезд запомнился ей покупкой швейной машинки.

Далеко от дома, в Архангельской области, по распределению оказалась и Эльвина Владимировна Князева. Получив специальность техника-технолога по лесозаготовкам, она должна была по направлению с места учебы отработать три года — ее направили в Шалакушский леспромхоз неподалеку от Няндомы. Дали комнату в жилом одноэтажном доме. «Печку сама дровами топила, сама варила. Работала сначала десятником (когда вагоны грузят, надо было сосчитать каждое бревно, чтобы не пропустили)». Но через восемь месяцев, в августе 1966 года, ее пригласили на работу в райком комсомола в Няндому. Работа ей нравилась, да и зарплата была 120 рублей. К тому же это избавило ее от необходимости отбывать на станции в Шалакуше оставшиеся два с половиной года.

В 1967–1968 гг. она работала вместе с Кирой Ивановной в райкоме комсомола. В то время знала в городке почти всех. Няндомы еще была вся деревянная.

«Когда я приехала в Няндому, была всего одна легковая машина “Победа”, на которой работала железнодорожная милиция. Еще в райисполкоме парочка грузовых машин. Жить первоначально приходилось у одной девочки, с которой я вместе работала. А потом дали место в железнодорожном общежитии на улице Ленина, рядом с вокзалом. Мы жили втроем: две девушки-медсестры, которые работали в больнице, и я».

Как мы думаем, переход на комсомольскую работу был заметным повышением статуса. Всё-таки Няндомы была городом, здесь можно было ходить в клубы на танцы, в кино, да и магазинов было побольше...

В 1969 году после окончания педучилища была распределена в Шалакушскую среднюю школу Ольга Михайловна Смирнова. Она вспоминает: «15 августа приехала в Няндому. Не знала, куда идти, стояла и плакала. Ко мне подошел милиционер и спросил, почему я плачу, взял мой чемодан и отвел меня в гостиницу. Помню встречу с Евгением Степановичем, заведующим РОНО. Я пришла, а он сидит на стуле и говорит: “Ну, давайте, заходите, заходите, учительница”. Посадил меня напротив и сказал, что есть еще учительница физики, которую тоже направили в Шалакушу, — можете, мол, ехать вместе. А потом он встал со стула, и я увидела, что он ростом под два метра, я была ему чуть ли не до живота. И сказал: “Ну что, Ольга Михайловна? Жду от тебя своего портрета”».

«Я счастье собираю по крупичам»

У Ольги Михайловны сохранились хорошие воспоминания о Шалакуше, где она 3 года проработала пионервожатой. Вернувшись в Няндому, работала в школе № 31, а в 1972 году, выйдя замуж, переехала в Мошу, деревню в Няндомском районе, где прожила 9 лет. Нагрузка в Моше оказалась маленькой, приходилось работать еще и в соседней школе, на другом берегу озера. Всего 18 часов. В это время учительница, которая вела географию и историю, собиралась на пенсию, и Смирновой предложили поступать на исторический. Она подумала: история и искусство — близкие же дисциплины. И как раз появилась информация, что можно не ездить в Архангельск, а поступать в Каргополе. Всех, кто раньше собирался поступать в Архангельск и на русский язык, и на иностранный, и на математику, собрали в автобус и повезли в Каргополь. Там сдавали экзамены. И она стала студенткой исторического факультета.

* * *

Все наши собеседники, выпускники техникумов и вузов, еще в молодости оказались в нашем городе, и начало профессиональной деятельности у них складывалось похожим образом. Хотя они прибывали к месту будущей работы по направлению, вопрос с жильем решался не сразу. Но рано или поздно они его получали. Да и военное поколение было неприхотливо, довольствовались малым и верило, что далекое «завтра» будет гораздо лучше. Некоторых привлекала и работа в партийных и комсомольских организациях районного масштаба, тем более что это облегчало карьерный рост.

Профессиональная деятельность наших собеседников складывалась по-разному, но нам показалось, что все они счастливы и довольны выбором, который сделали. По крупичам, но они создавали свое счастье.

Все мы родом из детства: Сага о татарах

Оксана Елисова

гимназия № 20, г. Саранск, Республика Мордовия
научные руководители Юлия Владимировна Горшкова,
Алена Владимировна Елисова

Недалеко от границы Республики Мордовия с Нижегородской областью на берегу Мокши рядом с заливными лугами находятся три села — Лобановка, Вачеевка и Новое Кадышево. Мое детство прошло здесь. Здесь выросли я и моя сестра, выросла моя мама, здесь родились и ушли от нас мои предки. Я живу в Саранске, но всегда помню, что Родина у меня начинается в Ельниковском крае.

В конце мая 2016 года я вновь приехала в гости к моей бабушке вместе со старшей сестрой.

Путь предстоял неблизкий: от Кадышева до Лобановки 3 километра, которые нужно пройти по «насыпи» — старой асфальтированной дороге, полной колдобин. Несмотря на то, что моя бабушка Алия разменяла восьмой десяток, она давала фору нам — своим внукам, заставляя пройти всю дорогу спортивной ходьбой, ни разу не снижая темпа.

За автобусной остановкой мы видим старое заросшее кладбище, которое по-татарски называется «зиярят» — первую цель нашего визита в Лобановку.

Стоя перед кладбищем, втроем повязываем, по традиции, платки. Отворив скрипучую калитку, проходим «навестить родственников» и помянуть их. Здесь веками находили свой вечный покой мои татарские предки.

Поминаем близких, держа чашечкой две сложенные ладони, читаем молитвы. Мы выходим с кладбища на единственную улицу в Лобановке. Какие-то дома покосились, в них уже давно никто не живет: в пустых глазницах окон гуляет ветер, а дворы, в которых раньше кипела жизнь, поросли бурьяном. Но, даже невзирая на некоторое запустение, дорога в селе заасфальтирована, во всех домах есть газ и электричество. Жизнь в деревне идет своим чередом, как и 50, и 100 лет назад.

Мы подошли к дому сестры моей бабушки — Рашиды Халимовны Шехмаметьевой. Нас встречает лай Букета, оповещающий хо-

Все мы родом из детства: Сага о татарах

язев о приходе незнакомцев. «Аллá!» (Господи!), — Рашида-апа не ждала гостей, но с радушием встречает нас, сетуя на то, как давно моя бабушка к ней не заходила.

Несмотря на девятый десяток и мозоли на руках, она уверенно орудует на кухне, собирая к чаю всё необходимое. Татарское чаепитие — это целая традиция. На стол выкладывается всё лучшее из того, что есть в холодильнике и на полках; не зря говорит татарская поговорка: «Чэй яны — гаилэ яаны» («Чайный стол — душа семьи»). За чаепитием нельзя никуда торопиться или ссориться.

На столе стоит разнообразная выпечка, печенье. «Ешьте, ешьте, — напутствует нас бабушка Рашида. — У меня такого в детстве не было, у вас зато будет».

И мы начинаем расспрашивать, каким же было ее детство и как она жила в военные и послевоенные годы.

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В ТАТАРСКИХ СЕЛЕНЬЯХ

«Мне было 6 лет (бабушка родилась в мае 1935 г.), когда отец на фронт ушел. Нас было четверо детей у матери: я, Джавадь — 4 года, Ариф — 2 года и Алия — 6 месяцев. Мать работала в колхозе сторожем — охраняла три колхозных амбара. Пока мать была на работе, охраняла зернохранилище, я присматривала за младшими братьями и нянчила крошечную сестренку. Мама иногда вырывалась с работы и на несколько минут приходила домой, чтобы покормить грудную дочку. Иногда я целыми ночами не могла отойти от плачущей малышки, так и засыпала, сидя у детской колыбели. Младшие братья отказывались идти спать. Наверное, они боялись, что сестра тоже куда-то уйдет, как и мать. Часто оба засыпали, сидя около меня и положив мне на плечи свои головы. Иногда мама приносила с работы небольшую чашку зерна: ей как-то удавалось вытащить это из зернохранилища.

Отец перед уходом на фронт, в конце лета 1941 года, откуда-то добыл несколько пудов ржи, поэтому первые военные месяцы мы были с хлебом. Мать пекла его в печи: на дно формы укладывала капустные листья, для того чтобы хлеб подольше не черствел. Так и выпекался этот каравай на капусте», — так начала свои воспоминания о самом начале войны моя двоюродная бабушка Рашида Халимовна.

Халима Хусяиновна Шехмаметьева (1912–1996) — моя прабабушка. С моим прадедом они были полными тезками: он — Шех-

маметьев Халим Хусяинович. Замужем за ним она пробыла 64 года. Всю жизнь проработала в колхозе.

«В августе 1941 года в колхозе начали уборку зерна. Мать, как всегда, днем ходила на работу в поле, а по ночам охраняла колхозные склады. Четверо детей жили почти одни. Мать за старшую оставляла меня. Наш дом был самым крайним в деревне, позади него — поля, где работали колхозники. Маленькая Алия постоянно плакала, и мне приходилось часто относить ее к матери в поле, чтобы покормить. Ребенок был завернут в пеленки, а в ее ногах мать прятала небольшой мешочек, размером с мужской носок, чтобы при кормлении можно было незаметно наполнить этот мешочек зерном и завернуть вместе с ребенком в пеленки. За целый день такой «работы» я, тогда шестилетняя девочка с младенцем на руках, приносила с поля полведра зерна. В июле 1942 года маленькая Алия умерла. Не было никакой белой материи, чтобы сшить саван для нее: сняли с окон белые ситцевые занавески — из них-то мать и сделала смертное одеяние для умершего ребенка». В сельсовет сообщать не стали, так как получали на детей небольшое пособие: если узнали бы, что детей в семье солдата стало меньше, — могли лишить этой выплаты. Именно поэтому мою бабушку, родившуюся в августе 1944 года, тоже называли Алией. Рассуждали просто: детей столько же, что и раньше, имена у них те же самые, поэтому никаких препятствий для дальнейшего получения денег от государства быть не должно.

Бабушка Рашида вспоминает: «Зимой 1941–1942 годов на улице было так холодно, что вода, которую с размаху бросали вверх, падала оттуда уже кусочками льда. Когда корова отелилась в холодном хлеву, утром нашли примерзшего к земле теленка без признаков жизни. Мать занесла его в дом и начала тереть лыковой мочалкой, смоченной в горячей воде». Выращенный на мясо теленок — еда для всей семьи на целый год. Благодаря таким «горячим процедурам» теленок ожил, и прабабушка Халима плакала теперь уже от счастья: «Мы с едой теперь, от голода точно не умрем».

К концу зимы корову стало совсем нечем кормить. Пришлось перевести ее на подножный корм: «Мать отпустила корову на улицу, и она, как олени в тундре, добывала корм, самостоятельно выкапывая разнообразную пищу из-под снега. То украдкой к колхозному стогу подойдет и из него солому надергает; то разворошит снег у чьей-то завалинки и, обнаружив там соломенное зимнее утепление, съест его; то, когда вообще нечем было поживиться,

начнет разгребать чью-то навозную кучу, куда выкидывали уже использованную в качестве подстилки для скота солому. Корова пыталась там найти и съесть хоть что-нибудь». Когда колхозному начальству всё это надоело, на заседании правления колхоза поставили вопрос: «Что делать с бродячей коровой Халимы, которая ходит по селу и съедает всё, что найдет?» Собравшееся правление колхоза «Янгы (искаж.) тормыш» («Новая жизнь») выслушало возмущение людей по этому поводу, председатель сельсовета сказал: «Если мы накажем Халиму из-за ее бродячей коровы и не дадим ей больше работать сторожем, а она каждую ночь рискует быть растерзанной волками или застреленной бандой дезертиров, то пойдет ли кто-нибудь из вас работать на ее место?! У нее четверо детей, а она ночами в любую погоду идет работать, когда другие спят по домам. Есть желающие заменить Халиму?» Желающих не было, так как голодные и злые волки довольно часто разоряли людские сараи, крытые соломой, в которых находились коровы и овцы. Дезертиры тоже «работали» по ночам: днем их никто не видел — они отсыпались и отъедались, а поздно ночью выходили на свой «промысел». Людям было страшно. Они боялись всего: голода, дезертирского ножа или пули, гнева Аллаха, в которого всё-таки продолжали верить, недовольства колхозного начальства, неожиданного визита милиционеров, нападения волков. Никто не хотел сторожить колхозные амбары. Поэтому было решено выдать матери 15 пудов колхозной соломы, чтобы ее корова больше не бродяжничала, а была худо-бедно накормлена своей хозяйкой.

«Мать, для того чтобы было не так страшно охранять колхозные амбары, прикормила большую соседскую собаку. За небольшие кусочки хлеба собака неотлучно находилась при ней, охраняя ее от волков, подходивших совсем близко. Когда на улице было невыносимо холодно, мать с собакой сидели у складов, крепко прижавшись друг к другу — так теплее было обоим».

Как-то зимой 1941–1942 года прабабушка Халима в первый раз отправила шестилетнюю дочь Рашиду за хлебом. Оказывается, работающим колхозникам в селе Лобановка в магазине выдавали государственный хлеб. Осенью 1941 года магазина в селе уже не было: чтобы не тратить колхозные дрова, его перевели в дом продавщицы Рабий. Шестилетняя девочка, придя в дом к продавцу, громко сказала: «Отдай наш хлеб». Ни варежек, ни сумки у ребенка не было. Хлеб ей пришлось нести, крепко прижав к себе буханку с четвертинкой. Лобановка представляет собой одну длинную ули-

цу, поэтому идти из одного конца в другой конец приходилось долго. По всему селу лежали огромные сугробы, переходя через них, Рашида упала и уронила хлеб. Упавшую и укатившуюся четвертинку буханки тут же схватила и куда-то убежала с ней соседская собака. Оставшуюся буханку черного хлеба девочка-дошкольница еле донесла до дома. Варезек у нее не было, а ладони ребенка совсем заledenели и ничего не чувствовали. Дома мать пыталась хоть как-то отогреть Рашиде руки, но ничего не помогало. Тогда, по совету матери, девочка опустила руки в лохань с пойлом для коровы. Молитва матери и коровье питье комнатной температуры — таким было своеобразное деревенское лечение обморожений. «Даст Аллах — заживет», — так в то время считали простые деревенские люди. К фельдшеру обращаться — далеко: надо было идти по сугробам более трех километров до другой татарской деревни — Новое Кадышево. Там работал Амплей Карпович Шиколоткин — первый врач Ельниковского района, за пьянство пониженный до фельдшера. К нему на прием колхозники многих окрестных сёл всегда приходили с узелками, в которых были масло, сметана, яйца, молоко. Летом 1944 года Амплей Карпович умер, отравившись откуда-то добытым им древесным спиртом.

Деревенские способы самолечения каких-либо болезней или травм в то время просто поражают. Мой дед, Халим Тенишев, 1934 г. р., еще, будучи пятилетним ребенком схватил раскаленную докрасна кочергу. В темноте мальчику стало интересно, что же это за предмет такой, почему-то светящийся ярко-красным светом, прислонен к печке. Вся кожа с его небольшой детской ладошки моментально сошла. «Первую помощь» оказали сразу: тут же из сарая принесли свежий коровий навоз и руку ребенка опустили туда — своеобразное «обезболивающее» по-деревенски. Со временем ладонь зажила, не осталось даже шрамов. Вообще к медицине в татарских деревнях было всегда особое отношение. Рассуждали тогда, да и сейчас, следующим образом: «Человеку сколько Аллах дал жизни, столько он и проживет».

Бабушка Рашида продолжает рассказ о своем детстве. Частенько вытирая глаза углами головного платка, она старается ничего не забыть и не пропустить.

«Зимой 1941–1942 годов матери пришлось отапливать избу снопами льна, так как в колхозе осенью их не успели убрать вовремя, и они так и остались в поле. Когда мать попросила у бригадира лошадь, чтобы съездить за дровами, ей почему-то дали

самую большую, но и самую ленивую лошадь по кличке Задера. Если сани или телегу хоть немного чем-то перегружали, то животное наотрез отказывалось тянуть их. Про Задеру говорили: «Она кому угодно всю душу задерет». Матери посоветовали привозить из леса кленовые дрова и показали, как клен выглядит. Бригадир учил ее правильно менять их в колхозе на обычные дрова: одни сани, груженные кленом, по цене приравнялись к двум саням обыкновенных дров. Клен ценился крестьянами потому, что он легко гнулся, не ломался и при этом оставался довольно прочным. Из него делали дуги для конской упряжи и полозья для саней, поэтому за один воз кленовых деревьев всегда давали два воза обычных дров, которые можно было использовать только для растопки».

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Бабушка Рашида иногда прерывается — плачет, видимо, какие-то события даются ей слишком тяжело. Переживания тех лет как будто оживают в ее памяти: голос начинает дрожать.

«Когда отцу подошло время уходить на фронт, мать напекла ему в дорогу пресных булочек. Старик сосед запряг лошадь и отвез его на железнодорожную станцию Ковылкино (бывшее Арапово — этим селом в свое время владела старшая дочь Наталья Гончаровой и генерала Ланского), а оттуда всех мобилизованных отправили в Казань. Отец взял с собой тулуп, шапку и единственные на всю семью валенки. На внутреннюю сторону пиджака, со спины, пришили шкуру козленка, который издох еще весной». Крестьяне — народ экономный, привыкший считать каждую копейку, поэтому даже с издохшего козленка шкуру сняли: «Когданикогда она может пригодиться». Вот и пригодилась: мать утеплила ею мужнин «пинжак».

«Из Казани отец отправил домой посылку со своими домашними вещами: тулуп, шапку, валенки и пиджак с пришитой с изнанки шкуркой козленка. Прислал еще для меня брошку с собачкой и красную краску. Где он их добыл — неизвестно. Несмотря на то, что шла война — тяжелый 1941 год — почта исправно работала: посылка отца не затерялась где-то в суматохе первых месяцев войны — она пришла точно по адресу. С приходом посылки у матери появилась зимняя одежда, и ей было уже не холодно охранять зимой колхозные склады».

Почему-то прадеда Халима призвали не сразу, а моего второго прадеда Усмана и его коллегу Халима Сухова, шоферов Ново-Кадышевской МТС, вместе с машинами отправили, по воспоминаниям моего деда, на фронт уже 23 июня. До недавнего времени о месте службы кадышевского прадеда я могла сказать только одно: 3-й белорусский фронт. Но летом 2016 года, разбирая документы умершей дочери Усман-бабая, моей двоюродной бабушки — Нюрии, мы нашли справку из военного архива от 5 июля 1987 года. В этой справке Центрального архива Министерства обороны СССР, присланной из города Подольска Московской области, приводится выдержка из наградного листа к приказу войскам третьего Белорусского фронта № 0225 от 7 марта 1945 года: «ТЕНИШЕВ Усман, ефрейтор, шофер 21 Военно Почтового Сортировочного Пункта...»¹ Также указана и дата призыва Усмана в ряды Красной Армии — 23 июня 1941 года.

Данный документ подтверждает слова Халима-бабая, сына Усмана, всегда говорившего нам, что 22 июня во второй половине дня к ним домой пришел военком из райцентра Пурдошки и спросил, где Усман Тенишев. Прадед уехал в воскресный день в райцентр на базар. Райвоенком поинтересовался у родственников, не убежал ли мобилизуемый мужчина и, получив отрицательный ответ, остался у них в доме и ждал прадеда Усмана до самого вечера. Прадед Усман, который всю войну служил шофером — развозил почту, еще в начале 1980-х годов рассказывал моей маме, его внучке Галии, что в первую военную зиму иногда в солдатской столовой на вопрос: «А что сегодня на ужин?» можно было услышать ответ: «На ужин — чай... с селедкой». И всё. Ни хлеба, ни перловки (о картошке даже подумать не могли) к куску ржавой селедки и сахара к стакану какой-то буроватой теплой жидкости, конечно же, не полагалось. Получалось так, что взрослые мужчины должны были довольствоваться на ужин одним полузасохшим куском рыбы. Но, как говорил сам Усман-бабай: «Все выдержали».

Вновь возвращаюсь к рассказу бабушки Рашиды. «Когда отец вернулся — приехал в длительный отпуск по ранению в декабре 1943 года, я не узнала его: в шинели, в шапке. Отец, увидев меня, сказал (а в деревне всегда говорили и говорят сейчас только на татарском языке): “Дочка, иди сюда”. Я, испугавшись его, побежала к матери: “Мама, там какой-то русский пришел,

¹ Оп. 686196, д. 4442, л. 180.

еще дочкой меня назвал”. Отец во время своего отпуска по ранению три раза вновь призывался и уезжал, но всегда медкомиссия его возвращала обратно. Пуля на Курской дуге вошла ему в грудь, а вышла со спины, вырвав лопатку, поэтому правая рука не работала. Когда отца окончательно признали негодным к военной службе, его отправили охранять узел связи в городе Краснослободск — в 24-х километрах от своей деревни. Приходя изредка домой на побывку, отец приносил с собой немного соленой кильки, которую ему иногда давали на обед. Он сохранял этих небольших соленых рыбок для того, чтобы отнести в качестве гостинца своим детям, очень ждавшим отца и радовавшимся этому подарку. Громкие детские крики: “Отец кильку принес!” — раздавались на всю улицу».

«ОБИДЕТЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ»

Бабушка Рашида продолжает рассказывать: «В конце лета и осенью 1941 года в Лобановку приехало несколько семей, эвакуированных из Ленинграда. Все они в 1920–1930 годы по каким-либо причинам уехали из родного села. Мать как-то услышала жалобы одной из приезжих на то, что ноги у нее очень болят. Выяснилось, что из-за катастрофической бедности у приезжей не было даже более-менее нормального нижнего белья, поэтому его приходилось шить из крапивных мешков. Оказывается, что мешки, или, как их называли в Ельниках, кули, делали не только из лыка, но и из крапивы. И вот в таком крапивном белье женщине приходилось ходить всё время. До крапивы и так невозможно дотрагиваться — она жжется, а носить на себе белье из этого растения — великая мука. Мать, придя домой, из каких-то тряпичных остатков сшила приезжей на швейной машинке “Зингер” универсальное деревенское белье — прямые штаны до колен, которые можно было надевать всем — разницы по полу и возрасту не было. Позже, когда эта приезжая женщина, вместе с остальными сельчанами, необоснованно обвинила мать в воровстве колхозного керосина, наша мама, в сердцах, бросила ей: “Лучше бы я тебе не шила тогда нормальное белье, а ты так и ходила бы в штанах из крапивных мешков”. Пропавший бак керосина впоследствии нашелся: он был закопан во дворе у наших соседей. А ведь они вместе с остальными колхозниками обвиняли мать в воровстве керосина...»

О ПРИМЕТАХ И НЕ ТОЛЬКО

Мой дед Халим Тенишев хорошо помнит, как летом 1942 года в соседнем от Лобановки татарском селе Новое Кадышево в сени его дома случайно залетела ласточка. Когда, пытаясь выгнать обратно на улицу, дети ее поймали, моя прапрабабушка Фатыма (1864–1960) помазала птице голову топленным коровьим маслом. Это было проявлением неслыханной щедрости для тех трудных военных лет. Топленое масло всегда считалось в татарских селах признаком определенной зажиточности и богатства. Поэтому, смазав голову ласточки маслом, прапрабабушка Фатыма была полностью уверена, что теперь-то пернатый гость будет очень доволен, и Аллах, выслушав от него добрые слова про полученный от прапрабабушки и ее семьи неожиданный подарок, поможет сбыться единственному заветному желанию женщины. Отпуская птаху на волю, прапрабабушка сказала: «Пусть Усман вернется». И Усман, ее сын, мой прадед, в феврале 1946 года действительно вернулся с войны. По-видимому, бог все-таки услышал благодарность пичужки.

А мой прапрадед Фетхотдин (1860–1943) во время войны всегда повторял одну нехитрую зарифмованную фразу на татарском языке: «Бу герязь бетсайде, и Усман кильсайде». В переводе это звучит так: «Чтобы эта “грязь” закончилась, и чтобы Усман вернулся». «Грязью» прапрадед называл советскую власть. В 1917 году ему было уже 57 лет, бедняком Фетхотдин никогда не был, ведь ради своего благосостояния он трудился и днем, и ночью. А в 68 лет по настоянию сына Усмана (1909–1992) вступил в колхоз. Усману на тот момент было 20 лет: в молодости все нововведения воспринимаются легче. А его старший брат Кярим (1889–1968) так до конца жизни и не вступил в колхоз, всю жизнь пробыл единоличником. В 1929 году, когда в селе образовался колхоз имени Нариманова, Кяриму Фетхотдиновичу Тенишеву было уже 40 лет. Конечно, были в селе и те, кто и в более старшем возрасте вступил в колхоз. Но мой двоюродный прадед так и не смог принять того, что его земля, лошадь и весь сельхозинвентарь в одночасье могли стать колхозной собственностью. В «Похозяйственной книге основных производственных показателей хозяйств единоличников» за 1934 год указано:

«Тенишев К. Ф., 45 лет
Фатыма, жена, 1877

Хуснетдин, сын, 1917

Ариф, сын, 1919

Мяхруся, приемная дочь, 1917

В хозяйстве есть: кобыла — 1, корова — 1, теленок — 1.

Яровых — 1,86; озимая рожь — 1,60.

Сельхозинвентарь: плуг, борона, телега, сани, соха».²

С 1936 года в селе Новое Кадышево открылась МТС, куда в том же году устроился работать шофером мой прадед Усман, а за ним и его старший брат Кярим стал там машиноведом. В МТС платили зарплату живыми деньгами, поэтому сельские жители старались всеми правдами и неправдами устроиться туда работать. В газете Пурдошанского района «Заря коммуны» за 10 сентября 1947 года есть заметка: «С первых дней обмолота хлебов среди машиноведов Н-Кадышевской МТС развернулось социалистическое соревнование в честь 30-й годовщины Великого Октября.

Одно из первых мест, как и в прошлые годы, занимает лучший машиновед молотилки “МК-1100” 65-летний Кярим Тенишев. Он, работая в колхозах им. Нариманова и “Путь Сталина” Кадышевского с/с, ежедневно намолачивал 12 т. Всего намолотил 150 т зерна. Колхозники колхозов Н-Кадышевского с/с считают т. Тенишева лучшим машиноведом в Н-Кадышевской МТС».

Только одну небольшую деталь не уточнил автор заметки (да он и сам наверняка не знал об этом): лучший машиновед МТС был единоличником. Получается, что в районной газете, по неведению, написали положительную заметку о единоличнике.

Кярим-бабай (как его всегда называли в нашей семье) работал «машиноведом» в теплое время года, а зимой находился при мастерской: вместе с другими рабочими МТС ремонтировал сельхозинвентарь. Всю жизнь платил налог, как единоличник, но всегда жил неплохо. Даже во время войны он менял зерно на золото. Мой дед Халим Тенишев всегда с некоторой обидой в голосе вспоминает о том, что в годы войны его родной дядя Кярим никогда не бедствовал: «Мы голодали, а он собаке куски черного хлеба при нас бросал. До сих пор помню: “На, Букет!” — и кидает хлеб собаке. Хоть бы без нас это делал. А его родная мать — моя бабушка, что жила с нами, голодала вместе с нашей семьей. Дядя Кярим даже ее к себе в дом не взял, чтобы подкормить чуть-чуть». Дед как будто сейчас это пережил: в его голосе чувствуется обида и горечь.

² ЦГА РМ. Ф. Р-1353. Оп. 1, № 1, л. 7.

Возвращаюсь к рассказу бабушки Рашиды: «Ранней весной 1943 года умерла жена моего дяди, жившая с детьми в другой половине нашего общего дома. В день ее похорон пришла “похоронка” на ее мужа. “Похоронку” в татарской деревне называли “Черная печать”. Моя мать не смогла взять к себе двух осиротевших племянников, хотя на них колхоз ежемесячно выделял зерно: “Своих детей — трое. Еще двоих я не потяну”». За племянниками ухаживать взялась другая тетка — Фатыма Шехмаметьева, муж которой погиб на фронте.

О НЕКОТОРЫХ «АКСАКАЛАХ»

Большинство мужчин воевали на фронтах, в деревне остались либо комиссованные, либо те, кого уже в силу возраста не призвали в армию.

Моя прабабушка дежурила возле складов, к ней повадился ходить Хоснек Шехмаметьев. На фронт его не взяли в силу возраста: ему было уже за шестьдесят пять. Но это не мешало «аксакалу» приставать к двадцатидевятилетней женщине, муж которой уже более полугода воевал с фашистскими захватчиками. «Седина в голову — бес в ребро. Дед Хоснек уже изрядно надоел нашей матери. Кричать “Караул! Помогите!” бесполезно: никто не придет, так как волков боялись все. Тогда мама поступила по-другому: на всю деревню закричала: “Пожар! Пожар! Караул!” по-русски и стала изо всех сил стучать железной кочергой по большому амбарному замку», — говорит двоюродная бабушка. Небольшая железная кочерга была единственным оружием прабабушки Халимы на случай нападения волков. На крики о пожаре сельчане начали выходить из домов и бежать к складам. Дед Хоснек сразу исчез: если люди об этом узнают — позора не оберешься, помнить, а главное — напоминать будут очень долго. В его семье только в мае 1942 года родился последний восьмой ребенок, — дочь Халифа (а деду Хоснеку тогда уже было за 65!).

В «Постановлениях исполкома Пурдошанского райсовета и бюро райкома ВКП(б)»³ есть решение о выдаче Шехмаметьевой Х. Р. как многодетной матери двух тысяч рублей: «Рассматривали заявление многодетной матери Шехмаметьевой Хадичи Ряхмятуллоуны, проживающей в д. Лобановка, Н. Кадышевского

³ Ф. Р-18-05. Оп. 1. № 32. С. 53.

с/с Пурдошанского района Мордовской АССР, имеющей 8 человек детей, последняя дочь — Шехмаметьева Халифя Хуснетдиновна рождения 7 мая 1942 г. Дети находятся в живности. На основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 27.IV-36 г. утвердить выдачу многодетной матери госпособия в сумме 2000 руб. в год». Из всего документа более всего запомнилась фраза — «Дети находятся в живности». По району рассматривалось несколько таких заявлений (только в Лобановке — 2), и в «живности» детей удостовериться было необходимо, чтобы государственные деньги шли строго по назначению. Так и у моего прапрадеда Айнетдина Шехмаметьева (1875–1968) старшие дети Мухамметша и Ханифя были 1900 года рождения, а самая младшая, Саида, — 1937 года рождения. За всю жизнь у прапрадеда Айнетдина было пять жен, одиннадцать детей — сколько Аллах дал, столько и родилось. Старший сын погиб в 1941 году на фронте — ему был 41 год, в 38 лет под Ржевом погиб второй сын, а самой младшей дочке в начале войны исполнилось всего четыре года.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. ТРУД

Отгремели последние залпы войны, мужчины возвращаются домой, люди верят, что жизнь станет лучше. В это верила и сестра моей бабушки.

«Уже после войны отец отправлял меня в мордовское село Пошаты, которое находится в пяти километрах от Лобановки, молотить просо — его давали в качестве оплаты за трудодни. Просо выдавали не до конца обмолоченным: с зерен надо было убрать последний слой шелухи. Сам отец пойти не мог: невзирая на то, что мужчина был инвалидом войны, работать ему в колхозе приходилось наравне со всеми. В Пошатах молотилку приводила в действие пара волов. После обмолота проса я забирала домой не только пшено, но и получившуюся мякину — шелуху от зерна, которая потом шла на корм гусям — их кормили мятой картошкой. Полные чугуны сваренной с кожурой картошки разминали обычной кочергой, затем все смешивали с мякиной. Гуси ели это с большим удовольствием. Иногда меня, десятилетнего ребенка, отправляли с двумя сумками ржи, перекинутыми через плечо, в русскую деревню Сузелятки. Каждая из сумок вмещала в себя одно десятилитровое ведро. До Сузеляток идти 6 километров. Там еще с дореволюционных времен работала ветряная мельница. За свой труд

мельник — дед Иван (татары называли его Иван-бабай) просил принести с одного из соседних полей крупные “головы” подсолнухов. Дед Иван давал большой мешок, его я наполняла доверху, а потом волоком тащила обратно. Мельник и другие взрослые говорили детям, взятым родителями с собой на помол: “Чтобы был ветер, бегайте вокруг мельницы и свистите. Вызывайте ветер”. Ребятишки старались, как могли: звонкий свист стоял на всю округу. И Иван-бабаю хорошо: вся детвора занята “делом” и не залезает, куда не надо.

В пятнадцать лет я стала вязать ажурные женские шарфы на продажу — так мы начали копить деньги на постройку нового дома, потому что старый уже совсем обветшал. Отец привозил из русской деревни Сузелятки белую овечью шерсть. Пряжа для такой работы требовалась самая обычная, но в большом количестве. А шерсти трех овец, живших тогда у нас, просто не хватало. Вот и приходилось закупать сырье у русских. Мать пряла: для прочности будущих вещей при прядении овечью шерсть надо было соединять с обычными катушечными белыми нитками. Я связала довольно много таких шарфов (один метр в ширину и два метра в длину). Один шарф вязался за три дня. Позднее, в середине 1950-х, за два шарфа я купила у односельчанки небольшие золотые серьги, потом — золотое колечко».

Традиционно уровень жизни в мусульманской семье оценивается по тому, как материально обеспечивают женщин их мужчины. Семья — один из основных смыслов жизни правоверного мусульманина. Ну, а что может быть заметнее золота и его блеска? Поэтому татарки в селе Лобановка и в других окрестных татарских селах всегда предпочитали и предпочитают золотые украшения серебряным.

Продавать шарфы ездили в Горький. Там на вырученные деньги купили два черных женских жакета из плюша, зимнее пальто, 40 м розового, в белую ромашку ситца, один пуд сахара. Где-то смогли раздобыть фабричные резиновые сапожки 33-го размера для второй дочери Алии, моей бабушки. Это было самой настоящей технической новинкой для села, где по весне люди, за неимением калош, мастерили деревянные колодки на валенки, чтобы те не промокали. Из привезенного ситца сшили занавески на окна в горницу и возле родительской кровати. Так у отца и матери появилась «собственная спальня». В то время у деревенских татар проявлением высшего шика считались тканевые

занавески, отделявшие кровать от всей остальной комнаты: ситцевые или сатиновые — не важно. Под потолком, по периметру кровати, вешали узкую, шириной в полметра, поперечную занавеску из того же материала, но уже с пришитыми к ней кистями, для большей красоты. Бабушка Алия до сих пор следует этой своеобразной моде своего детства и завешивает всевозможной тканью любое пустующее место в их с бабушкой доме в Новом Кадышево. С помощью таких украшений, она пытается продемонстрировать, насколько зажиточны, а следовательно, гостеприимны хозяева дома. Потому что теперь они могут позволить себе не только обычный «бюджетный» ситец, но настоящий атлас и шелковую бахромку.

«У родителей была перина, набитая гусиными перьями, и такие же подушки. А у нас детей — тоже “перины”, только наполненные соломой. Отец с матерью привезли из Горького три ватных матраса, чтобы детские соломенные колючие тюфяки наконец-то убрать. Ещё я купила себе пиджак с юбкой», — продолжает свой рассказ Рашида-апа. Получается, что продажа сделанных своими руками шарфов-паутинок — весьма доходное дело для того времени, да и вязались они достаточно быстро. Трудности возникали лишь при сушке этих изделий после стирки. Мокрый шарф натягивался на какой-либо ровной поверхности, где каждый связанный зубчик требовалось закрепить лишь слегка вбитыми гвоздями, чтобы готовая продукция при сушке не теряла форму и имела товарный вид. Вбивали гвозди в зубчики шарфов обычно мужчины. Когда шарф высохал, гвозди убирались. Правильно связанный и высушенный шарф действительно напоминал паутинку.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

В деревнях, особенно в первой половине XX века, была высокая рождаемость. А дети всегда оставались детьми: немного сыты и хорошо: можно веселиться и, конечно, играть.

Бабушка Рашида вспоминает: «Раньше в деревне детей было много — ватагами бегали. Любимое их развлечение — неожиданно выскакивать и перебегать дорогу перед едущей машиной или подводой. Это называлось “дорогу перерезать”. Любили ребятишки устраивать “сухой дождь”: летом на улице мальчишки набирали полную кепку пыли и кидали ее вверх. Кепка падала сразу, а пыль

медленно опускалась на всех, кто там был. Дети были в восторге. И никто, кроме их матерей, не обращал внимания на то, что дети все пыльные и грязные. Всегда ребятишки босиком по улице бегали. Про шампуни, зубную пасту понятия не имели. Жили по принципу: «Что Аллах дал, на том и спасибо». Питание в деревне никогда не отличалось большим разнообразием. Сегодняшние самые обычные продукты воспринимались бы тогда как самый настоящий деликатес».

Летом 1952 года соседский мальчик Кямилъ хвалился моей бабушке Алии, которой тогда было 7 лет: «А нам родственники из Ленинграда рис привезли в подарок!» Она не могла понять, о чем он говорит, и спросила: «А что такое рис?» Рисовая каша воспринималась тогда в глухой татарской деревне как очень редкое и необычайно вкусное блюдо. А если в пирог положить рисовую начинку, то эта семья уже смело могла причислить себя к обеспеченным людям.

Девочки делали кукол из ивовых прутьев, которые хорошо гнутся и не ломаются. Их можно наряжать в какие-то тряпочки, изображающие красивые платья. Еще деревенские девочки собирали осколки каких-нибудь чашек-тарелок и сравнивали, у кого осколки красивее. Все это детское «богатство» хранилось в укромных местах.

Особо популярной, как у мальчиков, так и девочек была игра в «бабки». Чтобы летом играть в бабки (второе название — «козны»), татарское название — кузняк, деревенские ребятишки начинали готовиться еще зимой. Биту высверливали и, чтобы она была тяжелее, набивали ее маленькими железками от сельхозтехники. Чтобы кости стали абсолютно гладкими, их требовалось предварительно подготовить — отполировать. Для этого выбирались нужные кости из тех, что были обгрызены за обедом: после супа или щей всегда на второе блюдо было сваренное в бульоне мясо, очень часто — с костями. Костяной материал для будущих игр отправляли сушить на печь. Складывали их там в какой-то уголок. Любимое место обитания домашних тараканов — стенка у печки, если горячо натоплено. Это просто рай для рыжих и черных «квартирантов», живших тогда в каждой крестьянской семье. За зиму эти насекомые так очищали кости, что к весне-лету приспособления для игры в «бабки» становились ровными и гладкими — были хорошо отполированы. Вот так в деревне и тараканов «заставляли работать», а не просто квартировать в доме и ничего не делать.

«БИЗНЕС» ПО-ДЕРЕВЕНСКИ

В деревнях в 1950-х–1960-х годах помимо работы в колхозе «за палочки» люди стремились что-то делать, чтобы получать за это живые деньги. Прадед Усман работал шофером на бензовозе. При первой возможности подвозил пассажиров (за деньги!) до железнодорожной станции Ковылкино (приблизительно 70 км от деревни) и обратно. После обмена денег в 1961 году проезд от Нового Кадышево до Ковылкино стоил 3 рубля. Это было очень дорого, но ехать всем надо, а автобус туда не ходил. Прадед с его бензовозом, в кабину которого порой втискивалось по три человека (при норме — один), был нужен всем. Получается, что он подрабатывал таксистом.

Прадед с прабабкой продали большую овцу, чтобы на эти деньги купить сыну Халиму, моему деду, который в конце 1957 года только вернулся из армии, костюм. Темно-синий бостоновый костюм дед купил в Ленинграде, переплатив продавцу-татарину 10 рублей. Носил его дед около 25 лет, говоря: «Хоть спи в нем, только утром встряхни — он, как новый: ни складочки на нем, ни морщиночки». Дед заносил этот костюм до дыр. Всегда мечтал найти такой же — не смог.

Еще в самом начале 1950-х годов в татарском селе Байкеево соседнего Краснослободского района, которого сейчас уже нет, жил деревенский ювелир по имени Хаким. В татарских селах в основном жили зажиточно, поэтому золото, припрятанное еще с царских времен, лежало в укромных уголках, дожидаясь своего часа. И к этому ювелиру осенью в 1950 году отправилась пятнадцатилетняя Рашида: нужно было уменьшить материно кольцо. Идти надо было около 25 км пешком через поля, перейдя вброд небольшую речку, больше похожую на ручей. Дом старика ювелира был особенным: никаких надворных построек у него не имелось. А зачем ему держать хозяйство, если и так деньги шли от ювелирных дел?! Рашиду он попросил продать кому-нибудь в своей деревне золотые серьги за 100 рублей. В Лобановке серьги с удовольствием купили: ювелирных магазинов нигде рядом не было, а украшения получить хотелось каждой женщине. Поэтому те, у кого водились деньги, покупали серьги-кольца у деревенского золотых дел мастера. Этот, тогда уже, в самом начале 1950-х годов, старик, обучился ювелирному делу в Москве, где он, будучи юношей, жил и работал у золотых дел мастера еще в конце XIX века. Наверняка хозяин

был тоже татарин, так как татары всегда стремились работать и жить у единоверцев. Хаким-бабай имел специальный инструмент. «У нас в деревне такого ни у одного мужчины не было. На его рабочем месте стояла специальная горелка: оторвавшиеся части сережек или брошек дед Хаким припаивал золотом, а не оловом, как другие деревенские умельцы».

В 1950-е годы старикам в колхозе еще не платили пенсию, поэтому дед Хаким ни от кого ничего не ждал: он продолжал заниматься весьма прибыльным делом, которому отдал всю жизнь. А золото было припрятано у одних татар еще с царских времен, другие даже во время войны умудрялись обменивать носильные вещи или хлеб на золото.

* * *

Рашида Халимовна Шехмаметьева, 1935 г. р. Образование — 3 класса. С 15 лет работала овцеводом в колхозе. В двадцать пять вышла замуж за односельчанина, поэтому фамилию менять не потребовалось: в Лобановке все жители — Шехмаметьевы. Всю жизнь она проработала в колхозе: в трудовой книжке указана одна должность — рядовая. По всей России таких людей, как она, миллионы. Но именно через призму судеб самых обычных людей мы можем взглянуть, иногда с неожиданной стороны, на нашу не столь давнюю историю.

Наше детство было другим. И я, заканчивая сейчас 11 класс, не могу сравнить это с образованием сестры моей бабушки — тремя классами. Но нам надо учиться у них быть людьми. Дорожить своими близкими и семьей. Бабушка Рашида, несмотря на трудности и невзгоды, смогла стать достойным человеком, воспитала троих детей, сейчас летом к ней приезжают ее внуки.

Моя сага о татарах закончена. Но история сёл продолжается.

Солдатским полем призванные

Ирина Корнеева

школа № 129, г. Волгоград

научный руководитель Наталья Александровна

Карюкина

Со временем все зарастает былью,
Что связано с минувшею войной,
Уж не приходят вдовы к надмогилю,
Траншеи битвы заросли травой.

А. Болутенко

Изначально эта работа планировалась как рассказ о деятельности студенческих строительных отрядов волгоградских институтов в 1970-е–1980-е годы и о судьбах стройотрядовцев. Судя по публикациям в местной печати, стройотряды выполняли самые разнообразные задачи. И «трудовые подвиги» были не самой главной задачей. Чтобы выяснить, какой «особый дух» царил в стройотрядах, необходимо было встретиться с «бойцами» стройотрядов тех лет. Мой руководитель договорился о встрече с Александром Семеновичем Денисовым, в 1973–1978 годах он был главным инженером и руководителем Волгоградского областного штаба студенческих стройотрядов. Ярким и важным событием в жизни Александра Семеновича и других волгоградских стройотрядовцев стало строительство в 1975 году мемориала «Солдатское поле».

Я раньше никогда не слышала о «Солдатском поле». Оказалось, что в 15 км от городской черты, около «старой ветки» трассы Волгоград — Москва находится мемориал, который символизирует память поколений о Великой Отечественной войне. Рассказы Денисова об этом «детиче» стройотрядовцев так меня увлекли, что стало понятно — работа будет не только о стройотрядах.

Встреча с Денисовым стала лишь отправной точкой исследования. Тогда мне казалось, что рассказ о «Солдатском поле» — это история о восстановлении памяти, о бескорыстных советских людях, так не похожих на сегодняшних. Я была в восторге! Я читала публикации 1970-х–1980-х годов и восхищалась людьми — настоящими героями — которые не жалели сил, времени, средств, чтобы сделать «великое дело».

Но, погружившись в эту историю, я поняла, что нет легендарных советских людей, которые с таким пафосом описываются в книгах того времени. Создание мемориала — это полностью заслуга небольшой группы неравнодушных, которые смогли убедить других в необходимости его появления. Эти люди искали средства и возможности. Они и сегодня с теплотой вспоминают о создании мемориала.

КАК ПОЯВИЛСЯ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «СОЛДАТСКОМ ПОЛЕ»?

Перед встречей с Денисовым я стала искать в интернете информацию о «Солдатском поле», но все публикации о мемориале оказались однотипными. Позже выяснилось, что они дублировали информацию из справочников 1980-х годов о памятниках Волгограда.

Вкратце история такова. В 1975 году в ближайшем пригороде Волгограда было разминировано и вспахано последнее из оставшихся минных полей площадью более 400 га, которое на картах обозначалось «М» — минное или «мертвое». Комсомольцы, которые должны были в начале сентября 1975 года провести в Волгограде VII Всесоюзный слет победителей походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, решили приурочить открытие мемориала к слету.

Поле удалено от современных дорог, и мемориал решено было возвести в 12 км от поля, около трассы Волгоград — Москва. Строили памятник стройотрядовцы — быстро и бесплатно. Скульпторы Л. М. Левин и А. Е. Криволапов создали очень трогательный и даже лиричный мемориал. На пьедестале фигурка девочки 8–10 лет с цветком в руках, которая пришла почтить память воинов на место боев. У подножия пьедестала высеченный из камня треугольник фронтального письма политрука Дмитрия Петракова, сражавшегося под Сталинградом. Он написал письмо своей шестилетней дочери Людмиле в город Ульяновск: «Моя черноглазая Мила! Посылаю тебе василек. Представь себе: идет бой, кругом воронки, и здесь же растет цветок. И вдруг очередной взрыв, василек сорван. Я его поднял и положил в карман. Мила, папа Дима будет биться с фашистами до последней капли крови, до последнего вдоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим цветком». Перед девочкой стилизованная воронка от взрыва, за ней братская могила. В братской могиле похоронены защитники Сталинграда, чьи останки

были найдены на поле во время разминирования. Поодаль лемеха плугов, объединяющих военное прошлое и мирное настоящее.

У меня появилась возможность услышать рассказ непосредственного участника событий. Александр Семенович — человек энергичный и деятельный, при встрече сразу предложил поехать на своем автомобиле на «Солдатское поле» и разговаривать там, чему я очень обрадовалась. Прекрасный рассказчик, Денисов за время пути с явным удовольствием пересказал уже известную нам историю строительства и реконструкции мемориала. Но потом, когда мы задавали уточняющие вопросы, нам удалось узнать и что-то новое.

По мнению Денисова, идея создания мемориала появилась спонтанно. 30 августа 1974 года корреспондент Георгий Пряхин в газете «Комсомольская правда» опубликовал статью о том, что в Волгоградской области спустя 31 год после окончания Сталинградской битвы всё еще остаются ее следы. Заминированное, не паханное много лет поле напоминало о тех страшных событиях. Эта статья и стала толчком к началу разминирования Солдатского поля. Александр Семенович считает, что само название «Солдатское поле» — заслуга Пряхина.

Главным вдохновителем и организатором проекта стал, по словам Александра Семеновича, первый секретарь волгоградского обкома комсомола Владимир Анатольевич Катунин. На совещании ЦК ВЛКСМ в Москве Катунин сказал о том, что комсомольцы обезвредят Солдатское поле и построят мемориал. Идею поддержали, была выпущена специальная директива генерального штаба Вооруженных сил СССР о разминировании поля. Волгоградским комсомольцам активно помогали и ЦК ВЛКСМ, и Министерство обороны, и, конечно, Волгоградский обком КПСС.

Кто и когда точно начал разминирование Солдатского поля, Денисов не знает. Во время работ по разминированию нашли останки погибших воинов. Встал вопрос о перезахоронении погибших бойцов. Мемориальные кладбища на Мамаевом кургане в Волгограде и близ села Россошка Городищенского района Волгоградской области еще не были созданы. Решили захоронить в братской могиле. Студенческие стройотряды каждое лето строили в селах и хуторах Волгоградской области памятные знаки землякам, погибшим на полях Великой Отечественной войны, и обновляли братские могилы. Работа понятная и знакомая. Смущало только, что разминированное поле было слишком удалено от населенных

пунктов и крупных дорог, а значит, будущий памятник окажется в «чистом поле».

Возвращаясь после осмотра разминированного Солдатского поля, руководители штаба стройотрядов заметили участок земли не распаханной, изрытой воронками и окопами рядом с трассой Москва — Волгоград. Отсюда открывалась прекрасная панорама Волгограда, была видна скульптура Родины-Матери на Мамаевом кургане, здесь тоже в августе–ноябре 1942 года шли кровопролитные бои на подступах к Сталинграду. На этом месте и решили поставить памятник. Приехали к первому секретарю обкома КПСС Леониду Сергеевичу Куличенко. Он идею поддержал.

Началась напряженная работа. Архитектором мемориала «Солдатское поле» был выбран Леонид Менделеевич Левин — автор мемориального комплекса «Хатынь».

Узнав, что нужно создать целый мемориальный комплекс, Левин попытался отказаться, так как времени было катастрофически мало. Пытаясь переубедить Леонида Менделеевича, Катунин прочитал ему письмо Дмитрия Аверьяновича Петракова, воевавшего под Сталинградом¹.

Письмо Петракова к дочери потрясло Левина. Благодаря этому тексту, он согласился стать «идейным вдохновителем» памятника-мемориала «Солдатское поле». На одном из собраний, где решалось, каким будет памятник, в кабинет к Василию Федоровичу Гордееву, второму секретарю обкома комсомола, с яблоком в руках вошла десятилетняя дочь Лена, и Левин сразу сказал: «Всё. Идея есть!».

По задумке архитектора, Мила — девочка, которая олицетворяет всех детей. «Лена зашла с яблоком в руках, а в письме у майора Петракова был василек. Но, так как василек был бы слишком хрупким, решили вложить в руки девочки тюльпан, который наиболее типичен для нашей местности», — уточняет Денисов. Выполнить скульптуру девочки поручили волгоградскому скульптуру Алексею Евдокимовичу Криволапову.

Левин решил установить скульптуру девочки — Милу, которая пришла отдать дань подвигу отца, перед ней стилизованная воронка от взрыва с искореженным «военным железом», которая разде-

¹ Письмо было опубликовано во 2 номере журнала «Работница» за 1957 год, а потом вошло в четвертое, исправленное и дополненное издание сборника «Говорят погибшие герои», вышедшего в 1973 году. Примечательно, что и в современных публикациях о майоре Д. А. Петракове и его письме дочери просто пересказывают сведения из сборника «Говорят погибшие герои».

ляет ее и братскую могилу, где похоронены воины, погибшие на Солдатском поле. Девочку от взрыва защищает письмо отца с фронта. За воронкой — братская могила, на мраморной плите — пробитые каски погибших бойцов (впрочем, мраморная плита появится только в 1980 году, а пробитые каски после реставрации 2002 года стали вовсе не пробитыми). А далее простирается поле, которое будет живым, плодоносящим. Но таким оно станет позже, а пока студенческим стройотрядам предстояла колоссальная работа.

120 га невспаханной земли вдоль трассы Волгоград — Москва, которую отвели для мемориала, саперы предварительно тщательно проверили на наличие мин и неразорвавшихся снарядов.

Работали практически круглосуточно, «бетон нам отпускали только ночью, потому что днем все машины были задействованы на строительных площадках», говорит Денисов. Днем делали опалубку, выносили землю, а ночью заливали бетоном. На «Солдатском поле» работали студенты Политехнического института, Института городского хозяйства и Гидромелиоративного техникума. Но они работали в основном днем после учебы. «В ночь приезжали работники обкома комсомола, горкома комсомола и трудились вместе с нами». Птицефабрика им. 62 армии, на территории которой строили мемориал, обеспечивала освещение и бесплатное питание строителей. «По ночам 6 военных КАМАЗов фарами освещали нужное место».

18 сентября 1975 года состоялось торжественное открытие мемориала. Его участниками были делегаты VII Всесоюзного слета, среди почетных гостей были Герой Советского Союза, председатель Центрального штаба похода по местам народной славы, маршал И. Х. Баграмян; маршал В. И. Чуйков; дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник А. И. Родимцев; Герой Советского Союза, снайпер В. И. Зайцев; Герой Советского Союза Я. Ф. Павлов.

Над полем звучали записанные в годы войны голоса солдат, обращенные к своим близким. «Естественно, гимн играл, траурная мелодия». На лафетах привезли два саркофага с останками погибших воинов и торжественно захоронили.

Прозвучал воинский салют. Минута молчания. А следом скрежет металла — участники слета бросали в символическую воронку куски искореженного металла.

К следующему юбилею Победы, в 1980 году, «Солдатское поле» решили реставрировать. Работа была поручена комсомольцам, а также рабочим треста «Машстрой».

Комсомольцы Волгоградской области переводили деньги, заработанные на субботниках на специальный счет. Даже областной исполком поддержал комсомольцев, объявив областной субботник. «Теперь были средства», и мемориал стал «гораздо краше».

Скульптура девочки, ранее выполненная из гипса и покрашенная, была отлита из бронзы, «чтобы ее не спилили, мы ее до пояса заполнили бетоном, и была арматура такая мощная».

За пять лет с момента открытия мемориала остатки снарядов, брошенные в воронку, растащили на сувениры. Собрали еще снаряды и искореженное железо, решили сварить металлические куски между собой. Приехал сварщик, уже достаточно опытный, он посмотрел и сказал: «Ээээ, ребята. Если саперы не проверят каждую болванку, которую мне надо приварить, я варить не буду». Привезли специалиста, «он как увидел груды металла, потребовал срочно народ убрать». Но всё обошлось.

Из бронзы отлили каски и лемеха. Всё делалось в полторы натур, т. е. брали предмет и увеличивали его размер в полтора раза. Пьедесталы под лемеха сделали в виде стилизованных отвалов земли.

Вход на мемориал украсил указатель, выполненный из бетона, он похож на деревянные указатели военных лет. На нем надпись: «Тебе, солдат, подвигом имя свое обессмертившему, хлебу и миру вернувшему ратное поле, воздвигли этот памятник комсомольцы». Текст написал волгоградский поэт Владимир Овчинцев, который в 1980 году был заведующим отделом обкома комсомола.

5 мая 1980 года состоялось торжественное открытие обновленного мемориала. Оно было приурочено к старту Всесоюзной вахты памяти. Комсомольцы наводили порядок, собрали мусор и подождгли в овраге, а там оказался снаряд. И вот «утром 5 мая 1980 года прогремели два последних взрыва на этом поле».

На торжества в Волгоград впервые приехала Людмила Дмитриевна Петракова, отцовское письмо которой послужило идеей создания мемориала.

Авторский коллектив мемориала: архитектор Л. М. Левин, скульптор А. Е. Криволапов, первый секретарь обкома комсомола В. Катунин, командир областного студенческого отряда А. Денисов — в 1981 году были удостоены звания лауреатов премии Волгоградского комсомола. Награждение состоялось на «Солдатском поле» во время проведения в Волгограде Всероссийского слета участников экспедиции «Моя Родина — СССР».

В 1990-е годы наступила разруха и «все стали красть безбожным образом». Были украдены гранитные плиты, бронзовые каски, лемеха. 12 из 15 лемехов успели спасти: отремонтировали и увезли в районный отдел милиции. В 2002 году администрация ООО «ЛУКОЙЛ — Нижневожснефть» по инициативе сотрудника А. Лемакина (в 1975 году он был секретарем обкома комсомола и участвовал в строительстве мемориала) решила восстановить «Солдатское поле». «Мы поехали в милицию, а там не оказалось ни одного лемеха. Называется отвезли на сохранность», — с досадой говорит Денисов.

По просьбе бывших комсомольцев руководитель Волгоградоблэнерго Ангар Николаевич Полицимако в 2013 году установил на мемориале освещение и видеокамеру, которая ведет круглосуточную видеосъемку и автоматически отправляет «записи» в отделение полиции Городищенского района Волгоградской области.

«Девочку несколько раз пытались унести. Когда это произошло в последний раз, мы заполнили ее полностью бетоном, но, тем не менее, всё же подлец сорвал металл и унес». В 2014 году скульптура была отлита заново по макетам, которые к счастью сохранила вдова Криволапова.

А вот кто и зачем установил второе надгробие позади скульптуры девочки, Денисов не знал. Надпись: «1942–1943 Вечная слава российским безымянным солдатам — защитникам Сталинграда» говорит о том, что здесь должны быть захоронены воины.

Александр Семенович с явной любовью рассказывает о жизни мемориала, о том, что сюда приезжают студенты, когда начинают трудовой семестр и 1 августа, в день стройотрядов. Ежегодно 29 октября и накануне Дня Победы здесь собираются бывшие комсомольцы–стройотрядовцы — члены неофициальной и незарегистрированной общественной организации «Солдатское поле». По традиции возлагают цветы к скульптуре девочки, возлагают цветы на братскую могилу. Потом поодаль, у лемехов, устанавливают раскладной столик, «у нас есть фляжка, у нас есть алюминиевая кружка, никаких ни фужеров, ни бокалов». В алюминиевую кружку наливают водку, нарезают сало, лук и черный хлеб. Можно и не выпивать, но каждый обязательно должен сказать, ради чего он сюда приехал.

Беседовать с Александром Семеновичем Денисовым большое удовольствие. Даже мне понятно, что трем деревенским парням — Денисову, Чернышову и Шумилину — стройотряды и комсомоль-

ско-партийная работа стали надежной карьерной лестницей. Причем они на этой лестнице устояли и в период перестройки, и в 1990-е годы, работая руководителями отделов администрации Волгограда.

Для них мемориал «Солдатское поле» — не только память о подвигах защитников Сталинграда, это память об их юности.

НЕИЗВЕСТНОЕ О ЗНАМЕНИТОМ «СОЛДАТСКОМ ПОЛЕ»

Даже после обстоятельных рассказов Александра Семеновича Денисова, у меня всё равно остались вопросы, связанные с «Солдатским полем»:

— Почему такое поле вообще могло оставаться более 30 лет не разминированным? Хотелось увидеть карту с буквой «М», обозначающей минное поле.

— Действительно ли нужна была одна статья Г. Пряхина в газете «Комсомольская правда», чтобы спустя три десятилетия поле было разминировано и создан мемориал?

— Как на мемориале появилось вторая могила, о которой А. С. Денисов ничего не знал?

— Повлияло ли создание мемориала «Солдатское поле» на жизнь Милы Петраковой?

— Что сейчас представляет собой то настоящее «Солдатское поле», которое разминировали и вспахали в 1975 году?

Найти ответы оказалось гораздо сложнее, чем я предполагала сначала. Пришлось поработать с публикациями в центральной и местной печати, начиная с 1974 года, документами фондов трех архивов (Государственного архива Волгоградской области, Центра документации новейшей истории Волгоградской области, архивного отдела администрации Городищенского муниципального района Волгоградской области), двух музеев (музея-панорамы «Сталинградская битва», Городищенского историко-краеведческого музея) и еще в двух получить консультации по телефону, побывать в «коридорах власти» (обращалась в Волгоградский областной комитет культуры, администрацию р.п. Городище и поселковые советы). Были моменты, когда казалось, что ничего выяснить уже не удастся, опускались руки. Но стоило чуть потерпеть и открывалось что-то новое и интересное (правда, далеко не всегда приятное или имеющее непосредственное отношение к этой работе). Просто какое-то «Следствие вели...». Я даже начала привыкать, что услы-

шав о Солдатском поле, все поначалу скучнели. Но, узнав, какие именно вопросы меня интересуют, проявляли живой интерес и искренне стремились помочь.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Самым простым казался вопрос о втором захоронении. Посоветовавшись со своим научным руководителем, я решила обратиться в Волгоградский областной комитет культуры. Мемориальный комплекс «Солдатское поле» — объект культурного наследия, а значит, должен быть паспорт мемориала с необходимой мне информацией.

Я была удивлена, узнав, что это государственное учреждение находится не просто в центре города, а в Центральном универмаге. В том самом, который до войны считался одним из самых красивых зданий в СССР. В подвале этого здания 31 января 1943 года был пленен командующий немецко-фашистскими войсками под Сталинградом генерал-фельдмаршал Паулюс. ЦУМ — памятник истории федерального значения и памятник архитектуры регионального значения. Лучше места для областного комитета культуры не найти.

Я не могу припомнить, бывала ли в универмаге раньше. Когда подошла к входу, пыльные двери не смутили, вдруг просто уборщица плохая. Потом поняла, что двери закованы цепью изнутри. Оказалось, что весь ЦУМ закрыт уже несколько лет. Вернее, в этом здании нет магазинов. В подвале находится музей «Память», в котором рассказывается о пленении Паулюса. На четвертом этаже — комитет культуры. Вход туда не с парадных дверей, а со двора. Нас встретила милая женщина-охранник и указала, куда идти. Мы поднимались по широкой, всё еще красивой лестнице. Сквозь стеклянные двери на каждом с первого по третий этаж мы видели огромные помещения, просто заваленные строительным мусором. Одно из самых главных зданий города просто стоит и рушится. Важен только фасад, который все видели на фотографиях.

Четвертый этаж существенно отличался от других. Множество красивых дверей с табличками, дорогой ремонт, ковровые дорожки и прохладный воздух (день выдался очень жарким) свидетельствовали: это не просто коридор, а коридор власти. Работают там замечательные люди, которые с радостью помогли написать заявление с просьбой предоставить паспорт мемориального комплекса

«Солдатское поле» и историческую справку о нем. Через несколько дней нам были предоставлены все бумаги, которыми располагал Отдел государственной охраны объектов культурного наследия Комитета культуры Волгоградской области. Читая паспорт мемориального комплекса, составленный в 1980 году, ничего нового мы не обнаружили. Там были лишь пять общеизвестных фотографий мемориала «Солдатское поле» уже после реконструкции 1980 года, карточка, на которой были указаны какие-то инженерные данные, и небольшая историческая справка с уже известными сведениями.

Позже в статье О. И. Сгибневой (участница строительства, ныне доктор философских наук, профессор ВолГУ) я прочитала, что органы культуры долгое время не могли поставить «Солдатское поле» на учет как памятник истории и культуры, потому что мемориал строился без согласований с Художественным фондом и другими инстанциями. Не знаю, как относиться к тому, что официальные разрешения различных ведомств может заменить согласие на строительство первого секретаря обкома КПСС Л. С. Куличенко. Но проблемы, возникшие с постановкой памятника на учет, никак не объясняют и не оправдывают то, что за 37 лет не было внесено никаких уточнений.

Охраной памятников, определением границ охраняемых территорий в Волгограде занимается и ООО «НПО «Наследие»», и мы отправились туда. Обычный офис в центре города. Встретили нас весьма радушно, с готовностью помочь. Действительно, в 2013 году сотрудники ООО «НПО «Наследие»» проводили описание границ зон охраны объекта культурного наследия регионального значения «Братская могила воинов 62-й армии, погибших в период Сталинградской битвы». Но сразу предупредили, что историческая справка ими не составлялась, они выполняли в первую очередь инженерные исследования.

Кроме уже известного нам паспорта, который мы видели в комитете культуры, планов, карт и чертежей, составленных специалистами учреждения, были интересные, новые для нас фотографии. Меня восхитило научное описание местонахождения мемориала: «Памятник находится на западной окраине промышленной зоны р. п. Городище, на земельном участке между старым и современным шоссе Волгоград — Москва. Земельный участок в месте нахождения объекта культурного наследия расположен на склоне доминирующей высоты. С севера он ограничен пахотным полем, с востока старым шоссе Волгоград — Москва и промышленной зо-

ной р. п. Городище, с юга балкой Бирючьей, с запада склоном отрога балки Бирючьей и современным шоссе Волгоград — Москва».

В разделе, где перечислены все элементы мемориального комплекса, указано: «В 90-х годах XX века по результатам работ поисковых отрядов на территории Городищенского района была организована братская могила безымянных советских воинов, погибших в период Сталинградской битвы, которая примыкает с юго-востока к мемориальному комплексу “Солдатское поле”. На могиле имеется прямоугольное в плане, вытянутое надгробие — клумба с мемориальной мраморной доской». Значит, это вторая братская могила на территории «Солдатского поля» и нужно продолжать поиск.

Составили и направили письма — запросы в администрацию Городищенского муниципального района Волгоградской области, чтобы получить разрешение работать в фондах местного архива и музея.

В архивном отделе администрации Городищенского муниципального района ничего нового узнать не удалось. Возможно, документы есть, но мы ориентировались на списки в описях. Поэтому увидели лишь «Охранное обязательство памятника — мемориала “Солдатское поле” р. п. Городище», свидетельствующее, что в 1982 году Птицефабрика имени 62-й армии берет на себя ответственность за сохранность «Солдатского поля». Сразу же вспомнились заброшенные корпуса птицефабрики, они совсем рядом с мемориалом, и скоро станут «частью» мемориала. Птицефабрика не работает уже много лет и находится в запустении. Есть и паспорт «Солдатского поля», но еще менее информативный, чем в комитете культуры. В типографском бланке паспорта вписано только название «Паспорт памятника-ансамбля “Солдатское поле”». И нико-го не смутило, что мемориал превратился в ансамбль...

Справедливости ради отмечу, что власти Городищенского района за мемориалом присматривают. Там чисто, кусты подстрижены. Когда мы приезжали на «Солдатское поле», видели, что вокруг косят траву.

В музей я ехала, предвкушая большие и малые открытия, казалось, здесь узнаю всё. Сначала сотрудники музея отнеслись к нам с недоверием: «Почитайте, в интернете всё есть», потом прислали по электронной почте уже известные фотографии. Но теперь готовы были проконсультировать по всем вопросам. Музей на первом этаже жилой пятиэтажки, предупредили нас, но что это помещение явно было магазином, меня очень удивило. Оказывается, строили

жилой дом с магазином, но глава района решил, что необходим музей. И в 1989 году открыли историко-краеведческий музей с очень специфической «не музейной» планировкой. Думаю, что замена магазина на музей понравилась далеко не всем горожанам.

В музее заместитель директора Ольга Николаевна Вольман поручила работу с нами Людмиле Владимировне Астаховой, заведующей отделом экскурсионно-массовой работы, сразу обозначив, что мы всё узнаем на экскурсии. И музей интересный, и экскурсовод замечательный, но лишь спустя два с половиной часа мы попали в зал, посвященный Великой Отечественной войне. Небольшая часть экспозиции — две витрины посвящены «Солдатскому полю». Я была расстроена. Экскурсовод на мои вопросы ответить точно не могла. Отсутствие результата — тоже результат, эта встреча была важна, так как изменила отношение к нам сотрудников музея. Им тоже захотелось найти ответы на наши вопросы.

Спустя некоторое время из музея по электронной почте пришла сканкопия «Акта о проведении поисковых работ и перезахоронении останков погибших солдат № 2» от 25 апреля 1995 года. Из этого акта следует, что на «Солдатском поле» были похоронены останки 67 человек. Им были оказаны и воинские почести (рота почетного караула), и духовные (священник Городищенской церкви о. Василий провел молебен). В апреле 1995 года поисковикам разрешили произвести захоронение на «Солдатском поле» и могил стало две. Апрель — это только начало Вахты Памяти (поисковики работали 2–2,5 недели), а уже 67 воинов подняты из безвестных могил и перенесены в братскую. Несколько жутко от разницы в цифрах на 67 погибших — 16 гробов, хотя причина понятна: не тела, а останки хоронят поисковики. За спиной у скульптуры девочки под недорогим надгробием покоятся 67 человек и в братской могиле под гранитными плитами с солдатскими касками — 5 человек. Всего 72 человека и все — неизвестные солдаты. А скольких еще не нашли?!

Итак, как и когда на «Солдатском поле» появилась вторая могила, я, наконец, узнала.

«М» ЗНАЧИТ МЕРТВОЕ

Карту с буквой «М», обозначающей Солдатское поле, я искала самозабвенно. Ведь это не 120 га вдоль трассы, которые примыкают к мемориалу, а более 400 га, которые несли смертельную

опасность более трех десятилетий. В существовании карты я была абсолютно уверена, ее упоминают многократно и не в интернет-публикациях, а в советских газетах. И просто была обескуражена, когда и в Городищенском историко-краеведческом музее сказали, что у них такой карты нет, и никто даже ее не видел. Но я всё же надеялась, заказывая все новые дела в ГАВО и ЦДНИВО, смотрела — есть ли документы с картами.

Работать в архивах мне нравится. Сотрудники любого волгоградского архива — настоящие профессионалы, способные понять, что нужно исследователю, даже если он и сам не понимает. Внимательны и терпеливы, помнят наши имена и темы. Главная сложность — это недостаток мест для исследователей в читальном зале архива, поэтому каждый раз нужно записываться в очередь. За рабочую неделю, с понедельника по четверг, в архиве можно поработать максимум дважды. Мы работали «в четыре руки» с моим руководителем, иначе было бы невозможно изучить все необходимые документы. В читальном зале одному исследователю выдают не более пяти дел, а нам понадобилась почти сотня документов. Хотя для работы оказалась полезна едва ли треть из них.

Я очень благодарна сотрудникам ГАВО, которые сами нашли для меня статьи в газете о Солдатском поле. Пригласили для консультации работника отдела, в котором хранят документы под грифом «Секретно», вдруг карта к ним относится. Но скоро стало понятно, что вряд ли в отделе будет нужный мне документ. И тут сотрудники архива вспомнили, что в переданных в ГАВО на хранение документах районных военкоматов 1960-х–1970-х годов есть карты районов Волгоградской области. Ну где, если не на карте военкомата, должны быть подобные отметки?

Было обидно, что на этой карте, выдачу которой пришлось ждать неделю, буквы «М» не оказалось. Есть множество, видимо, стратегически важных отметок, даже радиоточки показаны, а 400 га заминированного поля никак не отмечены.

А была ли карта? Или корреспондент Георгий Пряхин использовал некую метафору, которая потом просто срослась с Солдатским полем? Впрочем, это могла быть агрономическая карта с указанием распределения пахотных земель, где обозначение такого поля необходимо. Должны ли сохранять подобные карты и где их можно найти, мне выяснить не удалось.

Гораздо важнее, на самом деле, было найти объяснение самому существованию подобного поля. В волгоградских газетах 1970-х го-

дов о «Солдатском поле» нередко писали как о последнем из разминированных полей под Волгоградом. И даже намек нет, что минных полей в мирное время просто быть не должно. Я не сразу поняла, что имеется в виду не заминированное поле с указателем «Осторожно, мины», а огромная территория, на которой множество взрывоопасных предметов.

Сразу же после окончания Сталинградской битвы в феврале 1943 года началась очистка города от мин и неразорвавшихся снарядов. Только инженерные войска 62 армии в период со 2 февраля по 7 марта 1943 года на территории Сталинграда и в окрестностях обезвредили 159 110 взрывоопасных предметов.

Мне всегда казалось, что в Советском Союзе всё подлежит строгому учету, поэтому выяснить, на каком основании значительный участок пахотных земель три десятилетия остается невостребованным, да еще и представляет собой серьезную опасность, будет легко. В статье Г. Пряхина неиспользование поля объяснялось взрывами при малейшей попытке его распахать. Я думала, что быстро просмотрю документы Городищенского районного исполнительного комитета 1943–1952 годов Сталинградской области за 1943–1944 годы (таковы хронологические рамки архивных дел в ГАВО), и всё станет понятно.

Оказалось, быстро просматривать подобные документы совершенно невозможно. От них просто нельзя оторваться, не прочитав каждую букву. Документы поразительны, решения и постановления исполнительного комитета Городищенского райсовета напечатаны на низкокачественной, разномастной бумаге, на печатной машинке, у которой, видимо, сломана клавиша с буквой «к», и эту букву во всех документах приписывали от руки, протоколы сельсовета и общих собраний написаны от руки, разными чернилами на обрывках или с оборотной стороны карты местности на немецком языке, разрезанной на формат листов А4 (это была лучшая по качеству бумага). Распоряжения писали на оборотной стороне папиросной бумаги (теперь я знаю, как она выглядит) с заявлениями жителей о фашистских злодеяниях и соответствующих актах. Порой хотелось рыдать в голос, так это было ужасно.

Конечно, о муках, которые пережили мирные жители Сталинграда в период битвы написано далеко не всё. Но есть исследования и публикации, дающие представление об этом кошмаре. А вот публикаций об ужасах существования пригородов и деревень после боев мне не встретились. На территории Городищенского

Солдатское поле, 1975

Памятный знак «Эхо войны»

**АКТ О ПРОВЕДЕНИИ ПОИСКОВЫХ РАБОТ И ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ
ОСТАНКОВ ПОГИБШИХ СОЛДАТ № 2**

Дата составления 21 августа 1995 г.
Место составления Волгоградская обл.
п.г.т. Городище

Мы, нижеподписавшиеся, от администрации _____
Фадеева Тамара Евгеньевна
от военного комиссариата Военный комиссар
п-к Соколов Василий Петрович
руководитель поисковой экспедиции Шмаков Алексей Павлович
составили настоящий акт о нижеследующем:

1. Поисковой экспедицией в составе (объединений, отрядов, групп): Городищенское общество
и ПАМЯТЬ

при обследовании территории, вверенной местной администрации, обнаружены:

а) останки погибших солдат в верховом залегании _____ чел. ;
б) неучтенные воинские захоронения всего _____ шт. ;
в) в неучтенных воинских захоронениях останков погибших солдат всего шестдесят семь чел.

г) взрывоопасных предметов _____ шт., из них уничтожено _____ шт.
2. Эксгумация найденных останков 67 солдат произведена полностью и квалифицировано, в соответствии с методикой. Ответственный - руководитель поисковой экспедиции.
3. При эксгумации останков найдено смертных медальонов _____ шт., из них прочитано _____ шт., из подписанных именных вещей _____ шт.

4. Всего по прочтении медальонов и подписанных именных вещей установлены данные _____ погибших солдат, из них полностью _____ чел., частично _____ чел.

5. Полный список установленных именных данных приводится в приложении к настоящему акту (допускается произвольная форма). Список заверяется подписями и печатами сторон.

6. Основанием для составления настоящего акта являются Протоколы эксгумации за № _____

7. Протоколы эксгумации после окончания работ хранятся у руководителя экспедиции.

8. Останки погибших солдат торжественно перезахоронены на воинском кладбище МЕМОРИАЛ "Солдатское поле"
Волгоградская область п.г.т. Городище

Всего перезахоронено 50 чел. в 16 гробах
9. Почести: воинские пота почетно-похороняя Волгоградского
духовные священник городищенской церкви

10. Юридический адрес руководителя поисковой экспедиции: Волгоградская обл. городищенский р-н
ул. Ленина, 8 историко-краеведческий музей
тел. () 5-19-79

11. Акт составлен в 4 экз.

Администрация _____
м.п. _____
Военный комиссариат _____
м.п. _____
Руководитель поисковой _____
м.п. _____

Поисковая экспедиция:

Т. Фадеева
А. Шмаков
А. Шмаков

СПО России (095)206-06-12; ИИЦ СПО - фонд "Поиск" (8182)43-04-42

района Сталинградской области военные действия продолжались с августа 1942 по январь 1943 года. За это время был нанесен колоссальный урон. Из 30 довоенных колхозов 9 прекратили свое существование, потому что не осталось работников.

С марта 1943 года воины Сталинградской группы войск вели работы по разминированию территории Городищенского района. Данные актов о проведении работ по разминированию, в которых указывались географические координаты территорий и карт по разминированию (из фондов музея-панорамы «Сталинградская битва»), я нанесла на одну карту, используя как шаблон карту Генерального штаба 1938 года. На моей карте видно, что «треугольник» между хутором Кузьмичи и селами Орловка и Ерзовка оставался нетронутым. Именно здесь и находилось Солдатское поле.

Здесь же проходила линия четвертого внутреннего оборонительного обвода. Сталинградские обводы — это подвиг военных строителей и жителей города, которых массово мобилизовали на строительство оборонительных сооружений. Было построено четыре линии обводов общей протяженностью более 3000 км. «Более трех месяцев мы сооружали противотанковые эскарпы, углубляли рвы, расставляли ежи, прорывали ходы сообщений, строили доты, дзоты, заграждения с колючей проволокой... Еще недостроенное укрепление в конце сентября начали занимать бойцы Красной армии», — рассказывает о строительстве обвода на месте будущего Солдатского поля один из строителей, Б. И. Чередниченко. После боев к такому месту и подойти-то было невозможно. Кроме того, именно такие места становились кладбищем разбитой военной техники, когда весной 1943 года начали готовить более «чистые» поля к пахоте.

Невероятная задача стояла перед районным руководством — необходимо очистить пахотные земли, но обрабатывать земли было некому. Исполком Сталинградского областного Совета депутатов 20 февраля 1945 года направляет письмо в Совнарком СССР с просьбой передать пахотные земли в госземфонд и исключить из облагаемой площади на 1945 год пахотных земель, занятых военными сооружениями, 7085 га. На письме личная резолюция и подпись Г. М. Маленкова синим карандашом; ходатайство о передаче пустующих земель в государственный земельный фонд отклонено — нельзя уменьшать поставки зерна. Лишь учесть уменьшение поставок зерна с площади 6603 га, занятой военными сооружениями. Словно, если оставить пахотные земли необработанными — урожай будет.

У колхоза «Новая жизнь» (на его территории находилось «Солдатское поле») военными сооружениями, рубежами и руинами было занято 850 га пашни. Впоследствии площадь занятых таким образом земель сократится, а 400 га останутся нетронутыми до 1975 года. Попытки изменить ситуацию власти предпринимали неоднократно, но, судя по всему, безуспешно. В ответ на приказ министерства сельского хозяйства РСФСР от 10 сентября 1958 года, требующий восстановить запущенные пахотные земли, выходит решение исполнительного комитета Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся №19/513 от 2 октября 1958 года, в котором колхозам и совхозам было дано распоряжение определить сроки по освоению земель, занятых рвами и окопами, и разминированию оборонных сооружений. Но цифры выполненных объемов в Городищенском районе ничтожно малы — 7 га в течение 1959 года. Стало понятнее, почему поле до 1975 года оставалось мертвым. У совхоза имени 62 армии, вобравшего в себя земли прежних колхозов, просто не было возможности тратить ресурсы на освоение еще и этого поля.

У меня сложилось впечатление, что гектары Солдатского поля по какой-то причине остались неучтенными. В «Годовых земельных отчетах Городищенского районного управления сельским хозяйством» за 1944–1981 годы видно, как ежегодно происходит передача пахотных земель от одного хозяйства к другому (причины в документах не указаны), и где находятся передаваемые земли — неизвестно. И очень меня удивило, что с 1975 вплоть до 1981 года увеличения пахотных земель не зафиксировано, это притом, что было распахано Солдатское поле (400 га) и территория около мемориала «Солдатское поле» (120 га) и даже собран урожай.

Был вопрос, который я, к сожалению, не задала лишь Александру Семеновичу Денисову: «Что сейчас представляет собой то настоящее Солдатское поле, которое разминировали и вспахали в 1975 году?». Но этот вопрос никак не затруднил ни работников Городищенского историко-краеведческого музея, ни сотрудников архива администрации р. п. Городище. Все знали ответ. Там сейчас «*просто поле*» — пустырь.

Что значит «просто поле»? А это значит, что Солдатское поле не пахут и не сеют. Вновь некому этим заняться. И эта земля, как старый фронтовик, продолжающий воевать во сне, замерла от боли ран и хотела бы, да не может заниматься мирным трудом. Я была очень расстроена, узнав, что Солдатское поле заброшено. Его будто снова предали.

Первый раз предали — не очистив от «военного железа» в 1940-х и «забыв» о нем на 30 лет. То, что поле не было расчищено сразу, имеет хотя бы какое-то объяснение: не хватало рабочих рук, техники, поле стало складом разбитой военной техники. Сталинградский металлургический завод «Красный Октябрь» более пяти лет работал, переплавляя эту советскую и немецкую технику. Этот факт подтвердила и директор музея завода Наталия Евгеньевна Болдырева. Но сведений, откуда именно в то или иное время привозили отвоевавший металлолом на завод, в музее нет.

Почему Солдатское поле забросили, было необъяснимо.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ МИЛА

Фронтовые письма, такие дорогие и личные для адресата, нечасто получают широкую известность. Для меня было удивительно, что именно благодаря простому письму «девочке Миле» родилась идея создания мемориала «Солдатское поле». Из рассказов А. С. Денисова у меня сложилось впечатление, что первый секретарь волгоградского обкома комсомола В. А. Катунин непременно хотел использовать письмо майора Д. А. Петракова в «придумывании идеи». Хотя к Солдатскому полю ни письмо, ни сам Д. А. Петраков отношения не имели. До Великой Отечественной войны Д. А. Петраков жил в Ульяновске и туда же отправлял письма для дочери; 308 стрелковая дивизия, в которой он воевал, сражалась далеко от Солдатского поля.

Я так и не смогла понять, чем именно комсомольского функционера В. А. Катунина и архитектора Л. М. Левина зацепили, на первый взгляд, простые слова отца к дочери. Ведь в книге «Говорят погибшие герои», которую архитектору показывал В. А. Катунин, было много трогательных писем. Почему именно это?

Мне захотелось понять, повлияло ли строительство мемориала «Солдатское поле» на жизнь Людмилы Дмитриевны Петраковой, дочери политрука, письмо к которой высечено на мраморном «солдатском треугольнике». Непонятно, каким образом письмо получило такую известность и попало в 1957 году на страницы журнала «Работница». Может быть, оно было опубликовано где-то раньше, но никаких указаний на это мы не нашли.

Искать информацию о судьбе Людмилы Петраковой мы начали летом 2016 года. Для начала обратились к ресурсам сети интернета. В опубликованных статьях встречались порой самые не-

вероятные формулировки «авторской идеи» мемориала: что это памятник письму девочке Миле. Но далее следует практически один и тот же текст воспоминаний Людмилы Дмитриевны. Невозможно понять: журналисты всегда задавали одинаковые вопросы (что маловероятно), или авторы статей опираются на одно и то же интервью, данное однажды. Мне очень хотелось поговорить с Людмилой Дмитриевной лично или хотя бы по телефону, но как с ней связаться, было непонятно, и пришлось работать с уже опубликованными интервью.

Я выбрала для начала самую информативную, по моему мнению, публикацию корреспондента интернет-портала г. Волгограда «VI» Ольги Дощечниковой «Солдатское поле девочки Милы» от 12 мая 2013 года. Статья интересна тем, что Дощечникова цитирует не только Петракову, но и Марию, «внучку» Людмилы Дмитриевны. Позже стало понятно, что это не внучка, а супруга внука Петраковой. Мария — корреспондент газеты «Мозаика» города Ульяновска. Мне показалось, что Дощечникова знает, как связаться с Людмилой Дмитриевной. Однако мы не нашли на портале «VI» контактных данных Дощечниковой и ее статей, опубликованных позже 2013 года. А совсем недавно на «VI» появилась заметка Елены Ивановой о том, что 29 ноября 2016 года на 81-м году жизни после продолжительной болезни в Ульяновске умерла Людмила Дмитриевна Фадеева (Петракова). Печальное известие сообщил ее внук Андрей Саксонов.

Я продолжала искать хоть какие-то новые сведения о семье Людмилы Дмитриевны. Я понимала, что информация будет содержаться, скорее всего, на волгоградских или ульяновских сайтах. И каково было удивление, когда я нашла информацию о Дмитриии Петракове на сайте Котласского краеведческого музея.

Выяснилось, что с 1986 года МУК «Котласский краеведческий музей» собирает копии документов, фотографий, вырезки статей из газет и журналов, посвященные земляку — Дмитрию Андриановичу Петракову, уроженцу деревни Сазониха Метлинского сельсовета Северного края (ныне Котласский район Архангельской области). В 1987 году по просьбе сотрудников музея много документов и фотографий прислала жена Дмитрия Андриановича Мария Михайловна Петракова.

Родился Дмитрий Андрианович Петраков в 1908 году в многодетной семье, в 1932 году окончил Самарский педагогический институт. Работал учителем истории в строительном техникуме г. Ульяновска.

Последняя запись в трудовой книжке: «С 4 июля 1941 года находится в рядах действующей Красной Армии, сражается против фашистов». Людмила Дмитриевна в интервью рассказывала, что, несмотря на пятилетний возраст (родилась в 1936 году), помнила первый день войны. Папу, пришедшего с рыбалки (в некоторых публикациях — с охоты), маму, выронившую из рук стакан, когда объявили о начале войны.

В 1942 году Петракову было присвоено звание старшего политрука.

17 сентября 1942 года 308-я стрелковая дивизия сражалась недалеко от станции Котлубань на подступах к Сталинграду. В этот день Д. А. Петраков был назначен командиром батальона, который должен был любой ценой удержать высоту. 18 сентября началась танковая атака врага. Петраков приказал вызвать артиллерийский огонь на свои позиции. Воспользовавшись замешательством противника, батальон пошел в контратаку и высоту удержал. В этом бою Дмитрий Андрианович был тяжело контужен.

Именно этот день (18 сентября 1942 года) указан майором Д. А. Петраковым в знаменитом письме Миле про василек. Таково общепринятое описание событий. Как подобное стало возможно, я не понимаю: с одной стороны, не до писем, когда вокруг сражение, с другой — Дмитрий Андрианович так и пишет: «кругом идет бой».

Петраков часто писал для дочери отдельные письма печатными крупными буквами, чтобы девочка могла прочесть сама. Одно из них мне удалось найти на просторах интернета.

В октябре после госпиталя Петраков возвращается в 380-ю стрелковую дивизию, которая теперь сражается в цехах сталинградского завода «Баррикады», и назначен комиссаром полка. С группой бойцов в течение недели удерживали заводскую котельную. За мужество и героизм в Сталинградских боях Д. А. Петраков награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда».

Других подробностей фронтового пути Петракова выяснить не удалось. Известно лишь, что 11 сентября 1943 года майор Д. А. Петраков погиб в бою и был похоронен в городе Бытоше Брянской области.

Людмила Дмитриевна вспоминала в интервью, как непросто им с мамой жилось в годы войны, как радовались письмам с фронта и не верили пришедшей в 1943 году похоронке. Мила продолжала ходить на вокзал и встречать поезда.

Уже после войны семью Петраковых нашел Михаил Лазаревич Ингор, который политруком воевал в 308-й дивизии вместе с Дмитрием Андриановичем. Михаил Лазаревич попросил показать письмо, по словам Людмилы Дмитриевны, он видел, как Петраков подобрал василек и знал о письме. Много лет Петраковы и Ингор будут дружить, переписываться и даже ездить друг к другу в гости. В 1957 году в журнале «Работница» была опубликована статья М. Л. Ингора «Честь отцов» и процитировано знаменитое письмо. Я решила побольше узнать о фронтовом товарище Петракова.

Оказалось, что гвардии майор Михаил Лазаревич Ингор во время Великой Отечественной войны был инструктором политотдела 308-й стрелковой краснознаменной дивизии. За участие в боях был награжден орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, двумя орденами Красной Звезды, 15 медалями.

После войны став журналистом, направил все свои силы на увековечивание памяти тех, кто служил в 308-й стрелковой Краснознаменной дивизии полковника Л. Н. Гуртьева. В 1950 году вышла его книга «Сибиряки-сталинградцы», через четыре года появилось второе дополненное издание.

Я и не задумывалась, что у фронтовых листовок может быть автор. В музее-панораме «Сталинградская битва» можно увидеть рукописную листовку, рассказывающую о подвиге связиста Матвея Путилова, который погиб, зажав зубами концы проводов, но связь обеспечил. Подвиг Путилова запечатлен и на полотне панорамы. Это я знаю с детства, а теперь выяснила, что именно Михаил Лазаревич Ингор написал цветными карандашами ту листовку и приложил огромные усилия, чтобы воссоздать биографию Матвея Путилова и увековечить память героя. К сожалению, в библиотеках Волгограда этой и других книг Ингора нет, а возможно, Михаил Лазаревич писал и о майоре Петракове не только в журнальной статье.

И, по-моему, совершенно заслуженно Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июня 1974 года М. Л. Ингору присвоено звание Заслуженного работника культуры РСФСР. Жаль, что теперь невозможно узнать, а известно ли было Михаилу Лазаревичу о мемориале «Солдатское поле» и о том, что он по праву должен считаться одним из его соавторов. Ведь если бы не его кропотливая работа, то о письме Миле Петраковой кроме родных никому известно бы не было.

Где же само письмо теперь? Людмила Дмитриевна рассказывала, что запомнила знаменитый василек и письмо отца. Но само

письмо и другие документы Дмитрия Андриановича Петракова они с мамой по первой же просьбе передали в музей, который организовывали где-то в Минске.

В Волгоград впервые Людмила Дмитриевна приехала в 1980 году — на открытие мемориала «Солдатское поле» после реконструкции. В интервью она говорила, как тронута, что отцовское письмо увековечено на мемориале. Потом приезжала неоднократно, но в 2014 году на открытие восстановленного памятника приехать уже не смогла, слишком тяжела дальняя дорога.

ПОЛЕ СОЛДАТА ИВАНА СУВОРОВА

Музей-панорама «Сталинградская битва». Никакими словами не передать, насколько сильно я восхищаюсь этим местом! Там своя атмосфера, особенная. Там время как будто замирает. У меня дух захватывает каждый раз, когда бываю здесь. А теперь мне выпало счастье попасть в фонды музея. Это не просто коридор, кабинеты, хранилища. Это сердце музея. Всё, что я вижу наверху, что тысячи туристов видят на улице и в самих выставочных залах (а музей, действительно, прекрасный!), начинается здесь. Каждая выставка, каждая витрина начинается здесь. И я сейчас нахожусь в этом месте!

Для меня в фондах музея-панорамы материалов было немного: карты разминированных территорий и отчеты по разминированию. Но мне было очень интересно держать в руках не распечатанные на принтере карты Генерального штаба СССР, а самые настоящие, размером как четыре листа формата А1 с карандашными пометками и записями 1943 года. И в который раз произошло чудо — одна из сотрудниц, зная о моей теме, сказала, что есть «папка с материалами о Солдатском поле» и подсказала, как эту папку заказать в читальный зал.

Название папки мне очень нравилось: «Материалы о возрождении Мертвого (Солдатского) поля собрал Суворов Ив. Вас.». Но нужно было дождаться следующей рабочей недели, когда мне дадут эту папку.

Просмотрев газетные публикации 1970-х годов и свои записи, сделанные в Городищенском историко-краеведческом музее, припомнила: в музее упомянули, что Иван Васильевич Суворов был инициатором возрождения «Солдатского поля», потому что сам вошел здесь в августе–сентябре 1942 года, а на уточняющие вопросы не ответили. Интернет-ресурсы немного помогли разобраться.

Шестнадцатилетний И. В. Суворов в сентябре 1941 года вступил в народное ополчение города Иваново. А через год командир отделения роты автоматчиков 115 стрелкового полка 49 Иваново-Рославльской дивизии 62 армии сражался под Сталинградом. 5 сентября дивизия из района балки Сухая Мечетка начинает наступление с целью захвата высоты 139.7 и выхода на село Орловка для соединения с частями 62 армии. Эта высота является господствующей на Солдатском поле. За первые 6 дней боевой дивизия продвинулась на 2–3 км, потеряв при этом половину личного состава. Но продолжала вести бои на этом участке до начала ноября 1942 года. Иван Васильевич Суворов был ранен, возможно, это и спасло ему жизнь.

Сражался на Курской дуге, участвовал в освобождении Прибалтики, Украины, Белоруссии. Закончил войну в Германии. Среди двух десятков боевых наград — орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, медали «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

В 1952 году Иван Васильевич приезжает на строительство Сталинградской ГЭС. И остается работать на Волжском² Трубном заводе начальником отдела кадров. Создал на заводе Музей боевой славы. Стал инициатором движения «Отцы прославили Родину в боях, а мы прославим ее трудом» — в состав бригад зачислялся погибший герой, а коллектив выполнял план и за этого человека. Один из создателей и первый руководитель литературного клуба «Патриот», член городского совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, основатель памятного знака «Сталинградское кольцо», лауреат почетного знака «Герб города Волжского». Собрал библиотеку книг о Великой Отечественной войне, передал ее Волжскому гуманитарному институту. Собирал материалы о защитниках Сталинграда.

И вскользь упоминается, что Иван Васильевич — инициатор создания мемориала «Солдатское поле» и удостоен звания Почетного гражданина Городищенского района Волгоградской области.

Иван Васильевич Суворов, как и Михаил Лазаревич Ингор, знал, что такое подлинная память о войне, и знал, как эту память нужно хранить. С нетерпением я ждала возможности увидеть материалы, переданные И. В. Суворовым в фонды музея-панорамы «Сталинградская битва».

² Волжский — город в Волгоградской области.

В фонды музея-панорамы «Сталинградская битва» Иван Васильевич Суворов, согласно описи, передал личные вещи солдат, погибших на Солдатском поле, осколки снарядов, каски, упаковку с «хлебом» Солдатского поля, негативы фотографий и, самое интересное для нас — альбом с материалами о возрождении Солдатского поля. Акт передачи материалов № 16 (!) датирован 29 марта 1985 года. Музей был открыт 6 мая 1985 года. Суворов принес материалы в еще создаваемый музей, наверное, многие личные вещи солдат сразу стали частью экспозиции, потому что в акте стоит отметка «витрина».

«Материалы о возрождении Солдатского поля» — это фотоальбом с плотными картонными страницами, на которых Иван Васильевич поместил свои рукописные заметки, фотографии, вырезки из газет.

Первые же страницы меня поразили. 20 мая 1972 года Суворов вместе с членом совета заводского музея Владимиром Чернегой ездили по местам боев Сталинградской битвы и нашли поле смерти в 15 км от Орловки³ на одной из высот, где в сентябре 1942 года шли тяжелые бои. Изрытая воронками земля, всюду видны старые окопы и блиндажи, черные опалины промасленной выжженной земли, остатки изуродованной военной техники, снаряжения и обмундирования. Кроме чахлой полыни на этом мертвом поле ничего не росло... Это мертвое поле в народе называлось «Памятник» (там после боев жители при захоронении наших воинов установили деревянный памятник). Суворов с Чернегой увидели несколько десятков разрытых могил советских солдат, разбросанные останки, предметы солдатского обмундирования и боевого снаряжения. Сам памятник был изломан.

22 мая 1972 года Иван Васильевич пишет заявление директору Волжского трубного завода В. И. Лысенко с просьбой сделать в ремонтно-механическом цехе металлический памятник и ограду для братской могилы. «Мы хотим собрать ветеранов войны комсомольцев и организовать захоронение Героев и заодно поставить им пока железный памятник, а при возможности поставить настоящий памятник во Славу их подвига», — писал в заявлении Суворов. На заявлении размашистая резолюция: «Срочно сделать». Два фронтовика, оба воевавшие под Сталинградом, поняли друг друга без лишних слов.

³ Территория Солдатского поля.

А меня душили слезы. Я испытывала невероятный ужас. Такого просто не может быть! Это невозможно! Я знаю, во время войны и в послевоенные годы, когда всего катастрофически не хватало, приспособивали ДОТы как хозяйственные постройки, забирали всё, что могло хоть как-то сгодиться в хозяйстве. Я знаю о существовании «черных копателей», видела их сайты и форумы, на которых они свободно обсуждают цены на каски, награды и прочее, мне казалось они появились в 1990-е годы, когда возник спрос на подобные вещи, особенно у иностранцев. Но в 1972 году?! Зачем? Что искали в братской могиле?

В альбом вложен небольшой листок, на нем рукой Суворова записаны имена тех, кто надругался над могилами. Я не считаю себя вправе называть эти имена. Это были трое волгоградцев 14, 16 и 18 лет. Я, если не примирилась, то, как минимум, привыкла, что мои сверстники не всегда знают даты, события и даже противников СССР в Великой Отечественной войне. Но патриотическое воспитание в СССР мне казалось примером, достойным подражания. И пока не могу понять и дать оценку произошедшему в мае 1972 года.

На склоне высоты 124,7 И. В. Суворов со своими помощниками обнаружили останки советских воинов. Их подразделение преградило путь фашистам. По медальону, найденному Валерием Носовым, удалось установить имя одного из бойцов, чьи останки были найдены на поле. Это был воентехник 2 ранга Александр Александрович Белистов, заместитель командира роты 37 отдельного мотопотонного мостового батальона.

На местности видно, как немецкие траншеи полукольцом охватывали склоны высоты. Значит, бой был долгим, если немцам пришлось окапываться. Из прилегающей ложины гитлеровцы вели по нашим воинам огонь из тяжелых минометов. В бою участвовали танки и бронетранспортеры (были найдены танковые траки и резиновые скаты, а также снаряды танковых пушек). Советские воины располагали ротным минометом, гранатами и стрелковым оружием, в том числе противотанковыми ружьями. Немецкие каски, боеприпасы, следы сгоревшего бронетранспортера или танка в непосредственной близости от позиции советских воинов говорят о рукопашных схватках. Такие заслоны выставлялись в конце августа 1942 года на пути колонны немецкого танкового корпуса, части которого 23 августа вырвались к Волге севернее Сталинграда.

Погибший сапер А. А. Белистов, наверное, был направлен в это подразделение для минирования танкопроходимых мест. Род-

ственники воентехника А. А. Белистова получили после войны извещение, что он 24 августа 1942 года пропал без вести. В альбоме переписка И. В. Суворова с военкоматами Воронежской области и родственниками А. А. Белистова, копия письма пионерам Николаевской средней школы, в которой учился Белистов, фотография героя.

13 июля 1972 года останки А. А. Белистова и еще 13 неизвестных советских воинов с этого поля были перенесены и торжественно захоронены в братской могиле на хуторе Кузьмичи. На многочисленных фотографиях в альбоме — пять украшенных грузовиков с 14 гробами, рота почетного караула и торжественный митинг.

В газете «Молодой ленинец» была опубликована заметка о траурной церемонии, именно ее справедливо считать первой публикацией, а не статью Г. Пряхина 1974 года, как принято. Впрочем, название «Солдатское поле» тоже принадлежит отнюдь не Пряхину. В 1971 году был опубликован сборник рассказов В. Понизовского «Солдатское поле». Отмечу, что для Г. В. Пряхина строительство мемориала «Солдатское поле» стало началом карьеры (сейчас он директор издательства «Художественная литература»). В 2006 году он опубликовал книгу «Хазарские сны», в которой весьма пренебрежительно отзывается о волгоградских комсомольцах, приписывая себе все заслуги по строительству мемориала «Солдатское поле». Было даже неприятно читать.

Без всякой явной практической цели решила посмотреть, какие документы Белистова представлены на ОБД «Мемориал». Кроме списков о безвозвратных потерях, есть «Учетная карточка воинского захоронения» в хуторе Кузьмичи, составленная 08 сентября 1998 года. Оказалось, в одной могиле похоронено 5 981 (!) человек на участке 16х9 м. Такого я просто раньше и подумать не могла. Но это было не последнее открытие. Согласно информации в учетной карточке, все 5 981 человек известны, неизвестных — 0 человек. Получается, имена еще 13 бойцов, останки, которых были захоронены вместе с останками Белистова, к 1998 году стали известны. Последний столбец «Откуда перезахоронен» в списке «Персональных данных о захороненных» мог бы помочь увидеть эти 13 имен, но этот столбец остался незаполненным даже в данных А. А. Белистова. Найти имена среди прочих не представляется возможным. Впрочем, я не уверена, что их внесли в список. Нумерация списка начинается с номера 22 (Абдулов) и заканчивается номером 3 913 (Яценко), то есть в списке 3 892 имени. После фамилий на букву «Я» подпись военко-

ма, список закончен. Где еще имена 2 089 воинов? Ответа на этот вопрос я не знаю. И даже не знаю, где его искать.

Благодаря стараниям Ивана Васильевича Суворова и комсомольцев совхоза имени 62-й армии о Мертвом (Солдатском) поле стало известно, и трудовая вахта становится частью VII Всесоюзного слета участников похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Согласно записям в «Материалах о возрождении Солдатского поля», для разминирования были призваны 20 саперов запаса, которые прошли обучение в течение недели и приступили к работе. В балке Сухая Мечетка недалеко от лагеря был найден ящик из-под снарядов, в котором находились списки погибших. Скорее всего, списки были переданы в военкомат. Но больше нигде информации о списках мы не встречали.

На Солдатском поле было найдено и уничтожено 6 540 взрывоопасных предметов. И были найдены останки неизвестных советских воинов, которые впоследствии и будут торжественно захоронены при открытии мемориала «Солдатское поле». И. В. Суворов за время разминирования многократно приезжал к саперам на Солдатское поле.

Казалось, что дальнейшие события мне уже известны. Но в «Материалах о возрождении...» есть рукописный текст Ивана Васильевича Суворова «Тайны Солдатского поля»: «Нам удалось установить еще двух воинов, погибших на этом поле — сержанта Комина Николая Ивановича и рядового Хазова Николая Николаевича, оба воины 38 гвардейской дивизии. В сентябре 1975 года вновь найденные останки наших воинов были торжественно захоронены при открытии мемориала у поселка Городище». Нет никаких сомнений, что Суворов имеет в виду открытие мемориала «Солдатское поле» в сентябре 1975 года. Но всем известно, что в мемориале похоронены безымянные солдаты.

В альбоме сохранились письма в военкоматы и родным Комина и Хазова. Особенно меня потрясло письмо Софьи Ивановны Хазовой помощнику Суворова Валерию Чернеге. Практически неграмотная женщина бесхитростно рассказывает о своей жизни и благодарит за известие о гибели сына спустя 33 года.

Вновь неразрешимые вопросы. На портале ОБД «Мемориал» есть сведения о гибели А. А. Комина и Н. Н. Хазова, но места захоронений не указаны. Неужели просто не стали дожидаться ответов на запросы и предпочли торжественно захоронить неизвестных

солдат? И почему впоследствии имена героев не были названы? А может быть, это мы неверно поняли слова Суворова и воины похоронены в другом месте? Еще одна загадка Солдатского поля.

В альбоме И. В. Суворова меня привлекла фотография, подписанная Иваном Васильевичем: «Памятный знак “Эхо войны” советским воинам, погибшим на Солдатском поле», датированная 8 мая 1978 года. Где находился этот памятный знак? Ведь уже в 1984 году Суворов в письме в редакцию газеты «Молодой ленинец» пишет, что на Солдатском поле нет даже фанерного щита с указанием, что это за поле. Никто не смог ответить на этот вопрос, а спрашивали многих. Обращались в Городищенский историко-краеведческий музей, в администрацию Городищенского района, в Волгоградский областной краеведческий музей, в сельсоветы Ерзовки, Орловки и Кузьмичей, так как эти села ближе всех к Солдатскому полю, но все лишь удивлялись, узнав, что такой знак был.

В 2002 году Иван Васильевич Суворов умер. Созданный И. В. Суворовым музей на Волжском трубном заводе не работает. Но остается надежда на встречу с родными Ивана Васильевича и знакомство с его личным архивом. Внуки Суворова готовят сейчас документы к передаче в Городищенский историко-краеведческий музей. Может быть, тогда удастся ответить на оставшиеся вопросы.

* * *

Мемориал «Солдатское поле», созданный силами стройотрядовцев, стал настоящим символом памяти о Великой Отечественной войне, местом проведения экскурсий. В любом учреждении поселка Городище, куда мы обращались с вопросами о «Солдатском поле», нам рассказывали про мемориал. Организацию строительства мы знали поэтапно, благодаря Денисову; история о девочке Миле в общем виде многократно опубликована.

Я не могла понять, неужели одну меня в истории с «Солдатским полем» мучило столько вопросов? На многие я смогла ответить, обратившись к разным источникам, но некоторые вопросы так и остались не отвеченными.

Что сейчас с тем самым полем в 400 га? Ведь оно по-настоящему Солдатское, там до сих пор не были подняты из земли тела всех солдат-защитников города и, к моему большому удивлению, даже не идет речи о поисковой операции, установлении хотя бы памятного знака.

Иван Васильевич Суворов всеми силами старался сохранить память о погибших товарищах, лишь из-за удаленности места боев от современной трассы и города было решено строить мемориал вдали от реального места.

Я слушала рассказ Денисова о строительстве мемориала — с каким трепетом Александр Семенович относится к этому «детищу» стройотрядовцев! Для Денисова «Солдатское поле» не просто напоминание об ужасе войне, а дань памяти конкретным людям, до сих пор не захороненным, несправедливо забытым. Строители мемориала старались сохранить память так, как могли, вряд ли они предполагали, что когда-то «Солдатское поле» назовут памятником девочке Миле, — письмо Петракова к дочери было лишь символом.

Я с грустью поняла, что мемориал стал рядовым памятником, который абстрактно символизирует память о войне, а проезжающие по трассе, возможно, думают, что мемориал установлен на месте боев и является большой братской могилой.

Да, «Солдатское поле», трогательный текст письма и девочка с васильком вызывают эмоциональный отклик у человека любого возраста, но мне всегда казалось, памятник должен рассказывать о фактах, его нужно ставить на месте событий, особенно если речь идет о тысячах погибших.

Так в чем же назначение памятника? Вызывать эмоции или говорить о фактах?

Даже в Городищенском историко-краеведческом музее сотрудники очень удивились, когда мы показали фотографию импровизированного памятника, который был поставлен по инициативе Суворова вблизи «настоящего Солдатского поля». Что уж говорить о простых волгоградцах. Мемориал «Солдатское поле» для новых поколений перестал ассоциироваться с конкретными историческими событиями.

Авторы использовали символы, которые и спустя десятки лет способны вызвать эмоции даже у человека, ничего не знающего о боях, обороне Сталинграда... Только жаль, что теперь забыты солдаты, которые так и остались «вдали от современной трассы и города».

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится Международным обществом «Мемориал» совместно с Союзом краеведов России, Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева и Кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета с 1999 года.

В жюри конкурса входят известные российские ученые, писатели, общественные деятели.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений. Его задача — привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории.

Молодые люди находят темы и материалы для своих работ, записывая рассказы о прошлом, работая в региональных архивах и школьных музеях, изучая семейные фотографии и документы.

Работу школьников направляют педагоги — учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

За восемнадцать лет существования конкурса в архиве Международного «Мемориала» собрано более 38 тысяч исторических работ. Около трети из них прислано из региональных центров. Остальные — из малых городов и деревень.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в восемнадцати сборниках на русском языке. Это «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003), «Время местное, прошедшее» (2006), «Верх по реке времени: Российские школьники об истории XX века» (2012), «По крупицам: Российские школьники об истории XX века» (2013), «Век двадцатый — век необычайный: Российская история XX века глазами школьников» (2014), «Вырвать век из плена: Российская история XX века глазами школьников» (2015), «Были и жили: История России XX века глазами школьников» (2016),

а также восемь тематических сборников: «Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников» (2004), «Цена победы: Российские школьники о войне» (2005), «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» (2006), «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах» (2006), «Как наших дедов забирали: Российские школьники о терроре 30-х годов» (2007), «Круг семьи и колесо истории: Российские школьники о судьбах своих семей» (2008), «Пути следования: Российские школьники о миграциях,

эвакуациях и депортациях XX века» (2011), «Пишет вам ваш сын и брат: Человек, общество, армия в работах российских школьников» (2014).

На немецком языке был издан сборник лучших работ нашего конкурса «Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten» («Память России. Молодые открывают забытые страницы биографий», издательство Edition-Koerber-Stiftung, 2004). В том же издательстве в 2006 году вышел сборник «Unruhige Zeiten» («Смутные времена»), включающий работы российских и немецких школьников, победителей конкурсов «Человек в истории. Россия — XX век» и аналогичного немецкого конкурса. Сборник «Быть чеченцем» переведен на норвежский («Å være tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn», издательство «Humanist forlag», 2006), итальянский («La Cecenia dei bambini. I giovani raccontano la tragedia del Caucaso», издательство «Einaudi», 2007) и немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst», издательство «Aufbau», 2007) языки.

Конкурс проводится при поддержке Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда Кёрбера (ФРГ), Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонда Фридриха Науманна за свободу» (ФРГ) в Российской Федерации.

С 2001 года конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов Eustory.

Адрес оргкомитета конкурса:
127006, Москва, улица Каретный Ряд, 5/10
Тел. 495 699 65 04
E-mail: konkurs@memo.ru
www.urokiistorii.ru/konkurs

САЙТ «УРОКИ ИСТОРИИ»

В мае 2009 г. был открыт сайт «Уроки истории» (www.urokiistorii.ru). Это консультационный и методический портал для подготовки исторических исследований, дискуссионная площадка для обсуждения проблем отечественной истории. Сайт освещает актуальные события, касающиеся современного состояния культуры памяти и исторической политики, развития исследований истории XX века.

На сайте размещены сборники работ участников конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», информация о российских и международных конкурсах, выставках, аннотации учебников, книг и научных статей, рецензии на фильмы, теле- и радиопередачи, затрагивающие историческую тематику.

Жюри конкурса

Людмила Евгеньевна Улицкая

председатель Жюри конкурса
писатель, Москва

Александр Николаевич Архангельский

писатель, публицист, ординарный профессор НИУ ВШЭ, Москва

Александр Юльевич Даниэль

директор программы «История инакомыслия в СССР»
Международного Мемориала, Москва

Ирина Владимировна Карацуба

историк, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Александр Валерьевич Кобак

исполнительный директор Международного благотворительного фонда
имени Д. С. Лихачева, Санкт-Петербург

Владимир Фотиевич Козлов

председатель Союза краеведов России, Москва

Ксения Андреевна Ларина

журналист, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», Москва

Александр Давидович Марголис

генеральный директор Международного благотворительного фонда
спасения Петербурга-Ленинграда, Санкт-Петербург

Арсений Борисович Рогинский

председатель Правления Международного Мемориала, Москва

Николай Карлович Сванидзе

историк, профессор, заведующий кафедрой журналистики
Института массмедиа РГГУ, Москва

Никита Павлович Соколов

заместитель исполнительного директора Президентского центра
Б. Н. Ельцина по научной работе, Москва

Ирина Лазаревна Щербакова

председатель Оргкомитета конкурса,
руководитель молодежных просветительских программ
Международного Мемориала, Москва

Ирина Евгеньевна Ясина

вице-президент фонда «Либеральная миссия», Москва

МЕНЯ ОКРУЖАЮТ СТОЛЕТЬЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ

Редактор-составитель Ирина Щербакова

Редактор Николай Гладких

Корректор Николай Гладких

Верстка Жанна Махмутова

Международный Мемориал

127006, Москва

Каретный Ряд, д. 5/10

e-mail konkurs@memo.ru

www.urokiistorii.ru/konkurs

495 650 78 83

Подписано в печать

Формат 60х90 1/16

Гарнитуры

Объем 12,5 условных печатных листов

Бумага офсетная

Печать офсетная

Тираж 1000 экз

Распространение бесплатное

Заказ

Отпечатано в ООО «Реал Дизайн»

121596, Россия, г. Москва, ул. Толбухина, д. 11, корп. 2

495 276 00 76

www.egf.ru